

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Любовница
снежного лорда

Annotation

Что делать, если страшный снежный лорд объявил тебя своей любовницей? Идеальный вариант — в ответ объявить себя его личным секретарем, поставив перед фактом, что порядочные девушки с начальством не спят, и старательно начать приводить в порядок его жизнь! А как иначе, если, вступив в должность, обнаруживаешь, что в жизни шефа бардак, бывшая возлюбленная с супругом нагло пользуются его благородством, невеста — вообще истеричка и слуги невоспитанные? В общем, работы у Виэль Мастерс непочатый край — воспитать слуг, шефу мозги вправить, создать оппозицию, заговор против узурпатора устроить...

А снежному лорду в этой ситуации лучше помалкивать — сам виноват, в любовницы к нему никто не набивался!

-
- [Елена Звездная](#)

-

Елена Звездная

ЛЮБОВНИЦА СНЕЖНОГО ЛОРДА

— Вы станете моей любовницей.

Прозвучало буднично, обыденно как-то и скучно. Это не было предложением, вопросом или даже приказом, нет, меня просто поставили в известность. Причем безразличным тоном, так, словно ничуть и никоим образом не ломают мне жизнь. И смотрел лорд Эйн точно так же — с безразличием. А еще с присущей истинным аристократам ленцой во взгляде холодных светлых глаз. Причем смотрел он исключительно на меня, совершенно игнорируя моих начальника и жениха, пришедших со мной в качестве поддержки, потому как... мы догадывались, что я услышу нечто подобное. Догадывались и искренне надеялись, что в присутствии сына мэра и собственно самого градоправителя Лерга лорд не посмеет...

Надеялись, как выяснилось, зря.

— Это шутка? — сжав в кулаки задрожавшие руки, осведомилась я.

И увидела то, что доводилось видеть не каждому, — хищную издевательски-провокационную улыбку ледяного выроodka... Мм-м, в смысле бесконечно уважаемого снежного лорда. Значит, не шутка.

— Мне очень жаль, — голос дрогнул, — но это совершенно невозможно, так как я уже помолвлена.

В глазах цвета едва выпавшего голубоватого снега вновь промелькнула откровенная скука, но лорд все же соизволил ответить:

— Мне совершенно плевать на вашу личную жизнь.

То есть я напрасно согласилась выйти замуж за маменького сыночка... в смысле, отпрыска нашего градоправителя, напрасно затеяла авантюру с помолвкой и вытерпела прилюдный слюнявый поцелуй на глазах в том числе и у моего настоящего жениха, и вообще все это было зря?!

— Вас, — отвернувшись и глядя в окно начал лорд Эйн, — сейчас выведет моя охрана, после чего вы будете препровождены в мой замок. Можете попрощаться с женихом.

Прощаться?!

— Но позвольте! — взвизгнул Людвиг.

Нет, он неплохой паренек, просто ленивый, прожигатель жизни и бабник, который три года совершенно безуспешно пытался привлечь мое внимание, а теперь, когда я согласилась, дабы избежать вот конкретно

подобной ситуации, столкнулся с перспективой потерять то, чего столь долго добивался.

Даже не взглянув на него, снежный лорд произнес:

— Вон.

Людвига сдуло.

Моментом.

Это было примерно как если из воздушного шарика выпустить воздух. Следом, ни слова не говоря, поспешил выйти и сам градоправитель, осознавший, что исполнительного и ответственного секретаря ему придется искать, потому что верная и находчивая секретарша, в смысле я, уже в прошлом. То есть теперь просители будут прорываться к нему абсолютно беспрепятственно, а значит, закончилась безмятежная градоправительная жизнь.

А ведь меня предупреждали — снежным лордам не отказывают...

Оно мне надо было этому конкретному снежному заявлять: «Градоправитель занят, к нему нельзя!»? Если бы я только знала, чем дело кончится, да я бы этому сама с поклоном двери открыла и без спросу пропустила бы! Да я бы... Да я...

Дверь, кстати, открылась. Вошли двое снежных в сверкающих серых костюмах. У них так иерархия демонстрируется — чем серее костюм, тем ниже по положению снежный. У лорда Эйна костюм алебастровый, то есть он явно один из высших чинов в горах. Мразь! Причем высокопоставленная мразь!

Ледяные глаза вновь удостоили меня своим вниманием, и лорд произнес:

— Ступайте, Виэль.

«Ступайте» — это потому, что нам великую весть сообщили, не предложив сесть, так что свой приговор я выслушала стоя... И эти двое в сером встали по бокам, видимо, чтобы кое-кто даже не подумал сбежать. Но, кстати, идея чудесная...

— Мне нужно собрать вещи, — попыталась возразить, дрожа всем телом.

— Ступайте с охраной. Вам более нечего делать или же собирать в этом городе.

— Мне нужно взять с собой как минимум одежду, — начинаю злиться.

— Виэль, — в бледной улыбке вновь промелькнуло что-то хищное, — поверьте, одежда — это последнее, что вам теперь потребуется.

Оба выродка, что стояли, конвоируя меня, мерзко и криво ухмыльнулись.

Достали!

— Вы пожалеете! — мрачно пообещала я.

Высокомерная усмешка в ответ.

— Небом клянусь, пожалеете!

Снежный справа крепко ухватил под локоток, снежный слева указал на дверь. Еще бы и в спину подтолкнули, уроды. И пальцы у них холодные, вся рука вмиг мурашками покрылась.

— Не трогайте, — я дернулась, вырываясь из захвата, — сама дойду.

Мужик справа отпустил, левый дошел до двери, издевательски-радушно распахнул ее, пропуская меня вперед. Очаровательно улыбнувшись ему, гордо шагнула в дверной проем и...

И, подхватив юбки, бросилась прочь!

На что я в тот момент надеялась? Ну как минимум на то, что здание мэрии сейчас снежные переделывали под себя, соответственно, тут имелись горы строительного мусора, груды кирпичей из белого известняка, разбросанные белоснежные доски. И как максимум рассчитывала на себя — детство в сиротском приюте учит многому. И потому за минуту я промчалась по коридору, опрокидывая доски, мешки, мусор, заготовки для балюстрад, бочку с чем-то жидким и тоже белым. У меня по идее были очень хорошие шансы на побег, по идее... И снежные даже отстали! Но стоило выскочить на лестницу, как догонявший снежный взвился в воздух, а приземлился уже внизу, преграждая мне путь.

Замерла, тяжело дыша, потирая саднившую руку, которой досталось при опрокидывании досок под ноги преследующим, оглянулась — второй стоял наверху, насмешливо глядя на беглянку, у которой теперь не было и шанса. Ну, по их мнению. Я же, тряхнув волосами, обычно темными, но сейчас почти белыми из-за пыли, которая взметнулась после опрокидывания мной мешков со строительной смесью, бросила взгляд на окно, до которого мне был всего шаг, на раму, которую явно придется выбивать своим телом, и попыталась вспомнить, а чего там под окном есть?

Черт, покалечусь же...

— Стоять, дура! — разгадав мой замысел, заорал снежный сверху.

Нашел дуру. Я прикрыла лицо рукавом, собираясь прыгать.

Снежный снизу рванул ко мне, надеясь остановить.

Но успеть ему не грозило.

Рывок! Боль от удара! Оглушающий звон стекла, свободное падение и...

Сугроб!

Мерзкий, снежный, живой сугроб из тех, что не тают даже летом! Огромные мягкие лапы подхватили, снимая с макушки сугроба, затем посиневшую от холода меня осторожно положили на землю. Земля была теплой...

— Оригинально, — раздалось надо мной.

Нехотя приоткрыла глаза — напротив имелись белоснежные, великолепно отутюженные брюки. Лорд Эйн. Затем идеальные брюки пошли складками, в смысле кое-кто присел на корточки. Холодные пальцы — даже через белоснежную перчатку ощущалось, что они ледяные, — отвели прядь растрепавшихся волос с моего лица, после чего снежный с недовольством констатировал:

— Губа разбита, на скуле ссадина, рука расцарапана.

— Сердце кровью обливается, — мрачно добавила я.

— От осознания своей глупости? — издевается.

— От перспективы спать со снеговиком. — Я села, с грустью посмотрела на разорванный подол платья. Моего любимого, к слову.

Затем огляделась, избегая встречаться взглядом со все так же находящимся рядом снежным. На площади, ранее многолюдной и шумной, ныне практически никого не было. Четыре живых сугроба, несколько снежных в сером, парочка втянувших голову в плечи чиновников, торопливо пересекавших открытое пространство, чтобы шмыгнуть в щель между домами и скрыться. А ведь когда-то в свободном городе никого не боялись.

— Помочь подняться? — холодно поинтересовался лорд Эйн.

Кивнула, раздумывая о своем.

— Вейга, — позвал снежный, вставая.

Снежный в сером подошел, нагнулся, ухватил меня за запястье, рывком поднял.

То есть сам будущий любовничек даже прикасаться ко мне не желал! Боимся кровью испачкаться?!

— Чистоплюй, — отряхивая испачканную юбку, зло сообщила снежному.

Мрачный взгляд ледяных глаз, белых с легким голубым оттенком и красным, как запекшаяся кровь, зрачком. Брр! Снежные вообще далеко не красавцы. Высокие, худощавые, с белыми волосами различных оттенков, с белой холодной кожей, они вызывали оторопь, удивление, неприязнь... до войны. А после — только страх. Жуткий, безотчетный страх и ужас у тех, кому сильно не повезло встретиться с ними в бою. С той войны наши мужчины возвращались седыми. Стоит ли удивляться, что победа в

развязанной нашим правительством войне досталась снежным?! Никто и не удивлялся, никто даже не роптал, на момент полной капитуляции нам хотелось, чтобы все просто закончилось.

Кто же знал, что кошмар только начинается?

Во-первых, снежные не удовлетворились выплатой контрибуции, более того, сам мирный договор их также не устроил, и победители захватили власть. Королевская династия была лишена регалий и привилегий, аристократия также. Власть на местах соответственно тоже получили снежные. Экспансия стала полномасштабной, и завоеватели, как лавина, подмяли под себя все. Недовольные не выживали, противники — не выживали, враги... врагов перебили еще во время войны. А затем выяснился прелюбопытный факт — это снежные для нас страшны как смертный грех, а вот наши женщины в их холодных глазах весьма и весьма привлекательны. Нет, волны насилий не случилось, подобное осталось в жутких временах прошедшей войны, но снежным... не отказывали. Не смели. И если взгляд холодных глаз с красными зрачками останавливался на девушке или женщине, это было однозначным приговором. Снежных боялись, от них скрывались, женщины более не показывались на улице с непокрытой головой, но если уж взгляд завоевателя тебя настиг... Радовало до сего печального дня только одно — снежные не трогали замужних. Когда до народа это дошло, в церквях стало не протолкнуться от желающих связать себя узами брака. В нашей маленькой церкви одновременно брачевали по сто пятьдесят пар, едва стало известно, что и до нас эта напасть дошла. Но городу повезло — явившийся лорд Эйн со столь явным презрением относился к местному населению, что это передалось и его подчиненным. В итоге за полтора месяца их пребывания в Лерге никто вообще снежным не приглянулся. Это обнадежило всех, включая меня. И потому вместо того, чтобы заключить брак с уже имеющейся жертвой матримониальных планов, я преспокойно ждала, когда придет его бабушка, чтобы сыграть свадьбу в соответствии с традициями его семьи. Дождалась...

— Идемте. — Снежный в сером снова ухватил за локоть, только теперь не в пример крепче, и потянул к уже ожидающему экипажу.

Белому, да. У них все белое. И ненормальное — у этого экипажа лошадей не было, ехал почти беззвучно, только поскрипывал, как по... да как по снегу! «Сани мертвецов» — прозвали такой в народе, и сейчас увидев подобный экипаж и осознав, что именно к нему меня и волокут, я уперлась ногами в брусчатку и взвыла:

— Да вы рехнулись! Я туда не сяду!

Внезапно снежный в сером отпустил мой локоть. Но не успела даже обернуться, чтобы понять в чем дело, как запястье сковали ледяные пальцы, и лорд Эйн молча потащил меня к экипажу. Сначала волоком, после подняв и практически на весу. Он подошел к карете за несколько секунд, двери открылись сами, и меня, совершенно не заботясь о сохранности предполагаемой постельной игрушки, зашвырнули в теплое светлое нутро «саней». Дверь закрылась, отрезая от звуков, света, людей, города... от всего!

Тихий скрип... Карета тронулась.

Я вскочила, не удержалась, упала на колени, что было совершенно безболезненно, — теплый пушистый ковер устилал пол, — проползла к двери, попыталась открыть, но ручки тут не было, толкнула — тоже бесполезно. Устало села на пол, опершись спиной о проклятую дверь, тихо застонала. Нет, ну это надо же было так попасть!

А бабка Закари вчера приехала, вечером. В день моей помолвки с Людвигом! Потрясающе, просто потрясающе! Я посмотрела на свои ободранные ладони, мстительно испачкала карету кровью. Красное на белом смотрелось знаменательно. Он еще пожалеет, жизнью клянусь, пожалеет! Любовница, значит?! Да ты, оглобля снежная, до лицезрения стратегических любовных мест даже близко не доберешься!

Злилась я жутко. Может быть, в моем положении и полагалось стенать, заламывая белые руки, или же дрожать от страха — снежные своим пассиям стирали память после собственно процесса, так что я понятия не имела, что ждет меня с этим. Но вместо страха или опасений я испытывала только злость! И ярость. И бешенство такое охватывало, стоило лишь вспомнить его холодно-безразличное «Вы станете моей любовницей». Да он хоть представляет, чего стоило безродной сиротке вырваться из нужды и добиться должности секретаря у градоправителя, причем добиться своим трудом и мозгами?! Я ночами не досыпала, я работала сутками, чтобы из клерка в захудалом монастырском архиве выбиться в служащие городской администрации! Впрочем, лгу, одной работоспособности было мало, я пошла на откровенный подлог, подделав документы, и из безродной сироты стала племянницей престарелого господина Мастерса, который опровергнуть родство не мог по причине совершенного расстройства памяти. И потому, когда к нему заявила пятнадцатилетняя племянница, принял, как и полагалось принимать бедных родственников. И пусть я несколько лет прожила на чердаке под крышей, меня откровенно презирала вся прислуга и, естественно, никто не стал включать мою персону в завещание, зато в городе я пользовалась заслуженным уважением,

сослуживцы не смели приставать к племяннице господина Мастерса, а сын купца Закари Тейс, который безмерно мне нравился, счел честью сделать предложение родственнице именитого горожанина. И все было чудесно! Все было замечательно и шло по плану, пока его снежность лорд Эйн не соизволил заявиться в наш город!

За что?! Небеса, вот скажите мне, за что?!

Экипаж, мерно поскрипывая, продолжал увозить меня в непонятное ледяное будущее... будущее презираемой всеми любовницы! Мразь! Я ведь теперь даже вернуться не смогу, после подобного позора. Точнее нет, я вернусь, но даже представить сложно, чего мне будет стоить найти себе новое имя, новую биографию и вообще вновь добиться уважения... И в этот город возвращаться мне уже нет смысла — ни один из достойных мужчин не возьмет в жены женщину, побывавшую чьей-то любовницей...

Злые слезы невольно покатались по щекам. Злые, обиженные слезы! Вот за что мне это? И почему вообще я?! Один раз, всего один раз сказала: «Господин Найнван занят. Чай, кофе, горячительные напитки?» И все! На этом было все. Но снежный ублюдок медленно повернул голову, смерил меня взглядом с ног до головы, усмехнулся и выдал: «В мою карету». При этих его словах второй секретарь, пожилая госпожа Тене, выронила поднос с чаем, уже заготовленным для гостей, чем обратила внимание снежного на себя, и именно ей лорд Эйн приказал: «Доложите обо мне. Немедленно».

Естественно, о приходе лорда доложено было мгновенно, причем мной — я метнулась к градоправителю, четко представила посетителя и понадеялась было, что сказанное в приемной — просто шутка. Но стоило вернуться к своему столу, как сопровождающий лорда Эйна сухо произнес: «Вам был отдан другой приказ. Исполняйте». На это я мгновенно ответила: «Конечно-конечно, как скажете». Под испуганным взглядом госпожи Тене накинула шаль на плечи и поспешила... к служебному выходу, оттуда через два магазина на соседнюю улицу, а там и в дом градоправителя, с порога сообщив открывшему дверь Людвигу: «Дорогой, я согласна!» Этот увалень так обрадовался, что сжал в медвежьих объятиях, едва не убив, следом передал меня своей гневно на произошедшее взиравшей матушке. Просто госпожа Найнван меня откровенно недолюбливала, ибо четко знала — те жуткие платки, что господин Найнван дарит ей на каждый новый год, покупаю именно я, — за что мстила, и мстила жестоко, потому что я точно знала, что ту мерзкую туалетную воду, которую господин Найнван дарил мне на каждый праздник, покупала госпожа Найнван... Просто застигла ее, с самым коварным выражением лица покидающую парфюмерную лавку, а на утро моя вонючая коллекция пополнилась еще одним флаконом. Да, я

госпожу Найнван тоже недолюбливала.

— Виэль Мастерс, — прошипела мадам, едва нас оставили наедине.

«Я женюсь на Виэль!!!» — слышался на улице бас ее сыночка.

— Через мой труп, — прошипела будущая свекровь.

— Несите нож, оформим, — с энтузиазмом поддержала я.

Госпожа Найнван посерела и передумала вмешиваться. Это я так в тот момент подумала, жаль ошиблась. Потому как стараниями Людвига, мечтавшего о первой брачной ночи, свадьбу решили устроить в тот же вечер. Но энтузиазм парню достался явно от мамы, потому как та организацией бракосочетания и занималась, и священника умудрилась спойти и запрягать, зараза! В результате вместо свадьбы у нас была помолвка, и всю последующую ночь я объясняла Людвигу, что самое интересное происходит только после свадьбы, соответственно я сейчас ничего ему не должна, особенно что касается супружеского долга. Утром, измученная поисками святого отца и желающая госпоже Найнван всего плохого уже вслух, а не про себя, я открыла дверь и...

— Вы нарушили приказ, — совершенно без эмоций произнес стоящий на пороге снежный в сером.

А как они меня вообще в доме мэра нашли?! Моя собственная квартира на другом конце города находится!

— Да-да, — нервно заулыбалась. — Следовать в карету?

Снежный медленно и напряженно кивнул. Напрягался не зря, шаг назад — и я захлопнула дверь перед его носом. Поворот, и, узрев спустившегося со второго этажа будущего свекра, мило улыбаясь, поинтересовалась:

— Вы же не отдадите невестку, папенька?

«Маменька», высунувшись из-под лестницы, елевым голосом напомнила:

— Еще не папенька.

Стерва. Как есть стерва.

— Людвиг, любимый, иди ко мне! — сладко и эротично заорала я.

Когда жить захочется, и не так заорешь.

Туша «нареченного», охваченная любовным пылом, мгновенно явилась, прогрохотав по ступеням и едва не снеся батюшку. Примчавшись, Людвиг подхватил меня на свои дрожащие ручонки и возопил:

— Наконец-то!

— Да подожди же ты, дорогой. — Я не то чтобы кокетливо пальчиком прижала его губы, намекая на то, что не до поцелуев, нет, мне закрываться пришлось обеими руками и даже коленом от слишком пылкого жениха. —

Д-д-дракона еще не победил, подвиг н-н-не... Людвиг, нет!

Последняя реплика прозвучала истерическим визгом.

И тут дверь распахнулась, являя взбешенного снежного с красиво расквашенным носом, и он, в смысле не нос, а снежный, прошипел:

— Ты...

Не Людвигу прошипел. Осознав, что за причинение вреда снежному меня и прибить могут, по закону именно такое полагалось покусителю на белокожих, мгновенно перестала отпихивать любвеобильного жениха, обвила его толстую шею руками и томно проворковала:

— Людвиг, а это — дракон.

— Где? — не понял снежный, доставая платок.

Серый, как и его одеяние.

Я ногой снова захлопнула дверь. И, кажется, снежному опять досталось по носу.

Людвиг ничего не понял, он тормознул еще на мысли о драконе и начал озиаться. И только сообразительная госпожа Найнван взвизгнула истерично:

— Людвичек, она сражения с драконом не стоит, брось каку, сына!

Да не такие уж и плохие платки я ей выбирала, чтобы настолько меня ненавидеть! Ну кроме той парочки, на которых золотыми буквами на ее родном аске было выведено: «Покойся с миром». Но тут меня можно понять — это после того, как с ее легкой руки мне был вручен пузырек с самодельной туалетной водой, вонявшей тухлятиной! Но все же!

Впрочем, сказать что-либо не вышло — по двери ударили так, что она с грохотом повалилась, и так как там стоял Людвиг со мной на руках, то двери сильно не повезло — раскололась об голову моего нареченного. А Людвигу ничего, даже не заметил, поморщился только от пыли и головой тряхнул, сбрасывая щепки. Seriously — я его зауважала сразу. И не только я — оба снежных в сером тоже с уважением поглядели.

Уважения хватило секунд на тридцать, после чего снежные синхронно сообщили:

— К лорду Эйну. Сейчас.

Я вцепилась в жениха мертвой хваткой, Людвиг, осознав, что «драконов» двое, вцепился в папочку. Вот так втроем мы и были поставлены пред очи лорда Эйна. И вот итог — трясусь в карете, непонятно куда направляясь.

И понервничать бы сейчас, попереживать, обрыдаться в конце-концов, но злость такая душит — до бешенства. И решив, что на месть мне силы еще понадобятся, злющая, как виверна, я завалилась спать.

Транспорт перестал скрипеть часов через семь, когда мысли о естественных надобностях вытеснили даже желание убивать снежного гада долго и с удовольствием. То есть теперь план был таков — сбегать в комнату для девочек, поесть, убить Эйна. План мне нравился, очень. Особенно в момент, когда карета, в которой я находилась, заскользила явно по воде и до меня плеск донесся... Негуманно вообще так с будущими любовницами обращаться! Где мои драгоценности, слуги и долгий чувственный соблазн?! Или это у снежных такой способ укрощения строптивых? Действительно, должна признать, но и глупо — так до лужи довоспитываются, и будет у них запах в карете недвусмысленный. Ибо издевательства издевательствами, но меру знать нужно!

Меру они, как оказалось, знали, потому как экипаж остановился.

Остановился!

Затем дверь распахнулась и я услышала ледяное:

— Не рыдать. Не истерить. Ваша покорность и готовность услужить — лучшая тактика поведения в вашем положении. И я бы попросил выйти из кареты самостоятельно, не заставляйте вытаскивать вас насиль...

Договорить снежный не успел — я не вышла, я вылетела. Чуть не поскользнулась на ледяном полу, удержалась, только схватившись за рукав снежного в черном (с красными глазами эффект был убийственный, мне в некоторые места захотелось с утроенной силой), и взвыла:

— А покои мои где?!

Снежный, дворецкий он тут или кто, неясно, оторопев от моей прыти, нервно указал куда-то вверх.

— Благодарствую, — ответствовала я и умчалась вверх, мимоходом заметив, что находились мы в зале со множеством луж, на первый взгляд бездонных, и собственно мой транспорт стоял рядом с одной из луж и с него стекало... Стекало... Текло... Где мои покои?!

— Наверх, третий этаж, соро...

Не дослушала.

Подхватив грязные после убеганий от снежных прихвостней юбки, помчалась вверх по лестнице, отсчитывая пролеты — первый, второй, третий... На третьем выскочила в коридор. Отвратительно белый! С кремовым ковром на полу, ледяными скульптурами, снежными картинами — бр-р-р, одним словом. И публичный дом, если говорить двумя словами, ибо на дверях, тянувшихся по обеим стенам коридора, значилось: «Айзи,

Ника, Эрма, Улинна, Габри, Виэль...». Виэль? О, это я, а значит для меня, то есть мое!

И я рванула к двери, дернула за ручку и... дверь не открылась. А у меня уже от естественных желаний в глазах мутнеет, и вообще это что такое?!

— Откройте! — заорала я. — Откройте немедленно, мне срочно надо... — подумала, что сказала, хихикнула и добавила шепотом: — В любовницы надо, срочно.

Оказалось, даже шепотом тут говорить не стоит — в ледяном замке с эхом имелись явные проблемы, поэтому моя последняя фраза разнеслась по всему коридору.

И тут что-то со звоном грохнулось и разбилось.

Поворачиваюсь на звук и вижу штук восемь женщин в серо-синей одежде с подносами, одеждой какой-то, бельем постельным. Ну и собственно содержимое подноса с едой, живописно украсившее кремовый ковер и сверкающий белоснежный пол. Надеюсь, это не моим обедом они тут интерьеры разукрашивают, искренне надеюсь, иначе они крупно влипли! Потому что я когда голодная, я зверею!

— Откройте! — ору повторно, отчаянно толкая эту проклятую дверь. — Мне в... в... — если скажу про туалет, могут и не пустить ведь, так что: — Мне срочно!

У этих в штатном одеянии еще что-то поывываливалось. Потом какая-то робко так:

— Деточка, дверь на себя открывается.

Упс...

Чинно потянула дверь на себя, еще более чинно вошла и... и начала озиаться. Местечко, куда я вломилась, имело, к моему величайшему сожалению, до черта дверей! Я вторглась в ближайшую — шкаф с подобием ночных рубашек, но с первого взгляда стало ясно, что в таком и перед подушкой с простынею будет стыдно. За второй дверью комнатка с круглой кроватью посередине и кругом зеркала, зеркала, зеркала — на стенах и на потолке. И это был не сортир, нет. Врываюсь в следующую белую дверь — спальня, но тоже странная, с ремешками какими-то, кнутами, по стене развешанными. Четвертая дверь — ванная, громадная, с бассейном посередине, но... но никаких, мать его, удобств!

— Да что это за хрень вообще! — сорвался кто-то на истерический вопль.

Я сорвалась, каюсь.

— Какой д-д-диби... — вспомнила, что снежные к оскорблениям

неравнодушны, могут еще и из любовниц исключить до обнаружения мной требуемых удобств и исправилась: — добрый человек вообще тут все проектировал?!

Ответа не последовало, хотя народу столпилось в помещении изрядно, я же, алчно озираясь, узрела еще одну дверь. Помчалась через все пространство, причем народ на пути расступался, и ворвалась — спальня! Чертова спальня, зато классическая и у нее тоже была дверь. Оно ли?! Понадеявшись на чудо, ворвалась в спальню, промчалась через нее, рванула вожаделенную дверь и...

Свершилось!

Комнатка была маленькая, уютненькая, и да, тоже белая, зато в ней имелось все, что так требовалось.

Через несколько минут, совершенно спокойная и адекватная, я вернулась в то помещение, куда ввалилась, дверь на себя потянув, оглядела присутствующий народ (явно какие-то из болотных помесков, иначе откуда смуглая, почти зеленая кожа и жуткие, совершенно желтые глаза без зрачков, и грозно спросила:

— А кормить меня скоро будут?!

После моего вопроса одна бабулька повернулась к другой и шепотом спросила:

— Снежные новое государство захватили с населением неадекватным?

— Нет, вроде, — не слишком уверенно ответила ей вторая.

Все вновь уставились на меня.

— Эта не из тех ли племен будет, что по реке Версянке живут и по лету с ума сходят? — снова та самая неугомонная бабуля.

Ответила ей я, и ответила решительно и грозно:

— Нет, бабушка, мы не из тех мест будем, мы гелленские.

— Правда? — искренне удивилась старушка. — А что, и до низинных мест дурман-трава дошла?

Она это серьезно сейчас спросила?! Дурман-трава вещь особая — живет себе круглый год и в ус не дует, в смысле не мешает, никому, но вот в срединный летний месяц ка-а-ак зацветет, как начнет пыльцу разбрасывать, так народ вмиг дуреет и ходит сопливый, красноносый, красноглазый и... дурной, как есть дурной. Потому как именно в эту пору по дорогам грабители начинают путь верный сообщать, кому надо помогать телегу починить, или припасами делятся, или там с охотой помогают. Грабители-то в основном придорожные, им от дурман-травы более всего достается, вот и дуреют ровно на месяц. Ну а потом все как полагается: и грабят, и насильничают, и от стражи королевской бегают... Да уж, только вот теперь

уже стражи королевской нет... как и королевства...

И я бы пригорюнилась, но если честно:

— Слушайте, знахарки-травницы, я со вчерашнего дня ни крошки не съела, покормите ради собственной безопасности!

Они впечатлились, и в течение пяти минут, в которые я обстановку разглядывала, мне принесли два подноса. Один большо-о-ой и вкуснопахнувший, который под моим голодным взором уволокли в ванную...

— Притирания для вашего тела, — сообщила одна из бабулек.

А второй ма-а-ахонький! Совсем махонький, с тарелку размером. И вот его поднесли к столику, за который голодная я уселась, и крышку с него сняли. А там — без слез не взглянешь! Один стакан воды с лимоном, одно порезанное яблоко, ложечка творожка и кусочек сыра полупрозрачный. Подняла двумя пальцами ломтик сыра, посмотрела — не полу, а прозрачный!

— Вы что, издеваетесь? — упавшим голосом спросила жертва чужих эротических планов.

Они переглянулись, синхронно сделали шаг назад, и какая-то совсем древняя бабуля, которой видимо умирать было не страшно, дрожащим голосом поведала:

— Лорд Эйн стройненьких любит...

И вот тут до меня дошло!!! Я же к свадьбе худеть взялась! Просто зарплата у секретаря градоправителя не то чтобы высокая, совсем наоборот, а свадебное платье я полгода назад прикупила со скидкой — у мисс Глим свадебка расстроилась, так как дева жениха в постели с лучшей подружкой застучала и пришла к нам разрыв помолвки оформлять, так что платье мне досталось практически даром, и роскошное платье, должна признать. А то, что мисс Глим — тростиночка и платье по ней шилось, это мелочи, решено было его надеть, и я приступила к методичному похудению.

Похудела на свою голову.

И вот так мне от всего этого обидно стало, и за пирожки несъеденные, и за булочки, которые стороной обходила, и за пирожные, кои полгода ни-ни, отчего слезами давилась, и за... Да за все, короче!

— Так, — грозно рыча, поднялась со стула, — я хочу жрать!

— Так это, — старушка, которая, видимо, решила, что умирать ей все-таки рано, шустро в толпу перепуганной прислуги юркнула, — не велено вам много кушать нести, не...

— А кто тут сказал про кушать?! — Перед моим мысленным взором

как раз проносилось все, в чем я себе полгода как дура отказывала, худея ради платья, которое уже не надену. — Про «кушать» речи не было! Я жрать хочу! И тут у вас, милейшие, есть выбор: или меня покормят, иди я сама кого-нибудь съем сейчас! К слову, лорд Эйн уже вернулся?

Прислуга, дрожа от моего гнева, а в гнев я страшна, отрицательно помотала головами.

— Значит, придется выбрать кого-нибудь другого... — задумчиво оглядывая присутствующих, пробормотала я.

Через полсекунды в помещении никого не осталось, а топот и грохот понеслись прочь. И да, возглавляла убегающую толпу та самая древняя старушка. Вот что значит опыт, уважаю. Но если поначалу у меня мелькнула мысль, что это они за едой помчались, то через час пришлось увериться в печальном — просто смылись. А я осталась вся грязная после беготни по ремонтирующемуся помещению и падений, немытая и голодная!

Сходила в ванную, открыла поднос с притираниями, уронила челюсть — там и орехи тертые, и мед, и малина, и какой-то экстракт из чего-то цитрусового... И вот съела бы, но понятия не имею, какими руками все это готовилось, в смысле, вдруг они лапы свои не мыли... В общем и целом мне уже дико не нравилось быть любовницей снежного уродца... в смысле лорда. Нет, оно мне сразу не нравилось, но я рассчитывала на хоть что-то хорошее, а не измор меня голодом!

С горя пошла искупалась, напритиравшись ягодными муссами, шампунями, мылами, в завершение вылила в воду то цитрусовое непонятно что, полежала, расслабилась, пока живот бурчать от голода не начал. Поднявшись, посмотрела на свою грязную одежду и решила, что надевать ее не буду. Вспомнила об имеющемся гардеробе с вещами, вызывающими стыдливый румянец не то что у меня — у зеркала, надела банный халат, благо длинный, пушистый и теплый, и пошла искать нормальную одежду.

В гардеробной выбирать определенно оказалось нечего. Нет, бюстье и панталончики я себе нашла, все остальное оказалось чрезмерно непотребным, так что натянула обратно халат и потопала в чулках и отмытых моих же туфельках добывать себе одеяние.

Вышла в белоснежный, сверкающий словно инеем коридор. Тут было так чистенько...

Вернулась, пошла забрала из ванной малиновый, клубничный и крыжовниковый муссы, точнее то, что от них осталось. От фруктовых ароматов мой желудок взвыл особенно громко, но сначала удовлетворим тягу к прекрасному.

И я удовлетворила! Клубничкой изобразила пятно на стене, теперь выглядело так, словно кого-то головой приложили раз двадцать, пока та не треснула. Крыжовником изобразила рвотные массы... по всем углам коридора. Малинку просто пошвыряла об стену, чтобы красные пятна пооставались. Живописненько так вышло, я бы даже назвала этот стиль «Зверское убийство в лаборатории». Короче, мы с чувством прекрасного были осчастливлены основательно.

И после содеянного я с самым довольным видом продолжила поиски одежды.

Открыла ближайшую дверь с надписью «Лаура», заглянула в помещение, обнаружила обронившую книгу сидящую у окна былинку в срамном наряде. Вынуждена была признать, что на такой тростиночке даже срамное одеяние смотрелось вполне прилично... В смысле, что может быть неприличного в костях, правда?! Кости они и есть кости, им можно даже без исподнего. Но в общем и целом стало ясно, что одежду я тут не найду.

— Извиняйте, — сказала тощей блондинке и дверь закрыла.

Постояла, подумала, решила, что в соседних комнатах я вряд ли увижу что-то новое, поэтому надо бы наведаться на другой этаж. Под веселое бурчание голодного желудка дошла до конца коридора, спустилась по лестнице со скользковатыми ступенями и увидела, что коридор тут достаточно короткий, и в конце его двери такие резные, основательные — ага, сразу ясно, чьи покои. А что ж я за любовница, если к любовничку на огонек не загляну?! Вот-вот, и я так же подумала, после чего смело отправилась к возлюбленному, чтоб его мурены загрызли.

У дверей лорда Эйна стражи не имелось... ну, сам виноват, чего уж тут. Решительно потянула на себя двери, не менее решительно вошла. И обалдела... У снежного покои оказались оформлены в черно-золотой гамме! Нет, ну кто бы мог подумать! Я полагала, бело-серебристый у них в почете, а оказывается... Прошлась по черному ковру, разглядывая стены в золотых обоях (гадость совершеннейшая, должна признать), и решила, что как новая женщина в доме просто обязана порадовать драгоценного привнесением собственного «я» в интерьер. А мое собственное «я» сейчас было голодное и злое... Злое и голодное... И злое! И между прочим, я его слуг сразу предупредила — накормите, а то хуже будет. А они не накормили, так что...

Для начала я нашла гардеробную лорда Эйна. Просто выпускать свое творческое начало будучи одетой в длиннющий и тяжелый банный халат — это как-то не эстетично, соответственно, решено было переодеться. У снежного в гардеробе не оказалось срамных вещей, но и женских платьев

тоже не было. Ничего, мы люди не гордые — выбрала его белоснежную шелковую рубашку, примерила, — мне откровенно шло, но только когда я шла, а так висело мешком до колен. Зато когда я шла, там такая волна создавалась, по телу струилась, и, короче, мне явно шло. Так что рубашку я экспроприировала, заодно выбрала себе еще штук пять на смену — голубенькую, серебристую, синенькую, черненькую и еще одну белую. Потом окинула оценивающим взглядом здоровенную, шагов в двадцать в длину гардеробную с тремя рядами висящих рубашек, костюмов, белья, курток, плащей и... Ну он первый начал, всучив мне заполненную срамными вещами гардеробную. Серьезно первый начал, а мы, сироты приютские, мы долгов не копим, мы их быстренько возвращаем, так что...

Вспомнила, где видела оружие, на стене развешанное. Сходила, оценила набор клинков разной степени величины, толщины, красоты. Выбрала самый тоненький и такой длинный, мне до пояса почти, вытащила из крепителя, уронила на лезвие «совершенно нечаянно» сорванную с окна занавеску — та опала на пол двумя кусками материи... Остренькое лезвие, ничего не скажешь. Говорить и не требовалось — ухватив оружие двумя руками, потащила в гардеробную, волоча острием по полу... ковер тоже поделился на две не слишком ровные половинки.

А потом в гардеробной я и ух, я и эх, я и размахнись рука, и разомнись плечо, и в лесоруба поиграла, и в рыцаря, и в мочилову-рубилу. В итоге стою такая вспотевшая, капли со лба утираю, а вокруг, словно листья, куски ткани падают — тихо, красиво, завораживающе... И вот стою, люблюсь, а живот «буррр» и «уррр»... Нет, талант определенно не должен быть голодным, иначе никакой возможности любоваться прекрасным!

Вот только с оружием расставаться мне не захотелось, так что я сбегала, занесла рубашки к себе в комнату, после чего все так же с этим мечом неправильной формы побежала вниз искать кухню... Надо ли говорить, что клинок был тяжелый, соответственно я его волочила острием вниз, так что у лорда Эйна ковров стало в два раза больше! Ну, если из одного ковра делаешь две половинки, это ведь уже два ковра, так? Вот какая я хозяйственная, повезло снежному уро... лорду со мной!

Кухню я обнаружила аж на первом этаже, полную перепуганной прислуги... Просто мое «размахнись рука, разомнись плечо» начиналось каждый раз, как я видела занавески, или гобелены, или статуи, — короче вошла я во вкус, но слуги решили, что это я от кровожадности и склонности к убийствам. Темный они народ, вообще ничего в прекрасном не смыслят.

Хотя нет, оказалось, что смыслят — потому как одна из служанок как

раз держала поднос, который дребезжал, потому я и обратила на него внимание, а на том подносе красовалось нечто восхитительное — курочка с хрустящей корочкой! Красивая курочка! Я бы даже сказала, что прекрасная, то есть смыслили зеленокожие в красоте, еще как смыслили! Вот только я не сразу поняла, чего это курочка на подносики делает?

Прищурилась, постояла, глядя на прислугу и задумчиво кромсая мечиком дверцу, — клинок вообще знатный попался, древесину резал как горячий нож масло.

— Р-р-родовая ритуальная катана... ей же три тысячи лет... — простонал какой-то мужик и грохнулся в обморок.

Это меня несколько отвлекло, я на клинок глянула, но запах курочки не позволил сбиться с нужной мысли, и я поняла — она на подносе, потому что ее куда-то несли!

— Та-а-ак, — перехватила катану поудобнее, — и куда добро сносим?!

Они икнули и еще шаг назад сделали, хотя и так уже сгрудились в углу кухни, и так компактененько, что все пятьдесят, не меньше, уместились.

Но я и сама догадалась куда — пока я тут привносила в интерьер свое «я» да увеличивала хозяйство лорда, уже и время ужина наступило, соответственно накрывали сейчас стол для его снежности. А я между прочим вся совсем голодная! А он мне любовник, так? Так. Где тогда мой романтический ужин?!

— А проводите-ка меня в столовую для вечерней трапезы, — попросила угрожающе я.

Они дернулись, но никто не поспешил порадовать бедную несчастную голодную меня.

— Ты, с курицей, — указала острием на девицу с подносом, — веди, пока я с голоду совсем не озверела.

Служанка ойкнула и сорвалась в другие двери. Я за ней. Она с визгом, вперед.

— Курицу, курицу не урони только! — орала я, догоняя ее с мечом наперевес.

Уронила.

И не она курицу, а я — катану, как только ворвалась следом за девицей в столовую. И ух какая это была столовая!!! Ну, в целом я не увидела какая, потому как взгляд мой застрял на столе! И ух какой это был стол... Впрочем, кого тут интересует стол, я даже его форму не уловила, перебегая голодным взглядом с одного блюда на другое. А еды тут было... И вина...

— Еда! — прорычал мой изголодавшийся за полгода желудок.

В смысле рычала я, но он явно поддержал, и мы накинудились на стол,

накрытый на две персоны. И чего тут только не было — и курятина, и говядина, и рыба, и свинятина, и фрукты, и кабанятина, и овоща, и соуса, и десерт, и винный к мясу, рыбе и десерту! А я со вчерашнего дня вообще ничего не ела — на помолвке кусок в горло не лез, с утра не успела просто, и тут оно!

Через десять минут я была сыта по горло и сидела в кресле с бокалом вина в одной руке, катаной в другой и блюдом с цельным тортом на коленях. Торт был великолепен, но уже не лезло, а потому я, отставив бокал с вином, просто сколупывала с него ягодки с кремом. Вкуснятина!

И вот в момент, когда я, запрокинув голову, облизывала вишенку, держа ее за черенок, дверь открылась...

Лениво облизала всю ягодку, после чего соизволила посмотреть на посетителей и... да чуть катану не выронила! Потому что в дверях обнаружился потрясенный лорд Эйн, галантно поддерживающий под локоток снежную леди, и похоже, что леди Эйн, потому как у нее и у него одинаковые браслеты на руках имелись.

В первый момент я жутко смутилась, просто даже мысли не пришло в голову, что урод женат, но затем... Я между прочим из-за него теперь черта с два выйду замуж! Он мне вообще жизнь сломал! Он...

— Д-д-дорогой лорд Эйн, это кто? — прошипела взбешенная снежная леди.

К слову, страшная, как и лорд. В смысле тоже бледная, с белыми глазами и красным зрачком, а еще ко всему прочему клыкастая слегка. То есть с женой уроду конечно не повезло, но это не повод заводить гарем и портить мне жизнь. У меня, между прочим, жизнь одна, а у него любовниц много — следовало правильно расставлять приоритеты, а не воровать некоторых худеющих к свадьбе секретарей градоправителя.

Короче, сам нарвался, так что я с гордостью отсалютовала красноглазой бледности вновь подхваченным бокалом с вином и представилась:

— Любовница!

Дама икнула.

— Сороковая или сорок первая по счету примерно, — продолжила я, — в смысле не считала, но там наверху у него еще штук сорок девиц определенного рода занятий в срамном одеянии содержится.

Снежная медленно повернулась к лорду, смерила его полным ярости взглядом, затем стянула с руки сверкающий бриллиантами браслет, вручила его оторопевшему лорду и прошипела:

— Вам следует поискать себе другую невесту, лорд Эйн. Но поверьте,

о случившемся узнают все дома с девицами на выданье! Соответственно вам придется как минимум, — взгляд на меня, — в сорок раз увеличить сумму выплаты за невесту. Всего вам мерзкого!

После чего гордо крутанулась и с не менее гордой посадкой головы и разворотом плеч покинула брошенного, как я понимаю, жениха. И она была не одинока — гордо поднявшись с кресла, я уронила торт на пол... случайно. Смахнула с подлокотника бутылъ с вином... тоже случайно, просто меня пошатывало, после чего, все так же удерживая катану, протопала к двери, за которой скрылась леди. Смерила стоящего взбешенного снежного гордым взглядом, спину выпрямила максимально и тоже очень гордо и повторила:

— Всего вам мерзкого!

После чего попыталась выйти, намереваясь догнать леди и напроситься к ней в сопровождающие, дабы покинуть эту негостеприимную обитель. И вот я уже почти была у дверей, когда на моем плече вдруг сомкнулись холодные пальцы...

— Не так быстро! — прорычал кое-кто сильно взбешенный двойным пожеланием мерзости.

И мне вдруг неуютно так стало...

И еще более неуютно, когда такие же холодные пальцы сомкнулись на запястье той руки, которая удерживала катану, что увеличивала состояние лорда вдвое. Совершенно бескорыстно, между прочим, увеличивала, а он...

— Ты себе даже представить не можешь, что сейчас сотворила! — прошипел теряющий последние мозги и выдержку снежный лорд.

Но я была пьяна, не менее зла и оттого совершенно бесстрашна:

— Ну почему же, отчетливо представляю, — повернула голову, запрокинула, чтобы рожу перекошенную видеть, и ответила: — Надеюсь, испортила вам жизнь так же, как вы — мою. И ведь я предупреждала — пожалеете.

Совершенно не вникая голосу разума, мое запястье сжали так, что, вскрикнув, я выронила катану, и та упала с жалобным стоном, словно сожалея по поводу того, что так и не дорезала снежников ковер. Мне этого тоже было жаль. А еще руку.

— Больно, между прочим, — посетовала я.

Стальные пальцы разжались всего на миг, а затем сжались снова, и снежный рывком развернул меня к себе. И вот его красные глаза в бешенстве взирают на меня с нехилой высоты сугробного роста, и в этих глазах плещется явное желание... Такое явное и очевидное желание, которое от интима или там того, для чего любовниц заводят, вообще далеко.

В смысле мужик явно собирается меня убить. А мне так обидно стало! Нет, правда обидно — он меня в любовницы сам взял, я не то чтобы не просилась, я активно отказывалась от столь сомнительной чести... Видимо, изначально в желании этого сугробчика сомневалась и, как оказалось, не зря.

— Куда вы меня тащите? — пискнула, едва подхвативший катану снежный поволоок меня в угол.

Обернувшись, лорд смерил меня взбешенным алым взглядом и долбанул... рукой по стене.

Та оскорбилась и открыла пыльный проход, в который снежный яростно шагнул, увлекая меня за собой.

Нет, я бы не увлеклась, вообще никогда не увлекалась грязными пыльными проходами, но мне просто не оставили выбора. Пришлось увлеченно проволочься метров сорок, потом куда-то вниз по ступеням промчаться, потом лорд Эйн вновь открыл стену, шагнул куда-то в сухое помещение с серым гранитом (что радовало, хоть не все тут белое) и рывком швырнул меня...

Пролетев метра три-четыре, я рухнула на постель. Мягкую, двуспальную, с хрустящим накрахмаленным бельем. Затем раздался звон. После звук закрываемого замка и... в меня швырнули ключами. Те упали рядом на кровать, поэтому я соизволила сесть, оглядеть странную спальню в стиле «очень комфортная тюрьма», потому как одна стена, та самая с дверью железной, была в виде толстых железных прутьев... То есть меня посадили под замок, но при этом почему-то мне же швырнули ключи от двери.

— Слушайте, — удивленно взглянула на лорда, вцепившегося в прутья и с ненавистью взирающего на меня через решетку, — все понимаю, но ключи вы мне зачем кинули?! Вы же меня как бы заперли, так?

Красные глазенки снежного вдруг побелели до состояния «выпавший снег», после чего лорд, с трудом сдерживая явно ругательства, прошипел:

— Я тебя запер исключительно чтобы не прибить!

Оу...

Посмотрела на лорда Эйна — тот тяжело дышал, на лбу и шее вздулись вены... в общем, и так не красавчик, теперь и вовсе страшный стал. Вороватым движением схватила ключи и сунула в самое надежное место — за пазуху. Заметила, как сощурились при этом глаза снежного. А еще заметила, что катану он мне оставил, на пол швырнул просто.

— А это мне зачем? Чтобы самоубиться? — поинтересовалась, откровенно побаиваясь услышать ответ.

Снежный перестал жутко дышать и венами вздуться, нахмурился, взглянул на катану и произнес:

— Это зачарованная сталь — единственное, что может разрезать даже решетку этой... пусть будет комнаты. — Меня как-то напрягло это «пусть будет комнаты». — Оставил в недосягаемости, чтобы не поддаваться соблазну и не убить тебя до того, как использую по назначению. Должен же я получить то, ради чего взял!

И все это с видом праведного гнева.

Праведного!

— А нечего было брать чужое! Меня, в смысле! — воскликнула, сжимая кулаки от злости.

Хотя появилась мысль — катану поднять и пойти уменьшать численность снежных лордов.

А этот, скрипнув зубами, прошипел:

— Я взял свое по праву!

— По какому праву? — заорала я.

— По праву победителя, — отчеканил он.

А ничего, что я в этой войне вообще не участвовала?! И кстати:

— А я по праву жертвы категорически против!

Выражение лица снежного лорда сложно было передать словами. Но он отдышался, частично взял себя в руки и прошипел:

— Мне плевать на твое мифическое право жертвы.

— А мне плевать на ваше немифическое право победителя! — гордо ответила я, садясь удобнее на постели.

Эйн сжал прутья сильнее, рванул их на себя с таким видом, что я на миг даже перепугалась, решив, что сейчас выломает. Но моя спасительная тюрьма держалась крепко и стояла незыблемо.

— Молись всем богам, чтобы я успокоился до завтрашнего дня, детка, — прошипел снежный лорд. — А пока посиди в тишине и подумай о том, что язык стоит использовать для куда более приятных дел, нежели срыв помолвки твоего господина и повелителя. Сладких снов, Виэль.

После чего лорд отпустил решетку, повернулся и гордо удалился...

Я уже тогда знала, что он вернется.

Причем сегодня.

Причем злой.

Очень злой.

Оч-ч-чень...

Но говоря откровенно — плевать я хотела и на его злость, и на право победителя! Это скотство — наказывать всю страну за тупость ее

правителя, которого, к слову, снежные давно убили. Причем мучительно и жестоко, для чего увели в свой Зандарат. И всю королевскую семью до седьмого колена вырезали, лишив нас целой королевской династии. Так что наша страна им вообще ничем не обязана в целом и в частности, мы от войны пострадали гораздо сильнее... да и до сих пор страдаем.

И с чувством законной ненависти к завоевателям я принялась осматривать помещение. Здесь оказалось миленько — присутствовала ванная, туалетная комнатка и даже душевая. Да что говорить — и окно имелось, к слову тоже зарешеченное. Единственное, что мне не понравилось — царапины по стенам, свидетельствующие, что здесь держали кого-то с когтями и неконтролируемой агрессией. Подняв простыни и матрас, убедилась, что кровать сделана из толстой спаянной стали, то есть удароустойчивая. Пол под толстым ковром оказался каменным, тоже сильно исцарапанным... Не хотелось бы встретиться с тем, кто тут до меня обретался. Просто у меня-то таких коготков нет, а жить, даже несмотря на случившееся, хочется.

И тут наверху раздался рев!

Затем по ступеням прогрохотали шаги и в решетку вцепился побагровевший от ярости снежный лорд. Выглядел он презанятно — глаза огромные, щека дергается, волосы встрепаны.

— Г-г-галерея предков! — проорал он, заикаясь. — Стар-р-ринные изваяния!

Пожав плечами, лениво ответила, пародируя сугробчика:

— М-м-моя ж-ж-жизнь и р-р-репутация.

Развернулся, ушел.

Но я и тогда знала, что вернется.

Именно поэтому села подальше от решетки. А то мало ли, вдруг у этих типов руки длинные.

Сижу, жду. Жду... жду...

— Ты-ы-ы-ы!!! — рев слетающего по ступеням снежного лорда.

А все-таки хорошо, что он меня запер.

И просто замечательно, что ключ у меня.

Мило улыбнулась вцепившемуся уже по традиции в решетку лорду Эйну.

— Ты! — У нас определенно дергался красный глазик.

Смотрелось приятненько... заодно решила в жизни отсюда не выходить во имя сохранения этой самой жизни.

— Виэль, золотко, дай ключ, — прошипел, с трудом каждое слово выговаривая, лорд Эйн.

— А я предупреждала ваших слуг, что меня кормить надо.

Выругавшись, лорд отцепился от решетки и ушагал. Я же, не удержавшись, к решетке подбежала и спросила осторожненько:

— Это вы уже в гардеробную заглянули?

Эйн застыл. Затем медленно повернулся и, бледнея, спросил:

— Ты и там побывала?

Широко улыбаясь, посоветовала:

— Охрану ставить надо было.

— В собственном доме?! — севшим голосом уточнил снежный.

— Или запереться на худой конец, — продолжала я раздавать советы.

И тут этот размылся в воздухе, снежным бураном метнулся к решетке (я едва отпрянуть успела) и заорал:

— Ты!!!

После чего развернулся и ушел. А я вот точно знала, что вернется.

Вернулся минут через пять. Молча вернулся, без ругани, но с десятком метательных ножей на поясе. Быстренько спряталась в туалете. Хорошее место выбрала — он мне очень понадобился, когда в толстую деревянную дверь начали втыкаться клинки. Качественно так втыкаться, основательно, пробивая доски насквозь. Так что я решила посидеть здесь... от греха подальше.

Потом пару часиков было тихо, но все еще страшно.

Еще часа через три, понимая, что глубокая ночь на дворе, я решилась покинуть свое убежище. Осторожненько приоткрыла дверь, выглянула из-за нее и увидела снежного лорда, сидящего прямо на полу, упираясь локтями в полусогнутые колени, и находящегося в обществе здоровенной, литра на два, бутылки вина. Бутылка приближалась к пустому состоянию, лорд — к невменяемому.

— За что?! — сипло спросил он, узрев мое появление.

— Мм-м... — Пригляделась повнимательнее — ножей у него вроде больше не было. Вышла из-за двери, дошла до кровати, присела на мягкое (а то на некоторых для этого не предназначенных сидениях пять часов кряду провести не слишком удобно было) и устало ответила: — Уже говорила.

У него кулаки сжались, затем разжались, лорд еще раз отхлебнул из бутылки и убитым голосом сообщил:

— Свадьбы у меня не будет, завтра во дворец на коронацию сьезда явиться не в чем — мой парадный костюм ты уничтожила, от галереи предков осталось одно название... Видимо, я чем-то сильно прогневил богов.

— Нет, не богов — меня, — вставила я.

— Заткнись, — мрачно скомандовал лорд.

И снова принялся пить.

И я могла бы позлорадствовать, но как-то неожиданно прониклась его страданиями.

— И что, — спросила, устраиваясь на постели с ногами, — очень важная коронация завтра?

Лорд Эйн молча кивнул.

— Очень важно быть там?

— Не просто быть, — он усмехнулся, — быть в костюме цветов дома сэльда.

— Что за цвет? — тут же поинтересовалась я.

Снежный поднял голову и посмотрел на меня как на душевнобольную.

— А, белый! — догадалась тут же.

Кивнул.

— Чисто белый? — уточнила, потому как с белым у них тут цветковое помешательство.

— Белый с золотым отливом, — подтвердил мое предположение по поводу помешательства снежный лорд.

Попыталась вспомнить, а использовала ли я свое «размахнись рука, разомнись плечо» на белом с золотым отливом?.. Вспомнила, что одна из заныканых рубашек была как раз белая, но вроде с золотым блеском. Оно? Ну если оно, то жить можно... наверное.

Приняв позу понаглее, начала проникновенным тоном:

— Допустим, рубашку я вам верну...

Эйн поднял голову снова, вопросительно на меня уставился.

— А костюм, я так думаю, до утра и зашить можно... — Это я намекнула на его прислугу.

— Некому, — с ходу обломал все мои идеи по перекидыванию трудов на чужие плечи лорд.

— Почему это некому? — удивилась я. — А слуги?!

— Заперлись, — последовал ответ, от которого я едва не упала. Ну точно бы упала, не сиди на постели.

— Где заперлись? — севшим голосом спросила у этого... на всю голову странного.

— В подвале, — прорычал снежный.

Это они меня так испугались?!

— Зачем?! — воскликнула, подскочив. — Я же уже сытая, то есть мирная.

И вот тут эта помесь сугроба с бураном как рявкнет:

— Зато я голоден!

И мне как-то сразу стало радостно, что нас решетка разделяет. И радостно, и спокойно, и выходить передумалось. До утра, как минимум. Интересно, остальным так же?..

— Лорд Эйн, — с содроганием глядя на него, — ну так, может, мне их позвать?

Мужик скорбно и отрицательно покачал головой и мрачно произнес:

— До утра не выйдут. Опытные уже.

И тут я сообразила — утром Эйна может не быть! Он свалит на коронацию, если я очень постараюсь. Точнее, если я договорюсь, а потом очень постараюсь. Но учитывая, что есть шанс договориться...

— В общем, так, — поднялась с кровати, — я шить умею.

Выражение на лице снежного лорда стало примечательное. Но меня такие мелочи, как чужие физиономии и их выражения, никогда не останавливали, а потому я решительно продолжила:

— Давайте так — я зашиваю ваш костюм и возвращаю рубашку, а вы меня за это не будете делать любовницей!

Последняя часть фразы получилась несколько патетичной, но интерес лорда определенно вызвала. В смысле на меня очень заинтересованный взгляд бросили. Но при этом спрашивать ни о чем не стали.

— И? — Я лично желала ответа на вынесенное предложение.

— Нет, — ответил сугроб.

У-у, упрямый.

— Да бросьте, — возмутилась я, — зачем вам очередная любовница, сами подумайте. А на коронации быть вам требуется.

И взгляд на него направила, почему-то жалостливый.

— Нет, — последовал непримиримый ответ, — я не так часто беру себе новые игрушки, чтобы ими столь неосмотрительно разбрасываться. Ко всему прочему, ты мне обошлась невероятно дорого.

Я тебе обошлась дорого?! Игрушка?! Да ты попал, мужик.

— Ладно, тащите ваш камзол, я вам его так зашью, — сдалась жертва чужой повышенной темпераментности (сорок любовниц это точно повышенный темперамент).

Эйн не поверил. Нахмурился, покрутил бутылку в руке и задумчиво произнес:

— А что я теряю...

— Вот именно, —插вила предприимчивая я.

Я тебе так костюм зашью, что он лопнет в самый неподходящим

момент, сволочь.

И улыбнулась. Мило так, до оскала.

Но сработало — лорд встал и вышел. Вернулся вскоре, неся последствия моей махательной деятельности, и вот едва он мне это через решетку просунул, я поняла, что все не так уж и плохо — оказывается, прорезана была одна штанина на брюках, но косо, и на груди тоже порез, тоже косой. Разложив все на полу, обнаружила даже некоторую симметрию.

— Мне нужны нитки, лучше серебряные или...

— Золотые, — отозвался сугроб, — нужны только бело-золотые.

— Без проблем, — кивнула я, — несите.

Никто никуда не дернулся. Более того, кое-кто стоял и смотрел на меня внимательно.

— Что? — опять пришлось мне проявлять инициативу.

— Где я их возьму? — враждебно поинтересовался лорд Эйн.

— Швея, портниха, или там швей и портних у вас есть?

— «Швей и портних»?! — переспросил этот несообразительный.

— Это то же самое, что швея и портниха, только мужского рода, — терпеливо пояснила я. Вздохнула: — Ну, портной...

Снежный продолжал смотреть на меня, только теперь несколько округлившимися глазами.

— Ох, да что непонятного-то?

Скривился, пояснил:

— Они заперлись.

И добавил:

— В подвале.

Да это-то я уже поняла, не понятно другое:

— С нитками и иглками?

Задумавшись, снежный отрицательно качнул головой. Я поняла, что к дальнейшим действиям этого подмороженного придется подталкивать:

— Хм-м, — начала я, — и где же в таком случае могут быть эти несчастные и покинутые швеями и портными иглки и нитки?..

И тут я поняла, что он не подморожен, он тормоз! Потому что в ответ на мое намекательное предложение раздалось оторопелое:

— Где?

Он издевается! Присмотрелась — поняла два момента: первый — лорд пьян, второй — он лорд, в смысле о швейных делах не в курсе и вообще.

— Так, — мне это разонравилось, — покинутые и несчастные иглки и нитки должны были остаться в мастерских, мастерские знаете где?

Задумался. Основательно задумался. Затем медленно проговорил:

— В подвале?

Вопросительно проговорил! Не поверив своим ушам, я язвительно поинтересовалась:

— Это вы у меня спрашиваете?

Нахмурился. Понял, о чем я, еще больше нахмурился и мрачно сообщил:

— Не в курсе где.

Раскинув руки в жесте «Это вообще как?!», возмущенно смотрю на этого... полного лорда! На всю, черт его, голову лорда! Кажется, с этого момента моя вера в наличие у аристократии мозгов сильно пошатнулась. С другой стороны, она пошатнулась в тот момент, когда наш на всю голову уже покойный король начал войну с этими... Этими... не особо умными тоже.

И вот что мне делать? Если у Эйна не будет костюма, он завтра утром не свалит, соответственно, и я тоже, так что делать что-то определенно нужно. Но вот выходить из моего надежного убежища и идти искать мастерскую самой не особо хочется... Да и страшно. Предприняла последнюю попытку:

— Слушайте, ну должно же быть место, куда вы на примерку ходите! — Он на меня снова уставился вопросительно. — Ну где примеряете костюмы в процессе их пошива!

Ответ потряс:

— Не примеряю. Они сразу в гардеробную переносятся после изготовления.

То есть как сразу?!

— А мерки как снимаются? — продолжила я.

— Не интересовался, — честно ответил снежный.

Твоюжжж!

— То есть вам так шьют и приносят? — догадалась вдруг я.

Пожал плечами, мол речь о само собой разумеющемся.

— А если там размер не подходит или еще что не так?..

Ответ меня потряс:

— Одним швеем становится меньше.

Я чуть не грохнулась.

— Что? — спросила слабеющим голосом.

Тяжело вздохнув, раздраженно пояснил:

— Одной швеей мужского пола. Виэль, я начинаю искренне сомневаться в ваших умственных способностях. Как вы вообще дослужились до должности секретаря градоправителя с вашим-то крайне

убогим рассудком?

Это он мне?!

— Через постель! — заявила, не задумываясь.

Кстати, именно так думали практически все, кто плохо меня знал.

— Лжете, — и на миг не поверив, произнес лорд Эйн. — В вопросах постели вы не искушены настолько, что были бы крайне скучной любовницей, соответственно господин Найнван вряд ли стал бы вас терпеть еще и на работе.

После его заявления я несколько секунд стояла и хлопала ресницами. Меня только что оскорбили. Причем оскорбили значительно сильнее, чем если бы признали просто подстилкой градоправителя. Точнее, если бы признали, я бы тоже оскорбилась, но так...

— А идите вы, лорд Эйн! — прошипела разъяренно.

— Куда? — не понял он. И добавил: — Я совершенно не в курсе, где у моих портных мастерская!

Сказано было обвинительным тоном, я прямо ощутила, что это именно я в данном факте виновата. Но если честно:

— Слушайте, а вы вообще в своем замке ориентируетесь? — поинтересовалась я.

И получила невероятный ответ:

— Смутно.

После чего снежок добавил:

— Хозяйственной частью должна заведовать жена. Но... — и алые глазенки сузились, — вы меня ее лишили!

Решив, что на убогих обижаться бессмысленно, меланхолично ответила:

— Тогда мы в расчете, вы же с утра лишили меня мужа.

Снежный повел плечом и уверенно произнес:

— Я сделал вам одолжение, он ничтожество.

Чуть не упала! Несколько секунд оторопело смотрела на Эйна, но после решила выложить все карты на стол:

— Я не за Людвига замуж собиралась, хотя и ничтожеством его не назову, он просто... — попыталась подобрать слово и подобрала: — немного избалован.

— Ничтожество, — безапелляционно припечатал сугроб этот.

— Я собиралась замуж за Закари! — взвизгнула разъяренно.

А этот уро... лорд, пожав плечами, спокойно спросил:

— И?

— Что «и»? — не поняла я.

— И он тоже ничтожество, — спокойно добавил снежный.

Затем добил:

— В ином случае вы не стали бы спешно организовывать свадьбу с сынком градоправителя, пытаясь избежать моего внимания.

То есть этот все знал?!

Оторопевшая, я молча смотрела на лорда Эйна, даже не зная, что сказать. Снежный все так же безразлично сообщил:

— Мужчина, не способный защитить свою женщину, — ничтожество.

Интересное заявление, особенно если учесть один маленький факт:

— Или сорок своих женщин, — язвительно протянула я.

И вот тут снежный удивил:

— Все сорок под защитой. — Тут его губы слегка растянулись в странной улыбке и мужик добавил: — Точнее — сорок одна.

Появилось желание треснуть его чем-нибудь, но быстро сменилось любопытством, и я спросила:

— Это как под защитой?

Этот который уро... лорд, вдруг совершил короткий замах бутылкой и швырнул ее столь быстро, что я не успела даже вскрикнуть, не то чтобы увернуться, но... Но в полуметре от меня склянка зависла. Точнее вросла в невесть откуда взявшийся лед! Живой лед! Который глянул на меня прозрачно-голубыми глазами, издал подражательное зимнему ветру «У-у-у!» и начал исчезать, унося с собой бутылку. Исчез...

— Под защитой, — спокойно резюмировал лорд Эйн.

И я таки рухнула на пол.

Потому как вдруг, совершенно неожиданно, подумала — как здорово было бы сбежать отсюда, но такого защитника себе оставить. Это я бы тогда и ух... и эх... и сколько всего добилась бы, если бы у меня такая защита была бы! А кстати:

— Страж мой личный или общий евнух на весь гарем?

— Личный, — обрадовал Эйн.

Не улыбаться, не улыбаться, не...

— У вас какая-то странная улыбка, — заметил совершенно некстати снежный лорд. — Больше похожа на торжествующий оскал.

Еще бы!

— А идемте-ка искать мастерскую, — доставая ключи из декольте, предложила я.

Но увидев взгляд снежного, выходить передумала.

Красные глаза смотрели пристально, пронизывающе и трезво.

А таким трезвым после столь обильного возлияния может оставаться

только знатный пропойца в первой стадии алкоголизма. Да-да, это их отличительная особенность — пить и не пьянеть.

— Часто к бутылке прикладываетесь? — деловито поинтересовалась, поигрывая ключами.

— Вы смеетесь надо мной? — мрачно спросил снежный.

— Да бог с вами, — я старалась не улыбаться, — в конце концов, лорд Эйн, поверьте, — гораздо лучше, когда смеются над мужчиной, а не под ним.

И снежный завис, размышляя над фразой.

Я тоже как-то запоздало сообразила, что сказанула, поднялась с пола, но открывать свою клетку опять-таки передумала.

— Интересное... замечание, — после долгого молчания выдал он.

Кто бы спорил, я не буду.

— Идемте, — лорд Эйн отошел от решетки, — попробуем отыскать... — взгляд на меня, — искомое.

Окончательно расхотелось выходить, как-то неприятно было ощутить себя искомым, особенно если искателем снежный лорд выступает. Так что я осталась стоять с самым невозмутимым видом.

— Виэль, — позвал лорд Эйн.

Сделала вид, что я его не слышу.

— Виэль, можете выходить безбоязненно, я вас и пальцем сейчас не трону, — произнес Эйн.

— Точно? — спросила недоверчиво.

Он у меня как-то вообще доверия не вызывал.

— Абсолютно, — заверил владетель местного гарема.

— Не выйду! — нагло заявила я. — А мастерскую можете на и под чердаком поискать.

Сугроб что-то прошипел, развернулся и ушел, оставив меня в обществе своего порезанного костюма. И странное дело, только он ушел, мне вдруг стало как-то грустно. Заскучала даже по нему. И к двери поближе подошла, и ключи нервно тереть начала, достав их из декольте и...

Э, а чего это со мной?!

Постояла, посмотрела в пустой коридор, поняла, что мне чего-то не хватает. Точнее кого-то. Еще точнее — Эйна! Мне вдруг жутко стало не хватать Эйна! И тут этот снежный сбегал по ступеням, весь злой и раздраженный, остановился в метре от решетки и меня соответственно и прошипел:

— На чердаке нет. Под чердаком тоже нет.

А я посмотрела на него огромными изумленными глазами и

неожиданно поняла — красивый же он мужик! И эта благородная бледность лица, и эти невероятные красные глазенки, и редкие, но симпатичные волосы, и эти выпуклые скулы, и... Что происходит?! И почему это Эйн вдруг стал такой красивый?! Или не стал?

А сам снежный лорд, перестав возмущенно сопеть, приподнял бровь, взглядываясь в меня. Затем усмехнулся, скорее пораженчески, чем победно, и устало произнес:

— Началось.

— Что началось? — исследуя взглядом его мужественную шею, выдохнула я.

Он не ответил, но улыбка стала какая-то насмешливо-коварная. Это в первый миг. А потом мой мозг сам за меня решил, что это самая обольстительно-обворожительная улыбка на свете! И мужик самый красивый во всех мирах! И я его хочу! И я от него точно никуда не уйду — он меня тоже полюбит! И...

И тут я вспомнила любовниц лорда Эйна. И сначала ревность такая накрыла, а вот потом... Я так понимаю, девицы все как одна тихо скромно сидели в своих комнатках и голодали исключительно потому, что «лорду стройненькие нравятся»?! То есть, чтобы ему понравиться! То есть...

— Я вот не поняла, — неловко отшагнула от решетки, — это сейчас что такое началось, а?

Лорд Эйн все с той же ухмылкой раскинул руки, предлагая пасть в его объятия, и с некоторой скукой сообщил:

— Мы особо не разбирались, но женщины вашей расы сходят по нам с ума. Час, два, три — кто как, и появляется ничем не обоснованная любовь на грани обожествления. С одной стороны, достаточно скучно, с другой — вы идеальные постельные игрушки.

Кто-то грохнулся. Вот как стоял, так и грохнулся на мягкое, но от этого ничуть не менее болезненное место. А этот невероятно красивый мужик с каждой минутой становился все красивее и притягательнее! И вот уже перед моими глазами в рядок у стены с десятков белокожих красноглазых сыночков представляются, которых я хочу вот от этого индивида повышенной сексуальной привлекательности!

Одна проблема — попа болит и гордость ноет. Ух как гордость ноет! Потому что Визль Мастерс вот уж точно ничьей постельной игрушкой никогда не будет. Секретарем, личным помощником, полноправной женой, но точно не постельной игрушкой! Встала, отряхнула рубашку, у снежного уворованную, и хмуро произнесла:

— Всегда знала, что красивым мужикам мозгов недостает — серое

вещество в накачанные мышцы уплывает.

Лорд Эйн потрясенно руки опустил и переспросил:

— Что?

— Я говорю: меньше слов — больше дела! Нитки с иголками где, красноглазый?!

Нахмурившись, прекрасное снежное изваяние идеального отца моих будущих детей выдало:

— Не нашел. И потрудитесь обращаться ко мне более уважительно, Виэль. Можете называть меня «господин».

Видение десяти сыночков медленно истаяло — не люблю заносчивых мужиков, а этот явно такой. Зато сразу ясно, что безопасный — он на меня теперь точно не набросится, потому как если что, я на опережение пойду.

— Ладно, — снова достала ключи из декольте, — идем, ледышка, твою халупу исследовать будем.

Но пока я открывала двери, этот, поправив воротник своей рубахи, разъяренно прошипел:

— «Господин», Виэль. Я уже осознал, что у вас трудности с восприятием простых фактов, так что понимания не требую, просто — запомните.

Это у меня трудности? На миг перестала ключ в замке прокручивать, из-под ресниц взглянула на лорда, постаралась скрыть усмешку. Это не у меня, мужик, это у тебя большие трудности возникли. Если уж ты так много обо мне успел выяснить, должен был бы знать, что Закари поначалу на мне жениться даже не собирался. Это я в него влюбилась. А влюбленная я хуже меня же просто злой и оскорбленной. Так что это у тебя проблемы, мужик. Большие проблемы. Имя им я! В смысле, твоя жена будущая.

Открыла дверь, выскользнула, подплыла поближе к потенциальному супругнику, и ничего, что тупой, — поумнеет, деваться ему теперь некуда, окинула его с ног до головы влюбленным взглядом, преданно заглянула в красненькие глазенки и промурлыкала ласково так:

— Сугробик ты мой, а по каким уровням замка ты обычно вообще никогда не ходишь?

Снежный изумленно моргнул, потом почти зарычал, потом...

— Да, с мозгами проблемы, — печально констатировала я.

То есть короче, наверное, если не выйду замуж, так просто поиспользую и брошу.

— Виэль! — прошипел разъяренный лорд Эйн.

— Да ладно, чего уж там, — я похлопала ресничками, — мы люди не чужие, даже уже практически близкие, так что можешь звать меня по-

простому: «госпожа моего сердца».

И пока сугроб зависал, говорю же — тупой, я пошла прочь, запоминая по ходу движения место расположения моего спасительного закутка.

Разъяренный лорд Эйн догнал меня к тому моменту, когда я на середине лестницы уже была. Взбешенный мужик схватил за плечо, развернул к себе и собирался уже было скандал закатить, но... он такой весь потрясный, тощенький, страшненький, эротично-притягательный, что я решила на него не злиться — обняла, носом о его грудь потерлась, щекой прижалась, сердечко гулкое послушав, развернулась, да и продолжила свой путь. А этот завис снова.

И так он основательно завис, что когда я до верха лестницы дошла, пожалела его несчастного, обернулась и позвала:

— Снежик ты мой, идем уже, чего застыл?

Там что-то прогремело и кто-то сильно заругался, а я уже пошла искать мастерскую. И вот по логике — кухня была на первом этаже, любовницы на третьем, покои моей страшненькой радости на втором, на чердаке и под чердаком мастерской нет, по словам Эйна, на первом уровне подвала мой закуток, слуги, получается, прячутся на втором подвальном уровне... Вопрос, где могут быть мастерские?

Постояла, подумала... решила спросить.

— Ледышник, — обернулась, лорд Эйн как раз рядом уже был, — а пристройки у твоего домишки имеются?

— Виэль, ты все еще пьяна?! — прошипел этот вместо ответа.

И вот тогда вся оскорбившаяся я зло спросила:

— Мастерскую сам искать будешь?

Отрицательно мотнул головой, красные глазенки поблескивают. Потом задумался, глядя поверх моей головы, затем слегка нагнулся и оп — подхватил меня на руки. Романтик какой, мрр.

— Холодно будет, — отчего-то предупредил.

— Мрр, — не знаю насчет холодно, мне от его объятий уже тепло и хорошо, и на душе приятно.

Но затем тело лорда вдруг в единый миг стало снежным бураном! И этот вихрь, удерживая меня ледяными лапами, ринулся по коридору под мой истеричный визг — холодно же! А я в одной шелковой рубашечке, у этого красноглазого уворованной! А он мчит на такой скорости, что уши закладывает и окружающий пейзаж одним смазанным пятном стал! И так только: темно — темно — темно — пятна света — темно — свет — холодно!

— А-а-а-а! — Мой вопль, казалось, тоже замерз.

— Виэль! — раздраженно прошипел буран. Из снежного хаоса стремительно перемещающихся снежинок на меня смотрели знакомые красные глазенки. — Посмотри вниз и скажи, где мастерские!

К-к-какой «вниз посмотри»?!

Но потом посмотрела. Голову повернула, глянула, взвыла — мы висели в воздухе! Прямо в ярком синем искрящемся морозом воздухе! А там внизу был снежный замок! Смешной такой — как половина яйца, в смысле вроде яйцо врыто наполовину в землю острым концом вверх. Только скорлупа вся из кирпичиков и с окошками красивыми резными. И такие эти окошки сверкающие были красивые, что я даже не сразу заметила еще пару яйцестроений, только гораздо, раз так в десять, поменьше замка, которые возле него имелись.

— Д-д-да в-в-вот ж-ж-же он-н-ни, — пробормотала, дрожа от холода.

А этот ледяной тормоз язвительно так:

— Мастерские среди этих строений есть?

— Мне откуда знать?! — взвилась я. — Я тебе управляющий или экономка?!

Потом, несмотря на то что, казалось, даже мозг замерз, поняла одну странность — на поверхности виднелись только эти яйца и девственный нетронутый снег. То есть вообще ни следов, ни тропок, ни дорог — ничего. Один снег.

— Слушай, — на миг даже дрожать перестала, — а вы тут что — все летаете?

Буран снова взглянул на меня красными глазенками и прорычал:

— Холодно. Кроме нас, снежных, никто на поверхности находиться не может, поэтому все переходы подземные.

И вот тут я молча и выразительно посмотрела на этого тупого снежного лорда. Очень выразительно.

— Что? — не осознал моего негодования буран.

— Х-х-холодно, г-г-говоришь? — прошипела разъяренная я. — А ничего, что я как бы тоже не сугроб, а?!

— А... — начал было Эйн.

И ринулся вниз.

Через минуту я уже сидела на кухне снеgolордовского яйцезамка перед жарко пылающим камином, в котором догорала туша кого-то большого и явно вкусного.

— Снежного быка готовили, — с тоской протянул лорд Эйн, сидящий рядом со мной, только я на стуле, а он на корточках.

Мы посидели, посмотрели на догорающее мясо, потом я спросила:

— И что, вот так все бросили, как было, и сбежали прятаться в подвале?

— Опытные, — тяжело вздохнул лорд.

Искоса посмотрела на него, потом осторожненько вместе со стулом отодвинулась. Этот глянул на меня недобро, протянул руку, за ножку стула ухватился и придвинул обратно. Сидим. У меня все еще зубы стучат от холода, и мысли недобрые витают. В смысле мужик-то не только странный, он еще и невменяемый, раз все так предусмотрительно сбегает при малейшем намеке на ярость у буранчика.

— И часто они... опыт свой задействуют? — осторожно спросила я.

Лорд Эйн пожал плечами, задумался и нехотя ответил:

— Три-четыре раза в год.

О как! Невменяемость у нас строго по графику, оказывается.

— И как накатывает? — продолжила я. По причинам или просто из прихоти?

На этот раз сначала раздался скрежет, затем злое:

— После каждого заседания совета, ну и когда мать... заявится.

То есть у нас проблемы на работе и в семье тоже не сладко. В общем, мужик так себе и даже хуже.

И тут этот, с большими проблемами, взял и положил руку мне на колено. Молча, властно и по-хозяйски. Молча, безапелляционно и тоже весьма по-хозяйски, в конце концов, это мое колено, убрала его руку. Последняя шлепнулась на колено снежика, от чего он удивленно воззрился на меня. Сидим. Смотрим на огонь, я лично отогреваюсь. И тут этот взял и положил ладонь мне на бедро. Молча взяла брезгливо за один его длинный холодный палец, сняла длань с себя, бросила ему на колено.

— Весьма странно, что не действует, — глубокомысленно заметил лорд Эйн.

— А как должно действовать? — проявила я любопытство.

— Ты должна томно вздыхать, восторженно смотреть на меня, таять от каждого прикосновения и быть на все согласной, — сообщил сугробик.

Представила себе. Повернулась к Эйну, косящему на меня глазом, томно вздохнула — страшненький, зато свой, любимый, восторженно глянула на стекло холодильного шкафа — я в нем такая красивая отражалась, и тут снеголордик взял и положил опять свою лапу мне на колено. А лапа, кстати, холодная! А я еще не согрелась.

— Да убери же ты руку! — взвилась я со стула.

На меня с интересом поглядели. Затем плавно поднялись, скользящим движением приблизились и жарким шепотом поинтересовались:

— Возбуждаю?

— Вымораживаешь! — искренне воскликнула я. — До сих пор холодно, а тут еще ты со своими ледяными конечностями!

Интерес сменился недоумением. Затем Эйн поднял ладонь, поднес к лицу, поразглядывал и выдал:

— Да нет же, оболочка на месте, значит, выморозить не мог.

И вот после этого я честно призналась:

— Мужик, я тебя боюсь.

Этот взял, лицо поправил, кожу на руках, после чего чертовски обольстительно мне улыбнулся. И сердце, главное, послушно дрогнуло, дыхание у меня участилось, в голове потемнело, и голос предательски дрогнул, когда я выдохнула:

— Ничего у нас с тобой не получится, я монстров с детства не очень люблю, скорее даже наоборот. Так что хорош скалиться, сугробик ты мой жутенький, пошли искать портняцкую местную.

И вот тут лорд Эйн, кажется, обиделся, потому как обратился бураном, да, жутким таким, с поблескивающими в нем красными глазенками, и умчался неведь куда. Я постояла, постояла... и решила поесть. Слуги, как оказалось, смылись, вообще все побросав, так что в одном из котлов я обнаружила недурственное мясное рагу, из печи вытащила слегка перерумянившийся хлеб. Нарезав хрустящую булку, набрала себе рагу в глиняную миску и села кушать. А что, все равно же жду. К тому же после полугода голодания ради свадебного платья возможность нормально поесть безумно радовала.

И вот я безмятежно ем, а дверь распахивается и влетает буран. Обращается снегордником и смотрит на меня голодными глазами.

— Чего? — нагло жуя, поинтересовалась я и ложку оближала.

Рагу вышло чудное и от того, что перетомилось немного, сделалось только лучше.

— Ты чем занимаешься? — спросил монстр, вокруг которого воздух вдруг начал сыпаться снежинками.

— Ем. А что, не видно? Так глаза от снега протри, — ласково посоветовала лорду Эйну.

Этот протирать не стал, подошел к столу, поглядел на довольную меня и неожиданно произнес:

— Я тоже голоден.

Еаянула на него, пожала плечами и сказала:

— Ну так не мешаю, ешь.

А этот взял, отодвинул стул, по-барски сел, подтянул рукава и мило так

мне:

— Ну так, может, ты стол для меня накроешь, дорогая?!

Я чуть не подавилась от такой наглости. Но ничего, сдержалась, прожевала, проглотила и напонила:

— Дорогой, начнем с того, что ты в меня еще несколько не вложил, так что никакая я тебе не «дорогая». Закончим тем, что я тебе как-никак любовница, — ехидно-наглая улыбочка, — а мы, феи страсти, не созданы для кухни. Так что давай либо сам, либо слуг зови, либо женись, вот, кстати, в обязанности жены входит столь досадный пункт, как кормление мужа.

Но этот, вместо того чтобы внять моей пламенной речи, перегнулся ко мне через стол и как прошипел:

— Дорогая, учитывая, что жены и ужина я лишился по твоей милости, будь так любезна сейчас встать и накрыть для меня, твоего господина, стол!

Чуть ломоть хлеба от такого не выронила. Но удержала, откусила кусь, прожевала, задумчиво взирая на обалдевающего от моей реакции лорда Эйна, и ответила:

— Слушай, снежинка, у тебя какая-то странная логика, должна признать. По твоей логике, если я твой замок разрушу, отстраивать его тоже я должна? Ты что, издеваешься? Я — и это яйцеподобие на морозе складывать? Мне что, заняться больше нечем?

И у кого-то через стол перегнувшегося банально отвисла челюсть. А мне его такого потрясенного даже жалко стало. Зачерпнула ложкой побольше рагу, сунула в приоткрытый рот и сказала:

— На, поешь, болезный. Сил наберись, а потом вставай уже и начинай наконец даму обслуживать. Я, между прочим, вина хочу, а мне его еще никто не налил. И кстати, это по твоей милости не наливают — слуги-то от тебя сбежали!

Лорд прожевал и проглотил мною милостиво пожертвованное, сел ровнее, побарабанил бледными пальцами по столу, а после — жалобный взгляд на меня и печальное:

— Не умею.

— Чего не умеешь? — вылавливая из рагу понравившийся кусок мяса поинтересовалась я.

Злющий лорд Эйн прошипел:

— Я не умею сервировать стол, Виэль. Нас этому не учат. Я даже не знаю, где здесь находятся столовые принадлежности, нужные мне приборы, фарфор приемлемый для столь поздней трапезы, салфетки нужного цвета и...

— Эй, эй, эй! — У меня чуть аппетит не пропал от всего этого. — Какой сервировать стол? Какие салфетки и фарфоры? Молча встал, взял первую попавшуюся миску глиняную, ложку подходящую нашел, рагу зачерпнул и сурово принялся за еду. В конце концов, представь, что ты на войне и в походных условиях, соответственно, не до сервировки. И вообще будь мужиком — есть проблема, реши проблему и не выпендривайся.

С этими словами я очаровательно улыбнулась и уже собиралась продолжить есть, как этот... лорд молча встал, протянул руку, отобрал мою глиняную миску, после мою ложку, водрузил это все перед собой, придвинул хлеб, взял не ломоть, а всю оставшуюся нерезанной буханку, сел и... начал есть!

Оторопев от подобной наглости, я просипела:

— Это что вообще такое?

— На войне, так на войне, — уплетая мое рагу, отвечал лорд Эйн. А затем еще и добавил: — Ты сказала: «Молча встал, взял первую попавшуюся миску глиняную», я так и сделал.

У меня от такого дар речи пропал и челюсть отвисла. А этот:

— На, поешь, болезная, — и ложку с рагу мне в рот впихнул.

Чуть не подавилась. Закашлялась, снежный же, торопливо наворачивая, осведомился:

— По спинке постучать?

— Благодарю, не стоит.

Он кивнул и продолжил есть. Наглый такой, красные глазенки победно поблескивают, челюсти быстро-быстро работают, улыбка нет-нет да пробивается. И вот как тут стерпеть? Не стерпела.

— Так, значит, на войне ты мародерством промышляешь?

Есть перестал. Так и сидит, ложка с рагу на полпути ко рту зависла, мясной сок с нее капает прямо на стол. Глаза такие злые стали.

— Как я догадалась? — Хорошо хоть ломоть хлеба у меня не отобрал, так что я от него отщипнула, в рот отправила, прожевала. — Да чего ж тут догадываться. Если ты в невоенных условиях у слабой женщины последнее отнял, страшно представить, кого в военное грабишь... — И с самым страдальческим видом: — Видать, у детей малых конфеты с игрушками отнимаешь...

Лорд Эйн моргнул, после швырнул ложку с рагу в миску с рагу и, подавшись ко мне, прошипел:

— Виэль, мне безмерно любопытно, как ты себе это представляешь? Хотя нет, не отвечай, с твоим-то извращенным воображением...

Я покивала, перегнулась через стол, ухватила за свою миску,

притянула ее обратно и принялась есть, поглядывая на лорда Эйна. На мои действия он отреагировал злобным скрежетом зубов и продолжил:

— Просто логически — что бы я делал со всеми этими теоретически отобранными у младенцев игрушками?!

— А кто тебя знает, — активно наворачивая рагу, безразлично ответила я, — с сорока лямурицами нашел что делать, а с игрушками не найдешь?!

— С сорока проблем не было, на сорок первой начались, — глядя на меня, произнес лорд Эйн.

— Раньше об этом думать надо было, — наставительно сообщила я, понимая, что как-то уже объелась, но не желая заканчивать трапезу чисто из вредности.

В следующее мгновение случилось нечто неожиданное — где-то в самом замке что-то прозвенело, затем звон распространился, от чего внезапно сильно побледнел мой снежный лорд, а после в кухню влетело... зеркало. Размером оно было с большую тарелку, снежно-серебристый орнамент делал его каким-то сказочным, а вот отражающаяся в нем белая физиономия с длинным носом, красными глазенками и в тон к ним извазюканными багровой помадой тонкими, скорбно поджатыми губами, скорее относилась к области кошмаров. И вот этот анфас явно женской принадлежности, скользнув по мне презрительным взглядом, поистине уничижительно уставился на застывшего лорда Эйна.

И именно ему было сказано:

— Отличился!

Одно слово, но резануло так, что мне неприятно стало, снежок и вовсе сжался, хотя и прикладывал все усилия, чтобы казаться невозмутимым. Невозмутимо и произнес:

— Мама, я бы вас попросил...

— Единственный сын своего отца — слабак, — продолжила маман. — Мало того, что неудачник, так еще и жалостливый слюнтяй!

После такого мне стало как-то не по себе, и дело даже не в том, что лорд Эйн, явно желая высказаться, сдерживался и не позволял себе срываться на оскорбления, чем эта мегера и пользовалась. То есть это когда сильный слабого не обижает, слабый в курсе, наглеет от осознания своей безнаказанности и внаглую швыряется в сильного оскорблениями. Эта и швырялась. А у моего снежика, между прочим, тонкая душевная организация, и вообще он мой. А я не люблю, когда мое трогают.

Рывком поднялась, на глазах у изумленного Эйна взяла это висящее в воздухе зеркало, развернула к себе и ядовито произнесла:

— Здравствуйте, маман. Разговор есть.

Жуткое лицо напротив продемонстрировало крайнюю степень изумления. После чего повысив голос, это красноглазое уроденькое возопило:

— Вальд! Кто это?!

О, так его зовут Вальд? Вальд и Виэль — да мы пара!

О чем я и сообщила слегка ошарашенному развитием событий снежному лорду:

— Я согласна.

Сверкнув красными глазенками, лорд Эйн холодно поинтересовался:

— На что?

Одним словом — снеготормоз.

Кокетливо поправив локоны, взмахнула ресничками, потупилась и сообщила:

— На период ухаживаний. С тебя конфеты, цветы, подарки, комплименты и признания в любви.

Кто-то в зеркале потрясенно приоткрыл рот. Эйн же ко мне уже слегка попривык, и вообще продемонстрировал присутствие адекватности, спросив:

— А с тебя?

Томно вздохнув, ответила:

— С меня величественное принятие твоих даров и признаний и долгие размышления при луне на тему: «Зачем мне такой страшенький и тощенький нужен».

Эйн, проявив выдержку, которой обучился за эту долгую ночь, протянул руку, отобрал у меня миску с похлебкой, после чего отобрал и хлеб, вырвав его из моей ладони и принялся есть. Молча.

— Ва-а-альд! — отмерла после моей реплики его маман.

— Виэль, — представилась я, потому что я вежливая и воспитанная и не начинаю разборок с незнакомыми людьми.

А снежник ел. Торопливо и стремительно, делая вид, что родительницу знать не знает и ведать не ведает.

Маман же снеголордовская выдала резкое и злое:

— Не с тобой разговариваю!

— А зря, — улыбнулась я, — со мной лучше разговаривать. Молчаливая я хуже раз в сто, чем говорящая.

И с этими словами я встала. Сходила к печи, открыла заслонку, достала веточку, обугленную на конце, чуток намочила ее, вернулась к зеркалу. Села и, представив себя великим творцом художественной

росписи, высунув кончик языка от усердия, провела линию от окончания носа маман до собственно щеки. Получился потрясающий насыщенный и замечательный черный ус!

— А! — воскликнула маман снежика.

— Мм-м, вы уже готовы к диалогу? — поинтересовалась я.

Лорд Эйн застыл с недонесенной до рта ложкой, его маман открыла от изумления рот.

— Еще не готовы? — уточнила я, вновь занося для шедеврального мазка свою импровизированную кисть.

И только потянулась нарисовать очередной ус, как снегомадам заорала истошно:

— Ва-а-альд!!!

Лорд Эйн молча взял и съел все с ложки, ус был дорисован, я издевательски взидала на леди. А едва та утихла, нравоучительно спросила:

— Будете еще моего снежика обижать, а?

«Снежик», не вынеся такого потрясения, выронил ложку. Его усатая маман открыла от изумления рот. Но затем закрыла, скрежетнула зубьями и выдала:

— Деточка, его не я — его все приближенные к ледяному престолу «обижают»!

Ох, бедненький мой. Тяжело вздохнув, уверенно произнесла:

— Разберемся.

— С кем? — ядовито поинтересовалась морозная матушка.

— С теми, кто обижает, со всеми и разберемся. — Я была категорична.

Лорд Эйн вновь взял ложку. Положил. Подумал. Хмыкнул. Глянул на меня как-то по новому, после чего произнес:

— Сам разберусь.

И я даже ответить ничего не успела, как снегомаман взвыла:

— Сам он разберется! Как же! Снова выставишь себя посмешищем! Ты позор моего дома! Ты...

На этом я взялась рисовать ей бороду, и у снегоматери слова закончились. А как она умолкла, я вежливо произнесла:

— В данный момент лорд Эйн занят и не может уделить вам должного внимания. Вы очень ценны для нас, мы всегда вам рады, поэтому просим впредь уведомлять о вашем появлении заранее, чтобы уважаемый лорд Эйн мог в полном объеме уделить внимание вашей очень значимой для нас персоне.

После чего стерла усы.

Снегомать моргнула, сглотнула и как-то растерянно произнесла:

— Если можно, я завтра свяжусь с...

— Конечно-конечно, — радушно-вежливо произнесла я, — с нетерпением жду вашего звонка, чтобы согласовать время вашей беседы с уважаемым лордом Эйном. Всего доброго.

— И в-вам... — вконец растерялась леди.

И отключилась, а зеркальце улеглось на стол бездушной стекляшкой.

А я устала на снежика. Тощенький, бледненький, красноглазенький, жутик такой, и так жалко его стало, прям до слез. И главное я поняла — не сможет он без меня, не проживет, обижают его всякие, причем, судя по словам маман, много их всяких, придется заняться ситуацией.

— Что? — хмуро спросил лорд Эйн.

Шмыгнув носом, призналась:

— Жалко тебя.

Бабахнув кулаком по столу, сугробик подскочил, упираясь узкими ладонями в стол, навис надо мной, демонстрируя оскорбленность и...

— Ладно, разберемся, — игнорируя его показательную ярость, устало протянула я. — Завтра на приеме полагается быть в белом?

Лорд Эйн от такого опять впал в заморозку, а я поняла что:

— М-да, риторический вопрос был, вы же ограниченные, у вас всегда только белый.

— Оттенки разные! — прошипел оскорбленный за свою расу снежик.

— Но белые, — продолжала я гнуть свою линию. И так как кое-кто, сверкая красными глазенками, подался ближе, торопливо добавила:

— Не грусти, завтра с тобой пойду.

Поднялась, потянулась всем телом, прическу поправила... взгляд снежика изменился в тот же миг, сменив гнев на заинтересованность, а следом и готовность использовать любовницу по назначению, вот только...

— Поздно, лорд Эйн, — продолжая поправлять прическу, с тяжелым вздохом сказала я.

— В смысле, «поздно»?! — не понял он.

— В смысле, — развела руками, — понимаешь, у меня принципы — я не сплю с теми, на кого работаю.

И тут этот наивный, сузив глаза, заявил:

— Виэль, ты на меня не работаешь!

Пришлось обрадовать мужика:

— Ошибаешься.

Он не обрадовался, и тогда я добила:

— Зарплату обсудим завтра... — скептически осмотрела его с ног до

головы, — что-то мне подсказывает, что я сильно увеличу даже тот оклад, что уже прикинула... Ну да ладно, у нас еще полно снега непаханого, в смысле работать надо. Веди к слугам.

Лорд Эйн грохнулся на стул, потрясенно глядя на меня, затем спросил:

— А к слугам тебе зачем?

И вот тогда я вполне законно возмутилась:

— Слушайте, шеф, я к вам в портнихи не нанималась! Нет, один раз, исключительно чтобы поиздеваться, я могла бы и пошить, но это до того, как вы наняли меня в личные помощники.

— Виэль, — взгляд снежика сделался основательно нехорошим, — я тебя не нанимал!

— Естественно, — согласилась без проблем, — я же еще не решила, какого размера у меня будет зарплата. Шеф, подъем, мне к слугам надо!

— 3-з-зачем?! — прошипел этот взбешенный.

— Буду им мозг выносить, — честно призналась работодателю.

Лорд Эйн открыл было рот, собираясь возразить, но тут до него дошел смысл сказанного и собственно ситуация, и, проявив ум, смекалку и сообразительность, начальник заткнулся. После чего и вовсе поднялся и потащился показывать мне, где слуги.

* * *

Показал.

Привел в подвал — триста семьдесят ступенек вниз, подвел к огромной, роста в три человеческих, толстенной дубовой двери, которая вся оказалась железом обита, да таким каленым и внушительным, что это наталкивало на невеселые размышления, радушно ладонью махнул, мол «приступайте, Виэль Мастерс», после чего отошел к стене и, сложив руки на груди, привалился к этой самой стене плечом, выразительно глядя на меня. То есть мне недвусмысленно предложили начинать.

Я, все еще в той самой лордовской тоненькой рубашке, то есть мне было холодно, подошла к двери и постучала. Где-то там раздался слаженный выдох и... тишина.

— Откройте! — крикнула я, от чего-то несколько оробев.

От размера двери, наверное.

Из-за преграды послышалось нервное перешептывание, закончившееся выкриком одной из старушенций:

— Это та, новая любовница!

Тишина, и визг девицы, за которой я с катаной гналась, потому что она вкусную поджаренную курочку тащила:

— Она сумасшедшая!

Меланхоличное мужское:

— Просто еще не приручил ее наш сугроб.

«Сугроб», на которого я тут же оглянулась, естественно, возмущенно вскинул бровь, явно не ожидая, что его за глаза прислуга именно так величает. Но промолчал — уважаю.

Стукнув в дверь еще раз, крикнула еще громче:

— Открывайте уже!

Из-за преграды донеслось ехидное:

— Да, счас! — И это был голос другой старушенции.

— До утра сама броди по замку, а тут дураков нет. — Мужик какой-то выкрикнул.

— Не отопремся, и не проси. Ты эту кашу заварила, тебе и расхлебывать! — Какая-то явно злая на меня женщина.

Так значит, да? Это вы вообще зря, конечно, с Виэль Мастерс так не поступают, потому как:

— Ну раз вы отпираться не желаете, значит, без претензий отнесетесь к тому факту, что я вас запру.

У сугробчика беленькая бровка медленно и удивленно поползла вверх по лбу. За дверью потрясенно застыли.

— Что?! — раздался чей-то визгливый голос.

— Вы же выходить отказываетесь, — разумно, вежливо и с расстановкой пояснила я. — Значит, какая вам разница, что я вас сейчас запру здесь. Недельки на три-четыре, как минимум.

Тишина за дверью стала оглушительной.

В следующий миг щелкнул замок, потом послышался скрежет отодвигаемых засовов, затем еще щелчки замков, какой-то лязг, звук поднимаемой решетки... Оглянулась на Эйна, одними губами выдала «Уау!», шеф мой гордо приосанился, мол — да, вот такой я страшный, и тут дверь собственно отворилась.

А за дверью обнаружилась толпа зеленомордых слуг, которые чуток так пошатывались, потому как это был погреб с вином, копчеными окороками и сырами всяческими! И эти болотники тут не просто так прятались, а с явным удовольствием!

— Однако... — прокомментировал явно не ожидавший такого комфорта в «схроне» лорд Эйн.

— Дохлый жмурик! — ахнула разом толпа слуг, не ожидавшая присутствовавшего в адекватности и при полном рассудке хозяина замка.

— Ну почему же дохлый? — удивилась я. — Очень даже живой, хоть и выглядит хуже, чем труп.

«Хуже, чем труп», перестав сверлить злющим взглядом провинившихся, уставился на них в чем не повинную меня.

— Не нужно на меня так смотреть, я тут ни при чем, и вообще я вам только что на вашу прислугу глазки ваши жутенькие открыла!

«Жутенькие глазки» прищурились мрачно. У прислуги, напротив, расширились от ужаса, а после...

— Портные тут кто? — вернулась я к делу.

Но эти, перепугавшиеся до дрожи, разом отступили, а кто-то какую-то веревку сверху свисающую дернул и... и с огромным грохотом двери захлопнулись, а следом с лязгом рухнула вниз решетка.

Приехали.

Обернулась к Эйну — стоит мужик, ногти свои с невозмутимым видом рассматривает. Не удержалась, ехидно заметила:

— Судя по длине когтей, вы маникюрщика или потеряли в недрах вашего необъятного жилища, или съели.

На меня возмущенно глянули.

— А что? — невинно похлопала ресничками. — Мы с вами уже убедились, что по законам военного времени вы на все вполне способны.

— Виэль, на войне никто никого не ест! — отрезал снежник.

— Война войне рознь, — возразила издевательски. — К тому же главное, что тенденция в вас заложена, так что...

Сверкнув глазами, Эйн отчеканил:

— Виэль, я никого не ем!

— Да? — Я указала рукой на захлопнувшуюся дверь. — А это мне тогда как понимать?!

— А я тут при чем? — в тон мне возмутился лорд Эйн. — Это следствие неправильного ведения вами переговоров.

Из-за двери послышалось слаженное: «Ага, ага».

Ну что ж, это не я, это они сами нарвались.

— Ладно, — вскинула подбородок, — признаю свою полную и абсолютную капитуляцию.

Лорд Эйн победно усмехнулся, отошел от стены, подошел ко мне, слегка склонился и завораживающим шепотом, коего от такого ужасника ожидать было бы странно, произнес:

— Поднимаемся в спальню?

Нет, ну до чего ж озабоченный работодатель мне попался! Или на меня попал... Скорее второе.

— Лорд Эйн, еще раз повторяю для вас очень умного — я не сплю с начальством. А что касается вашей прислуги, поступим проще — этих заколотить, пусть тут гибнут медленно, но верно, новую прислугу набрать. Поверьте, с моим опытом и подходом дело набора нового обслуживающего персонала займет минут пять от силы и....

И тут опять лязг, скрежет, двери распахнулись, решетки поднялись, на пороге показались зеленомордые и сообразительные.

— Ну вот, совсем другое дело, — радостно улыбнулась я. — Так, народ, мне бы поесть, а то я когда голодная...

Пятнадцать человек, торопливо миновали нас, обходя по стеночке, и ринулись вверх по лестнице, явно готовить мне ранний завтрак. Умнички вы мои.

— И портные, — закончила я фразу.

Портные слаженным строем выступили — семь человек.

И вот после этого я посмотрела на снежика. Выразительно посмотрела. С нескрываемым торжеством, так, и победно.

— Оригинально, — изучая меня все более заинтересованным взглядом, произнес лорд Эйн.

— Да, я такая, — гордо вскинув подбородок, ответила на его невысказанный комплимент.

А он, комплимент, точно был. Просто снежик он слегка тормоз и еще не понял, что вообще-то сейчас должен стоять на коленях и, протянув руки к моей божественной персоне, боготворить и благодарить без устали. Ну да ничего, Виэль Мастерс всегда отличалась упорством и настойчивостью, так что уверена, до Эйна еще дойдет.

* * *

А не доходило до мужика. Вот как есть не доходило! Я все ему! Все для него! Все ради него! А он?!

— Виэль, — лорд Эйн сидел статуей оскорбленного достоинства и скрежетал зубами, — это шестое платье, Виэль!

— Четвертое, — не согласилась я, нежно поглаживая ткань обновки, — а те два это так, недоделки, их еще перешить нужно.

Чем, собственно, все портные сейчас и занимались, сцепив зубы и бросая на меня полные ненависти взоры. Нет, работали они быстро, но

ранее им явно не приходилось шить с такой скоростью.

— И вообще, — я прошла, села за стол напротив облаченного лишь в неглиже по причине недавнего снятия мерок шефа, — чем вы недовольны?

— Чем?! — рявкнули на меня. — Виэль, я третий час сижу в одних трусах!

— Ничего, вам идет, — откровенно sluкавила я, потому как... да страшный он, жуть просто, белый, костлявый, тощий. Но такой притягательный...

Притягательный, конечно, но злой, как зимний мороз.

— Виэль!!! — От его рева содрогнулись стены, мои висащие на плечиках платья, манекены и свалились в обморок трое портных из семи. — Я! Тут! Третий! Час! Торчу! В трусах! В то время как вам шьют уже седьмое к сугробам платье! А я все еще голый!

— И нервный, — не могла не заметить я.

Шеф остолбенел, приоткрыв рот, явно проглотив очередную гневную фразу. И тогда я сказала:

— Слушайте, а правда, чего вы такой нервный?

На это мне звенящим от бешенства голосом ответили:

— Прием через час!

Да, с терпением у некоторых явные проблемы. А ведь все так славно начиналось — поднялся с нами, молча разделся, соблазняяще на меня поглядывая, дал снять с себя мерки, чем удивил всех портных, после чего сел где сказали и даже сидел себе смирненько... жаль, хватило мужика всего на три часа. Нет, определенно с ним еще нужно работать и работать, характер вырабатывать, в конце концов.

— Лорд Эйн, — я перелистнула еще пару страничек из сегодняшних газет, которые мне приволокли два с половиной часа назад, и поставила начальство в известность о принятом решении: — Мы опоздаем.

Начальство уставилось на меня злобно-яростным взглядом, нервно сжало кулаки и...

— Даже не спорьте, — пресекла я возражения нервной особы. — И наряд ваш будет не в бело-золотой, а в бело-черно-серебристой гамме. Мы не поддерживаем новое правительство Зандарата, мы оппозиция.

Вот после этого кто-то свалился.

Я, вскинув бровь, посмотрела на лорда Эйна, он, вскинув обе, взирал на меня, после мы повернули головы и узрели, что все портные в обмороке. Все. От моих слов! Неженки они тут какие-то.

— А еще я голодная! — сообщила, повысив голос.

Эти валяться перестали, быстренько поднялись, сели шить обратно

своими дрожащими ручонками. Странные они, если честно.

— Шеф, — продолжая смотреть на портных, — а чего это у вас прислуга такая припадочная?

К моему искреннему удивлению, начальник ответил вполне даже спокойно:

— Видишь ли, дорогая, в Зандарате в случае расправы с неугодным лордом, подчистую вырезается вся его семья и убиваются слуги. Говоря проще — они жить хотят, это если ты не поняла.

Каюсь, я несколько зависла на слове «дорогая». Посмотрела на работодателя моего красноглазого, похлопала ресничками и...

— Объясните, какого вы вообще наняли столь припадочную прислугу, а?

подавшись ко мне, шеф прошипел:

— Я не нанимал, Виэль. Это рабы. Часть куплена, часть пригнана, часть...

— Все-все, — вскинула руки, — можете дальше не продолжать, все уже ясно. В смысле с вами.

— Что ясно? — не понял лорд Эйн.

Не став отвечать, вновь уткнулась в газеты и пробурчала себе под нос:

— Даже слуг нормально нанять не может... Что за мужик пошел? Все на мне, нет, вот категорически все самой делать придется.

А затем уже громче:

— Черная рубашка готова?

Это был мой сюрприз. Эйну. Он еще не знал, но он собирался заявиться в траурно-золотой рубашке и бело-серебристом мундире, что будет недвусмысленно заявлять окружающим: «Сдохни сэльд Харнис и да здравствую я».

— Виэль, — очень не по-доброму протянул шеф, — какого цвета рубашка?!

Вот после этого окончательно психанув, я отложила газеты, прямо посмотрела на своего негаданного работодателя и прямо ему все высказала:

— Давайте откровенно, лорд Эйн, — вам терять уже нечего. Ваша репутация, положение в обществе, власть, деньги, — все, что могли, вы уже потеряли. Осталось достоинство. Ваше снеголордовское достоинство. И у вас есть два пути — приползти как преданный пес и лизать сверкающий сапог Харниса при всех или наконец набраться смелости и плюнуть ублюдку в рожу. Я выбрала второй вариант, так что с сегодняшнего дня мы оппозиция. Точка. Обсуждению не подлежит.

Несколько секунд лорд Эйн молча смотрел на меня. В его глазах не

было злости, убийственности или же ярости, он смотрел устало. Устало, несколько обреченно и безнадежно.

— Виэль, — голос прозвучал холодно и отрешенно, — ты ничего не понимаешь. Совершенно ничего. И тот факт, что ты начиталась газет с утра... Ты ничего не знаешь, поверь, и...

— А чего тут понимать? — искренне удивилась я. — Все кристально ясно — жил-был снежный лорд по имени Вальд Эйн, был воспитанником старого сэльда, любил воевать, впитал с потом и кровью бредни правителя про благородство и преданность своей родине, влюбился в дочь воспитателя...

И тут лорд Эйн как рявкнет:

— Виэль!!!

— Я еще не закончила, — сообщила весьма недовольно этим разгневанным и напрягшимся в трусах. — Продолжаю: дочурка выросла, влюбилась в Харниса, накапала папке на мозги и вышла замуж не за гордость старой селедки... тьфу ты, сэльда, а за этого отутюженного хлыща. Хлыщ оказался подлецом и трусом, воевать не пошел, скинув все... да на вас, начальник. А после того как некоторые вернулись с победой, вместо почета и уважения получили интриги, козни и лживые обвинения. И это была не война, где можно пойти и прямо в морду дать, а закулисные игры, с улыбанием вам в лицо и кривлянием за спиной. Несколько подстав, и вы лишились доверия старого сэльда, были отлучены от дворца и не смогли предотвратить покушения на своего воспитателя. Так Харнис и змеюка пришли к власти.

Шеф сидел в одних трусах, что несколько выбивало его из образа, и молча смотрел на меня. Прочесть эмоции в его взгляде было нереально, я вообще как-то не люблю читать эмоции по глазам, особенно таким страшненьким. Что я определено поняла, начитавшись газет, лорд Эйн — вояка, благородный до одури, преданный стране тоже до одури, ну и прямолинейный, как все вояки. И еще гордый, тоже до одури. И вот он сидит передо мной несчастный такой, а по идее пророчили ему блестящее будущее — старый сэльд, имеющий всего одну дочь, взял себе воспитанника, чтобы сделать из него будущую селедку... тьфу, черт, будущего сэльда. Причем, насколько я поняла, лорд Эйн из древнейшего рода, так что вполне может претендовать на престол, но... Но в конечном итоге у снежных все как у людей — тайны, интриги, борьба за трон и сэльдовский дворец и тому подобное.

— Виэль, — проговорило это благородное несчастье, — случилось, как случилось. Я буду служить родине так, как смогу, и не стану...

— Бла-бла-бла, — перебила я, подтягивая к себе чашку с чаем.

Красные глаза сверкнули, и мой непонятый герой начал было привставать, дабы поразить меня мощью гнева и длиной труселей, но:

— Мы в оппозиции, — сказала я. — И точка. К слову, я вообще буду в черном платье и ничего, не жалуясь, вот и вы не нойте.

Он рухнул обратно на свое место, возмущенно на меня уставившись.

Я же помешала чай, отчаянно тарабаня ложкой по чашке, после чего задумалась вот о чем:

— Шеф, а какой у вас родовой оттенок белого?

У лорда Эйна едва не дергался глаз, но он мне все равно ответил:

— Перламутровый.

— Обалдеть! — Я от неожиданности даже ложку выронила.

Просто к черному платью я приказала добавить оторочку цветовой гаммы собственно Эйна, и вот... Встала, обошла портных, приблизилась к последнему — узрела, как мое черное платье поганят перламутровой отделкой, скривилась от осознания безвкусицы, страдальчески вздохнула, повернулась к сугробику и простонала:

— Да что ж за цвета у вас такие поганые!

Выражение лордовского лица передать было сложно, но оно возымело свое действие, и я устыдилась. Именно что устыдилась. Поэтому не стала настаивать на том, чтобы менять перламутровую оторочку на серебристую, просто приказала добавить еще и серебряную кайму по собственно перламутру. Удостоилась полного ненависти взгляда портного, который смотрел на меня так, словно сто процентов знал, как можно убить человека портняцкой иглой... Потом взгляд его метнулся к ножницам и стало ясно, что одна игла не удовлетворит его кровожадную натуру, посему я быстренько предупредила:

— У меня имеется хранитель.

Портной стиснул зубы и вернулся к шитью. Нет, мне определенно здесь начинает нравиться.

Разворот к лорду Эйну и ласковым голосом:

— Ну-с, приступим к отработке вашей речи.

— Что? — не понял он.

Как маленький, честное слово.

* * *

В общем и целом я была права, описывая ситуацию лорда Эйна — он

упал ниже некуда для человека его положения. Пока самого лорда одевали, а мне укладывали волосы по зандартской моде, я просматривала корреспонденцию нового начальника и приходила к неутешительным выводам: вчерашняя невеста была действительно его последним шансом на устройство семейной жизни. Просто род у давешней снежинки был Йартау и имел немалый вес в обществе, и если до вчерашнего дня лорду поступали приглашения на чай там и так, просто посидеть выпить в домах, имеющих отношение к этим Йартау, то сегодня валом повалили отказы. Проходящий мимо своего кабинета, в котором мне и творили причесон, шеф рывкнул: «Все сжечь!» Разбежалась, уже печку топлю, ага.

— Лорд Эйн, — укоризненно начала я, — что ж вы так, врагов ведь надо знать если не в лицо, то по именам точно.

Вернулся, постоял в дверном проеме, буравя взглядом меня и доводя до нервной дрожи моих парикмахеров.

— А что? — невинно поинтересовалась я. — У вас память настолько безупречная, что вы и так запомните?

Выругался, развернулся, ушел.

* * *

Спустя час я в красивом черном платье с серебристо-перламутровой оторочкой стояла возле лужи. Такой основательной лужи в ледовом зале, где таких луж имелось восемь штук. И вокруг них была расплескана вода, и пол вообще оказался ледяной, а я в легких туфельках, тех, в которых меня и взяли в любовницы и...

— И где эту сосульку породистую носит?! — психанула наконец я.

Просто стою одна посреди зала с лужами, вокруг никого, только ветер свистит ледяной да из-за поворота на лестницу прислуга снежнордовская выглядывает с надеждой, что... ну что утону где-нибудь здесь. А Эйна нет! И главное, сам торопил, мне последний локон в три руки завивали, причем это были дрожащие от ужаса руки, шефу ведь надо было не просто поторопить, а проорать громовым голосом «Виэль, время!!!» Так что приятного мало, болезненного и дергательного для моих бедных волос много. Зато прическа мне шла. Определенно, все эти завитушки создавали очаровательный образ, плюс мне всегда шли темные платья, плюс... мне вдруг стало отчетливо не доставать снежика. Странно. Нет, я злюсь, вся в нетерпении и ожидании и носком туфельки нервно постукиваю по льду, но... ненормальное какое-то томление внезапно возникло где-то в груди.

Тоска, до слез доводительная. Печаль... И мир как-то разом сузился и зрение внезапно стало концентрироваться на всем белом и...

И тут вода в луже расступилась и из нее восстал лорд Эйн. И на душе сразу так спокойно сделалось, словно вот и все, он рядом, все хорошо и... Это вообще что со мной?

На фоне размышлений о собственных ощущениях, как-то упустила тот момент, что снежный из лужи явился весь совсем сухой, а вот вода в этом ледяном озерце заколыхалась и заблестела как ртуть.

Стою, обдумываю, лорд Эйн с какой-то коробочкой в локоть длиной подошел, окинул вопросительным взглядом.

— Что? — враждебно интересуюсь, думая, «Какой же он красивый!»

Нет, объективно говоря, краше шеф не стал — все такой же бледненький, тощенький, красноглазый, разве что волосы уложены в элегантный хвост так, чтобы одна прядь, свисая, прикрывала чуть левую сторону лица, но по внутренним ощущениям — смотрела бы и смотрела, причем восхищенно и восторженно...

— Странно, — Эйн стоял и хмурился, — ты почему не бросаешься мне на шею?

Оу.

— А нужно? — сильно удивилась я.

— Остальные бросаются, — сообщил он.

То есть все вот это томление в груди при отсутствии этого сугроба, это все тоже результат их влияния на нас, бедных женщин. Вспомнились тощие, как былиночки любовницы этого красноглазого бабника, решила, что, как вернусь, буду разбираться. Не то чтобы я против любовниц у шефа, но не за эротическую тиранию снегордовскими феромонами.

— Виэль, на тебя вообще не действует? — Он все еще сильно изумлялся.

Тормоз, как есть тормоз.

— Броситься вам на шею? — ядовито поинтересовалась я.

— Желательно. — Лорд Эйн явно чувствовал себя несколько неуверенно от моей холодности и сдержанности.

— Ладно, — согласилась.

Мне не сложно, если ему приятно будет.

Шеф демонстративно раскрыл объятия. Бросилась к нему, чуть поскользнувшись и потому практически упав, обхватила белую шею руками, сжала, потрясла даже немного, ну чтобы ему приятно было.

— Виэль, — прохрипел этот, — ты душишь.

— Что, правда? — сделала я изумленный вид.

— Представь себе! — прошипел он. — И да — выражение «бросаться на шею» имеет несколько иное значение, нежели душить своего работодателя!

Вот как мы заговорили.

— То есть все-таки работодателя? — с ехидным прищуром переспросила я.

Мои руки молча убрали от снеголордовской шеи, после чего с тяжелым вздохом лорд Эйн произнес:

— Иного пока не остается. Что ж, бывает, возможно, ты полукровка и на тебя подействует позже.

То есть это я тормоз? Ну-ну.

— Прекрасно выглядишь, — неожиданно перешел к комплиментам лорд Эйн.

После чего жестом фокусника распахнул черный футляр, и я на миг зажмурилась от сверкания драгоценных камней. Это были бриллианты! Редкой красоты и чистоты камни, ограненные столь виртуозно, что сияние практически ослепляло, это... мне?!

— На приемах подобного уровня дамам следует появляться в украшениях, — как-то буднично сообщил шеф, доставая ожерелье.

— Надо так надо, — согласилась я, поворачиваясь к нему спиной и придерживая локоны, чтобы ему удобнее было застегнуть.

В следующее мгновение на меня ожерелье никто не надел. Нет, вместо этого сугробик решил пройтись холодными пальцами по моей шее!

— Щекотно, — недовольно сообщила ему.

Пальцы сменила нежно обнявшая шею ладонь.

— Холодно.

Снова пальцы, потом ладонь.

— Щекотно и холодно! — развернулась к лорду Эйну. — Слушайте, я ожерелье сегодня получу или нет? Или вы специально сейчас тянете, чтобы на коронацию новой селедки не являться?

С тяжелым вздохом снежка развернул меня, водрузил тяжелые камни на шею и глухо поправил:

— Сэльда.

— Селедки, — не согласилась я. — Следующим сэльдом будете вы, а он селедка.

Холодные пальцы, поправлявшие ожерелье на мне, дрогнули.

Развернулась к нему, кокетливо похлопав ресничками, поинтересовалась, намекая на присутствие на мне ожерелья:

— Мне идет?

— Безумно, — отчеканил лорд Эйн. А вот уже затем: — Виэль, допустим, мне нечего терять и действительно привлекла идея развлечься напоследок — надоело молчать. Но вам-то зачем это все?

— Из принципа. — Я была кристально честна. — Люблю ставить гадов на место, пунктик у меня такой.

Вскинув снежную бровь, сугробик осведомился:

— Вы мой дом разгромили тоже из принципа?

— Естественно. — Нет, ну как можно простых вещей не понимать? — А еще из мести. И я же предупреждала, а ко всему прочему меня не покормили.

Слегка прищурившись, снеголордик задумчиво произнес:

— На коронации в первую очередь отведу вас к столам с едой.

Предусмотрительный, конечно, но не в тему.

— Вы речь выучили? — менторским тоном поинтересовалась я.

— За пять минут?

— У вас было пятнадцать.

Ни говоря более ни слова, шеф махнул рукой в сторону лужи, ухватил меня за локоток и занес ногу над зеркальной гладью.

Издевается?

Естественно, я вцепилась всей подошвой туфелек в лед, отказываясь участвовать в утоплении. И естественно, желание лорда Эйна меня таки уволочь и нежелание льда мне помочь сыграли против вашей покорной слуги и...

Мы ринулись в объятия лужи!

* * *

Прошло минут пять, не больше. Но это не имело значения. Значение имели другие факты — к примеру, шеф мой трепло! Самое натуральное трепло! Сам заверил, что «На коронации в первую очередь отведу вас к столам с едой», и не сделал этого! Более того, поплелся за мной, стоит сейчас, нервно озирается и шипит:

— Виэль, прекратите! Что вы делаете?!

— Ем! — сообщила начальству, отрезая внушительный кусок от торта с толстой пенкой взбитых сливок и нежной мякотью пропитанных кофе коржей.

Руки мои дрожали, мысли метались, требовалось пожрать для нервного успокоения.

— Виэль, какого дьявола?!

— Шеф, я вщегда ем, когда нервничаю, меня это ушпокаивает, — жуя, ответила ему.

— Виэль, — кто-то готов был рвать и метать, — а вы не могли бы дома поесть?

— Не могла бы, — уплетая торт, честно призналась начальству. — Я не гадалка, даром предвидения масштаба моих личных неприятностей не обладаю.

А все дело в том, что мой шеф реально страшный.

И дело не в красных глазах и белой коже. Он просто страшный. Он, наверное, среди всех лордов самый страшный, и я, чисто как женщина, начинаю понимать дочку старого селедки, которая выбрала Харниса. Харнис — красавчик! О, он такой... такой... Широкоплечий, грива белоснежных волос до плеч, шикарный разрез глаз, пусть они и красноватенькие, зато потрясающего бордового оттенка, благородный профиль морды снеговичного лица, фигура, стать... Черт, да он самый шикарный мужик из всех, что мне доводилось видеть!

— Леди Виэль, еще кусочек? — И баритон у него грудной, провоцирующий, заставляющий вздрагивать мое сердце.

— Да, спасибо, — прошипела я, хватая ближайшее пирожное и торопливо запихивая его в рот.

Иногда лучше жевать, чем говорить, — мой случай! Определенно мой! Ведь то странное чувство неимоверного желания и видение ряда сыночков от конкретно этого мужика накрывало раз за разом, как волной. Черт, я не знаю, что это такое, как оно работает и почему меня так ломать начало, но вот что было очевидно — они все были в курсе, как женщины моего вида... рода... страны... короче такие, как я, реагируют на таких, как они. А еще все прихвостни Харниса, застукав наше с шефом появление, решили унизить его простейшим соблазнением его спутницы. Все в рамках приличия — подошли представиться, даже ручку поцеловали... все шестнадцать придурков! Я держалась. Нет, накрыло сразу — от этих накрыло моментом, это не мой шеф, от этих крышу рвало вмиг! Но я держалась. Сразу просекла фишку и потому мило улыбалась, кивала, запоминала имена придурков, намереваясь мстить всем и каждому за столь откровенную подлость. Но держалась! И тогда к нам подошел этот Харнис...

О, мои ватные ноги, дрожащие ладони и гудящее от ударов сердце!

И Эйн еще удивляется, что я сбежала есть? Да меня от бросания в объятия к этому красавчику повышенной привлекательной наружности

удержать мог только торт! Это же надо было так вляпаться!

— Виэль! — Мое начальство мрачнело все откровеннее.

— Обожаю женщин с аппетитом, — промурлыкал Харнис.

Провокационненько так промурлыкал. Нет, в рамках приличия — ближе чем на шаг не приблизился, но его ж мать! Там такие руки, такой разворот плеч, такая шея, такой взгляд, такое обещание неистовости и неутомимости в постели, что хочется отшвырнуть торт, а еще лучше на эту селедку намазать и... Нет, фу, я бы еще вкусенький торт со всяких с гнильцой не слизывала.

И тут я поняла, что меня отпустило.

Переела я потому что, и теперь ощутимо подташнивало. Зато отпустило.

Обеими руками взяла протянутый галантным Харнисом торт на широкой фарфоровой тарелке, мило улыбаясь ему, переставила полученное на стол, повернулась к мрачному руководству и произнесла:

— Шеф, вы тут самый классный!

Вот так коротко, зато честно и откровенно про то, что от него так крышу не рвет. Но прозвучало очень даже весомо, потому что державшиеся в отдалении, но практически окружившие нас пособники Харниса, услышав, сильно удивились. Эйн удивился тоже, но он уже меня знал. К тому же не такой он и страшный, если откровенно. Ну да, высокий и тощий... хотя скорее будет жилистый, а эти качки ледяные. Точнее, даже если вот по субъективным ощущениям, лорд Эйн был какой-то холодный и ледяной, а эти скорее бархатный лед. Что я несу?

— Простите? — переспросил слегка удивленный Харнис.

Полностью проигнорировав вопрос, я взяла начальство под локоток, и мы пошли, рассекая толпу бархатисто-ледяных индивидов сумасводительной внешности.

— Виэль, что это было?! — спросил лорд Эйн, когда наша вызывающе черная делегация отделилась от ренегатов.

Наверное, мне как умной женщине полагалось бы смолчать. Умная женщина именно так и поступила бы, и я четко знаю, что умная, но:

— Я не полукровка, — мрачно сообщила начальству.

Начальство споткнулось, бросило на меня потрясенно-ошеломленный взгляд и остановилось. Более того, я уловила, как после секундного колебания снежок возжелал покинуть неуважаемое собрание, осознав, как может опозориться, если я тут... А что я тут? Что вообще тут делают женщины, поддавшись на странные чары сосулистых индивидов?! Хм, представила себе сосульки... С трудом удержалась от смеха.

— Виэль, мы уходим, — прошипел лорд Эйн.

— Шеф, — насмешливо взглянула на него, — я только что справилась с пагубной страстью к Харнису, вы правда думаете, что я не справлюсь с вашей паникой? Расслабьтесь, вспомните свою речь и учтите — эта банда рельефных сугробиков только что покушалась на вашего почетного секретаря!

— Моего почетного секретаря? Покушались?

И вот тут я осознала, насколько наивный работодатель мне достался. Укоризненно покачала головой, потянулась к Эйну и проникновенным шепотом спросила:

— А вы что, искренне полагаете, что они к нам из гостеприимства подошли? Или верите, что весь их мускулистый конвой исключительно дань правилам хорошего тона?

Нахмурившись, лорд Эйн произнес:

— Они лишь выказали уважение к моей спутнице.

Наивный! Или до безумия благородный — не видит очевидной гнильцы в окружающих. И похоже, объяснять бессмысленно, но можно подтолкнуть к нужным выводам.

Я вежливо попросила:

— Оглянитесь, пожалуйста.

Лорд Эйн последовал просьбе и повернулся ко входу, где показались вошедшие снежные — высокий и похоже весьма преклонных лет лорд в сияющем голубым перламутром мундире и его спутница — леди с серебряными волосами. Единственные, кто явился даже после нас.

— Лорд и леди Тай, — поведал мне лорд Эйн, — весьма уважаемый дом.

Хм, явно наши еще не ведающие этого союзники специально опоздали, да и явившись, выказали стоящему у столов с едой Харнису весьма сдержанное внимание. Лорд полусклонил голову, леди и вовсе одарила будущего сэльда лишь взглядом, не слишком приветливым, должна признать. А вот лорду Эйну улыбнулась искренне и приветливо, лорд же лицом посветлел, увидев мое начальство, после чего пара направилась в нашу сторону.

— Так вот, — протянула я, словно ни к кому не обращаясь, — к этой леди никто не подошел «выказать уважение».

Взглянула на лорда Эйна, тот, нахмурившись, мрачно произнес:

— Я военный человек, Виэль, хотите что-то сказать — говорите прямо. Как пожелаете, шеф.

— Они в курсе того, как женщины моей страны реагируют на вас,

сугробов, и, судя по тому, что я испытала, использовали все свое обаяние, чтобы повлиять на меня. Буду откровенна — вас от прилюдного унижения спас торт.

Лорд Эйн внимательно посмотрел на меня, я на него. Мило улыбнулась начальству.

Начальство с трудом выговорило:

— Это слишком низко и подло для рожденных во льдах, Виэль.

— Даже спорить не буду, но низкость и подлость не остановили их. А вообще, я понять не могу, — глянула на стоящего с тремя друзьями Харниса, — что происходит? Чего эти ждут и почему не начинается коронация?

Вопрос прозвучал неожиданно громко, и ответил мне на него почему-то подошедший лорд Тай:

— Потому что достать корону и меч изо льда может лишь тот, кому они предназначены — лорд Эйн.

Вот это поворот!

— А лорд Эйн, — сугроб с изрядным возрастом медленно оглядел моего начальника с головы до ног, — кажется, принял иное решение и откажется подчиниться. Видит озеро Спящих Предков, я рад вашему решению, мой друг.

То есть лорд Эйн собирался прийти, достать венец и меч селедки и, молча проглотив все обиды, передать их Харнису?! На мой возмущенный до глубины души взгляд излишне благородный шеф пожал плечами, после чего склонился, поцеловав руку подошедшей леди, и произнес галантное:

— С каждым днем вы становитесь все прекраснее, леди Тай.

— А вы, мой друг, не слишком ли безрассудный поступок совершили, взяв с собой полукровку? Или же это жест отчаяния, после разрыва помолвки с домом Йартау?

Нет, я обычно быстро реагирую, но сейчас была слишком потрясена всем, к тому же переела и меня тошнило, а потому я слегка выпала из разговора. Зато седовласый сугроб, внимательно оглядев меня с ног до головы, произнес:

— Она не полукровка.

И сделал шаг назад, видимо не желая на меня влиять.

— Вот! — Я палец вверх подняла торжествующе и посмотрела на начальство: — Вот это дань вежливости и поведение лояльно настроенного к вам лорда. Видите разницу?

И не дожидаясь его ответа, представилась паре:

— Виэль Мастерс, личный секретарь лорда Эйна.

Почему-то эти двое разом уставились на бриллиантовое кольцо, которое мне работодатель нацепил, мотивируя тем, что на приемах и... Видимо, секретарям бриллианты не положены, иначе как объяснить подобное внимание к украшению.

Лорд Эйн совершенно неожиданным хозяйским жестом привлек меня к себе, приобнял за талию, поправил на моей шее кольцо и:

— Виэль моя лю...

— А я говорила, что не приемлю панибратские отношения на работе и да — отличаюсь крайней мстительностью? — поинтересовалась невзначай у начальства.

Внял. Убрал руки, одарил мило улыбающуюся меня задумчивым взглядом.

— Моя любимая секретарь, — исправился перед заинтересованно внимающими нам снежными.

Изобразив книксен, попросила:

— Дайте речь.

На вопросительный взгляд, ответила шепотом:

— Внесу несколько изменений.

— Не стоит, — отмахнулся лорд Эйн. — Оппозиция так оппозиция, в конце концов, вы правы — мне терять уже нечего, последний шанс все исправить испарился вчера благодаря вашему феерическому заявлению перед леди Йартау.

Мне это сразу не понравилось.

Как не понравились и действия Харниса. Снегоурод, явно раздав указания своим приспешникам, заторопился к трону, вскинув руку и совершив указательным пальцем отработанное круговое движение. И, вроде бы, вот с чего ему пальцем крутить, а оказывается — повинаясь его жесту, через распахнутые задернутые мерцающей снеговой дымкой двери в залу повалил вооруженный народ. Все качки!

А сам Харнис, посверкивая внушительной гривой волос, буравя взглядом спину моего шефа, шествовавшего через окутанную повисшим недоуменным молчанием толпу присутствующих в бело-золотом, ринулся было за ним, но...

Я была бы не я, если бы не предприняла никаких останавливающих его действий.

— Лорд Харнис, — медовым голосом позвала проходящего мимо красавчика.

Мужик остановился, стремительно повернул голову, вопросительно уставился на меня. Хм, мне кажется, или представительницам прекрасного

пола тут не отказывают?! Ну если так, то:

— Вы обещали мне кусочек вон того восхитительного торта, — промурлыкала я.

Скривился, окинул меня уничижительным взглядом с ног до головы, прошипел:

— Вам сейчас принесут.

И попытался было пройти дальше, но не тут-то было.

— Да, это вы так сейчас говорите, чтобы от меня отвяжаться, а на самом деле мне никто ничего не принесет! — патетично воскликнула я.

Зубной скрежет был весьма громким. После чего снежный мужик жестом подозвал сугроб! Тот живенько отделился от стены и подплыл к Харнису.

Претендент в селедки прошипел:

— Торт леди Виэль.

— Кусочек! — взвизгнула я.

— Торт! — не согласился Харнис.

Сугроб понятливо кивнул и умчался к столу.

Вообще, если бы этот Харнис меня хоть немного знал, не посылал бы за тортом, а бежал бы отсюда сломя голову в попытке остановить мое начальство, шествующее к возвышению и тронам, на одном из которых сидела заинтересованно взирающая на него снежная леди.

И Харнис, обменявшись с этой леди выразительными взглядами, попытался было продолжить путь, но я, всхлипнув, выдала:

— Вот вы сейчас уйдете, а этот коварный сугроб, которого за тортом послали, мне ничего не принесет и все съест сам!

Харнис застыл, подняв ногу для шага. Живой сугроб споткнулся и едва не упал, потому как он явно был не из тортоедящих и вообще, как снег, в принципе ничем не питался, лорд и леди Тай, кажется, уже безумно сожалели, что вообще подошли, а Харнис опустил ногу и развернулся ко мне, глядя с откровенной ненавистью.

Кстати, я ошиблась, он не красавчик. Ну, может, и красавчик, но какой-то не мужественный — волосы явно гелем уложены, брови подстрижены, чуток скулы выделены косметикой и, кажется, даже на губах неявный блеск. И вот, глядя на него, сейчас даже понять не могу, с чего меня так от страсти корежило? Нет, определенно с излишней притягательностью снежиков нужно что-то делать.

И тут мне принесли торт. Целый. На огромном блюде. И без ножа.

И главное, этот сугроб, который по идее в принципе не наделен эмоциями, он сунул мне торт так, словно в последний миг удержался от

того, чтобы не запустить мне им прямо в лицо. А лорд Эйн в этот момент дошел до тронов, взошел на постамент, развернулся ко всем присутствующим, а их тут тысячи три было, не меньше. Театральным жестом извлек из кармана свою речь, одним движением развернул ее, держа на двух вытянутых руках, сделал вид, причем такой ответственный вид, словно собирается ее зачитать. На контрасте прозвучало неожиданное заявление:

— Я буду краток.

Ему, естественно, никто не поверил. Никто, включая меня, ибо я же речь и писала. Там была патетика на тему:

«Лорд Харнис, вы утверждаете, что претендуете на престол по праву? Похвально. Прошу обозначить это право, поведав нам заслуживающую нашего трепета и уважения вашу родословную. Ее у вас нет? В таком случае, быть может, вы претендуете на престол как выдающаяся личность, достойная нашего уважения и восхищения, сделавшая многое для нашей родины? Нет? Никаких подвигов, достижений и славного прошлого? Вы не служили в армии, не сделали достойной карьеры, не совершили никакого научного открытия? А чем же тогда вы аргументируете ваше право на престол? Ответьте нам, лорд Харнис».

Да, я была в ударе, когда писала. Речь была выверена и великолепна. Речь была достойна прочтения. Речь в принципе являлась шедевром взывания к логике. Речь... речь взяли, свернули в трубочку и, засунув в карман, заявили:

— Да, я буду краток! — после чего лорд Эйн обвел пристальным взглядом весь зал, то есть все тысячи три присутствующих снежных. — Я ухожу в оппозицию!

Я чуть не взвыла, лорд Тай простонал какое-то ругательство, леди Тай выдохнула «И все?!», Харнис хищно и победно улыбнулся. После чего развернулся и явно собирался пойти и размазать моего чрезмерно благородного шефа тонким слоем по ледяному постаменту.

Допустить этого я никак не могла.

Легкое, грациозное движение «отбери тяжеленное блюдо у сугроба» не вышло. Сугроб зато странно воззрился на меня своей безглазой снежной головой, едва я стала отбирать у него блюдо с тортом. Не растерявшись, я извернулась и заорала в спину стремительно уходящего Харниса:

— Лорд Харнис, он мне торт не отдает! Я так и знала!

Харнис остановился, стремительно развернулся и рывкнул:

— Отпустить!

Сугроб разжал пальцы... Торт с блюдом по инерции полетел в меня... Я, используя жест метателя дисков, крутанулась и запустила снаряд... Я всегда очень метко запускала все: от сплетен до снарядов. Торт, даже не по дуге, а по прямой траектории помчался к цели...

Далее имелась попытка перехватить снаряд, для чего лорд Харнис ухватился за блюдо, но... сила инерции пагубно действует на кремовые конструкции...

Так что, соскользнув с блюда, торт влетел в накачанного снежного лорда.

— О мой снег... — пробормотала леди Тай, глядя на то, как лорд Харнис потрясенно обтекает кремом и осыпается кусками бисквитных коржей.

Мне любоваться достигнутым результатом было некогда, я хотела было ринуться и исправить положение с заявлением лорда Эйна, но мое гордое сделанным заявлением начальство, заложив руки за спину с видом «Как я вас всех!», уже двигалось по проходу между потрясенными снегордами и снеголедами, покидая зал и топая ко мне.

Черт!

Черт! Черт! Черт!

И тут словно свет небесный пролился вопросом знакомой леди. Я узнала ее даже с огромного расстояния — это была вчерашняя леди, которая шефа кинула, и вот она, стоящая в окружении, как я понимаю, всего рода Йартау, спросила:

— Означает ли это, что вы отказываетесь извлекать корону и ледяной меч для передачи их лорду Харнису?

И все затаили дыхание.

Шеф остановился, величественно кивнул и подтвердил:

— Именно так!

Я затаила дыхание. Разъяренный Харнис едва не взревел, а вот леди Йартау, подавшись к моему начальнику привлекательным декольте, воскликнула:

— О, мой дорогой жених, я бесконечно рада, что вы изменили решение и будете бороться за престол!

И главное, все вокруг радостно закивали, то есть Харниса в селедки, как я понимаю, вообще мало кто хотел.

Но тут шеф взял и все испортил заявлением:

— Не ваш, уважаемая леди Йартау. Вашим я был до прошлого вечера, а накануне, если помните, вы лично отказались от статуса моей невесты, используя как повод маленькое досадное недоразумение.

Можно мне еще один торт, я им в начальство швырну?!

Леди пошатнулась, весь род Йартау крайне недобро воззрился на моего снежика, и я их прекрасно понимаю — самой хотелось его прибить! Нет, серьезно! Что ему стоило нормально на попытку примирения отреагировать, а? А теперь у нас весь многочисленный род во врагах практически. Радует лишь, что шеф сказал «маленькое досадное недоразумение», то есть получается, все дело можно решить банальным извинением?

Оказалось — нет.

— Будьте счастливы, леди, — завершил лорд Эйн.

И вновь заложив руки за спину, с самым довольным видом направился ко мне, мне же и улыбаясь. У меня было желание треснуть сначала себя по лбу, от избытка чувств, а после уже начальство. Причем много раз! Очень много!

Но лорд Эйн, совершенно довольный собой, в абсолютном молчании приблизился ко мне, кивнул шарахнувшимся от него лорду и леди Тай, одарил изучающим взглядом Харниса, покрытого кремом и крошечным бисквита, после чего подал мне руку.

Молча взяла его под локоток, и оппозиция Зандарата двинулась на выход.

Мой гордый шеф, когда удалились на приличное расстояние, гордо спросил:

— И как я их?

— Убойно! — с трудом выговорила я. Тот факт, что мне его сейчас убить хочется, решила не озвучивать.

Пройдя через ледяную арку, мы подошли к луже и шагнули в ее глубины.

* * *

Забавное чувство: шагаешь вниз — выходишь вверх. Это словно, провалившись в дырку в полу, просто пошел по потолку нижней комнаты — примерно вот такое же ощущение. Так что мы, ухнув в лужу в тронном зале, вышли в зале приемном уже в доме лорда Эйна.

И вот после этого я молча сняла с себя бриллиантовое кольцо, без слов

вернула начальству. Затем, не обернувшись и не сказав ему ни слова, гордо направилась вверх по лестнице, там, миновав первый этаж, спустилась вниз. Еще вниз. Снова вниз. Дошла до той самой зарешеченной комнаты, где ранее шеф меня запирали, чтобы не убить. Ну, в общем, сейчас комнатка мне тоже пригодилась, так что я зашла, заперла дверь, благо ключи так тут и валялись, пнула со всей души лежащую тут же катану, прошла к кровати и рухнула на нее, раскинув руки и глядя в потолок.

Лорд Эйн нарисовался за решеткой минуты через две — такое ощущение, что он вообще за мной шел в непонятке полнейшей. Так и вышло:

— Виэль, что с вами?!

Молчу, с ненавистью глядя в потолок.

— Виэль?

Продолжаю молчать.

— Виэль, вы меня слышите?

— Если я скажу «да», вам от этого легче станет? — мрачно поинтересовалась у работодателя, продолжая испепелять взглядом несчастный каменный потолок.

— Несомненно! Виэль, в чем дело?

Молчу.

— Виэль, вас обидели?

— Меня обидишь... — произнесла многозначительно.

Понял.

Некоторое время молчал, в итоге, о небо, до него дошло!

— Виэль, я сделал что-то не так?

Не прошло и полгода!

Сев на постели, мрачно воззрилась на руководство и вкрадчиво поинтересовалась:

— Шеф, а что вы сделали «так»?!

Возмущенно нахмурившись в ответ, развел руками, мол, я хороший мальчик и все сделал правильно.

— Виэль, — красненькие глазенки сверкнули, — вы же сами решили, что мы в оппозиции!

И тут я сорвалась:

— Так в оппозиции, а не в изоляции! Вы вообще понимаете разницу?! Шеф, черт возьми!

— Виэль, оставьте мифологию в покое, — раздраженно попросило начальство.

Рухнула на постель снова, опять же воззрившись на потолок. Слов нет!

Вот просто нет слов!

— И да, у меня вопрос — вы зачем Харниса тортом обмазали? — последовал собственно вопрос.

Разъяренная, я язвительно ответила:

— Из эротических побуждений.

Начальство оторопело, развернулось и покинуло меня в одиночестве.

Не надолго!

Лорд Эйн вернулся спустя минут десять с бутылкой вина и собственно моей речью, которой столь неосмотрительно пренебрег.

— Знаете, Виэль, — хлебнул из горла, — мне кажется, вы не совсем понимаете ситуацию. Давайте я вам все объясню.

— Валяйте, — решила я.

Встала с постели, прошла к решетке и обалдевшему от моего приближения руководству, после чего заставила его обалдеть еще и от моей наглости, протянув руку и отобрав бутылку. А затем, усевшись на полу, милостиво дозволила:

— Объясняйте уже.

Сверкнув очами, Эйн прошипел:

— Виэль, возможно, вы не заметили, но вы только что имели дерзость...

— Да, я становлюсь очень дерзкой, когда меня доводят! — раздраженно сообщила начальству.

Умолк.

Постоял, сверля меня взглядом, после сел на пол, повторив мою позу со скрещенными ногами, и как заорет:

— Вина мне!

Да счас! Я и бровью не повела.

И правильно сделала — через мгновение в подвал вбежала запыхавшаяся прислуга с конструкцией, содержащей в себе бутылок сорок разнообразной формы, цвета, но с примерно одинаковым спиртосодержащим содержимым. Эйн, придирчиво осмотрел принесенное и...

— Слушайте, а можно мне сладкое вино, а я, так и быть, верну вам эту кислятину? — неожиданно предложила я.

Шеф выбрал три бутылки розового, золотистого и полупрозрачного цветов, последовательно откупорил и пододвинул мне к решетке. Сделав большой глоток, милостиво вернула ему початое вино, полностью игнорируя укоризненный взгляд. Со скорбным вздохом, снежик выбрал себе еще бутылку и отослал зеленую и от природы, и от обалдения

прислугу.

Мы остались сидеть.

Ну как остались, лично я, перетянув бутылки к себе за решетку, начала их последовательно пробовать. Было вкусно. На середине третьей бутылки Эйн, так и не притронувшийся к собственному спиртному и заморожено наблюдающий за моим поправлением всех норм винопития, наконец соизволил заговорить:

— Вы заставили меня ощутить себя ничтожеством, Виэль.

Поперхнулась, Закашлялась и, вытирая лицо, потрясенно воззрилась на шефа.

— Seriously, — подтвердил он. — Благородным болваном, готовым отдать все другому лишь потому, что его предпочла моя любимая женщина.

О черт, я слишком мало выпила для подобных откровений.

— Вот только не нужно так показательно кривиться, — нахмурилось мое начальство.

— Прекратите ударяться в сантименты, вам не идет, — вполне резонно заявила ему.

После чего спросила о том, что действительно заинтересовало:

— Лорд Эйн, о чем говорил лорд Тай? Я так и не поняла, что это за ритуал и зачем Харнису понадобились вы?

Нахмурился, затем хлебнул из бутылки и, глядя куда-то перед собой, начал рассказывать:

— Так уж сложилось, что ледяная корона — удел лишь достойнейших. У каждого сэльда своя корона, и каждый сэльд уносит ее с собой в озеро Спящих Предков.

Он помолчал, затем тихо продолжил:

— Моя заискрилась во льдах тронного зала, когда я вскинул свой меч победы на Харласской заставе... И это коренным образом изменило мою жизнь. Леды готовы были избрать меня следующим сэльдом.

Я подалась ближе, заинтригованная даже не столько рассказом, сколько соприкосновением с совершенно чуждой культурой, традициями, жизнью... А шеф грустно продолжил:

— Первым, что начало отравлять мою жизнь, стала лесть. Она лилась липкой патокой отовсюду, она обволакивала, она закрывала обзор на действительно достойных, она не давала дышать... Мне, привыкшему к военной прямоте, к одобрению, что порой заключалось лишь в дружеском похлопывании по плечу, все эти расшаркивания, изысканные фразы, многоцветие слов... претило.

Вновь умолкнув, лорд Эйн сделал еще глоток и грустно заметил:

— Но привыкнуть можно ко всему, и постепенно я привык к фальшивому поклонению, к постоянной похвале, льстивым заверениям в моей исключительности, к тому, что я избран самими льдами. Привык к тому, что откровенность — роскошь мне недоступная. Единственным, с кем я мог говорить открыто, был мой старый учитель, сэльд. И он был счастлив, что льды избрали одного из его учеников...

— А сколько всего было учеников? — Интересно же.

Зато ответ потряс:

— Тысяча восемьсот девяносто четыре.

— Сколько?!

— Сэльд предпочитал держать все под контролем и желал, чтобы следующий правитель Зандарата непременно унаследовал его взгляды на мир, его честь и благородство, его мировоззрение и политические устои, — лорд Эйн пожал плечами, — поэтому в ученики взял всех сыновей подходящих родов.

Вот это номер...

— Короче, перестраховщик был ваш сэльд, — сделала я вывод.

Снежный никак не прокомментировал мое высказывание, решив, что важнее продолжить свой рассказ:

— Когда сэльдине Юалии исполнилось двадцать восемь, она была представлена ко двору.

— Не поздно ли? — уточнила просто из любопытства. У нас как бы совершеннолетие пораньше наступает.

Лорд Эйн пояснил:

— Это возраст, с которого нам дозволяется спиртное.

Я посмотрела на него, посмотрела на бутылки, поняла, что по снежиковским меркам мне как бы еще нельзя, а потому торопливо подтянула вино поближе, недвусмысленно намекнув, что не отдам, и торопливо перевела тему на более интересный момент:

— Вы влюбились?

Но, с сомнением поглядев на меня, лорд Эйн спросил:

— Виэль, вам ведь еще нет двадцати восьми?

— Шеф, даже не думайте, без спиртного на должности вашего секретаря я просто не выживу, так что... Короче, что там дальше было?!

Видимо, решив махнуть рукой на то, что спаивает малолетку, Эйн продолжил:

— Да, я был безумно влюблен в Юалию. Всепоглощающе. Восторженно. Она казалась глотком свежего воздуха среди легко доступных леди, что были готовы остаться наедине со мной с первого

моего взгляда... В те времена я был любимцем женщин.

— Ну, можете быть уверены, что эти времена уже вернулись, — догадываясь, что повлечет за собой сегодняшний отказ передать корону Харнису, уверенно заметила я.

— Вы думаете? — оживился мой начальник.

— Более чем, — заверила его.

Потом вспомнила его выходку с леди Йартау и, простонав, выпила снова.

— Виэль, что вас так расстроило? Харнис?

Я промолчала, недовольно глядя на начальство, и сделала еще глоток. Потому что иногда лучше пить, чем говорить.

И тут лорд Эйн неожиданно резко, словно порыв урагана, рванулся вперед, ко мне, замер, держась за решетку ледяными пальцами, от которых по железу вверх и вниз узоры изморози пошли, и прорычал:

— Лавина раздери! Виэль, если я вам приволоку его голову, вы успокоитесь?

С некоторой заторможенностью, свойственной совершенно пьяным людям, я поняла — принесет. Прищурилась, глядя на шефа, икнула, понимая, что кто-то уже упился, и подавшись вперед, ближе к снежику, но не так, чтобы достал, поинтересовалась:

— А что потом?

Задумался, убрал ладони с решетки, сел. Поднял упавшую бутылку, брезгливо стряхнув капли пролившегося вина, посмотрел на меня и неожиданно спросил:

— А какая разница?

Посмотрела в ответ, пожала плечами, поняла, что шатаюсь, легла на бок, подоткнув платье, чтобы поудобнее было, подперла голову согнутой в локте рукой и, сделав еще один глоток, ответила:

— Да никакой. Только учтите — сдадитесь, проиграете этому Харнису, и я вас уважать не буду.

С этими словами рука моя опустилась, бутылка с тихим звоном легла спать, но прежде чем я осознала, что вино подтекает, потому как до половины все же не допила, я уже тоже спала.

В тишине.

* * *

И вот сплю я, сплю, и сквозь сон слышу неожиданное, сказанное

женским голосом:

— Девчонку нужно убить.

Нехилый себе такой сон.

— Она плохо влияет на солдафона.

— Это уже все поняли.

И тишина.

Я вообще могла бы сделать вид, что сплю, но как-то привыкла смотреть в лицо проблемам, а потому резко и неожиданно для врагов села.

Искрящаяся, как снег на морозе, ледяная леди в белоснежном платье с высоким воротом, подпирающим ее белоснежную прическу, ойкнула от неожиданности, развернулась и бросилась прочь, прикрываясь веером. Зеленомордый мужик, кажется из obsługi дома, охнул и тоже попытался скрыться в сумраке. Я была несколько не «за», но и преследовать его поостереглась, а потому заорала не своим голосом:

— Ше-е-е-е-еф!

Видимо, потому, что орала не своим голосом, начальник и не примчался на зов подчиненной. Ну ничего, не проблема. Подскочив, подбежала ближе к решетке и заорала уже более вменяемо, родным фальцетом:

— Ва-а-а-а-альд!

И тишина в ответ! То есть меня тут убивают! Убивают же! А он?!

Срывая с себя испачканное вином платье, чтобы не мешало, я, прыгая на одной ноге, со второй платье никак не сползало, схватила все еще валяющуюся на полу катану, вытащила из декольте ключ, и ринулась к двери с воплем:

— Убива-а-а-а-ают!

Зеленомордый мужик, который, оказывается, далеко не ушел, икнул и... бросился прочь. Но я уже отперла дверь и теперь неслась вслед за ним на каблуках, с катаной наперевес и нарастающим:

— Ууууубииииивааааааюуюуюют же-е-е-е! Стоять!

Какой стоять — этот припустил втрое быстрее, у меня даже не было времени остановиться и туфли скинуть. Зачем я вообще их снова надела?!

А индивид мчался по лестнице, перескакивая сразу две-три ступени и не оставляя мне даже шанса себя догнать! Да что это вообще такое?!

— А ну стоять! — вопила я, мчась следом. — Стоять и убивать меня! Быстро, кому сказала!

Зеленомордый теперь по четыре ступени зараз перепрыгивал, более того — припустил так, что начал увеличивать дистанцию.

— Ва-а-а-альд! — ору, пытаюсь тоже ускориться. — Ва-а-а-а-альд,

меня убива-а-а-ают!

Зеленомордый споткнулся, даже не знаю с чего, обернулся, глядя на меня округлившимися потрясенными глазами, и снова побежал!

Я за ним!

Он выскочил на первый этаж, захлопнул дверь, провернул ключ...

Я доскакала до двери, сделала свое коронное «разомнись плечо, размахнись рука», и дверь пала! Грохнулась на пол просто-таки, а за ней обнаружился потрясенный зеленомордый и еще штук двадцать слуг, видимо сбежавшихся на мои вопли, потому что у кого что в руках было — у кого гвозди и молоток, у кого иголки и нитки, а у кого и обломки моей позавчерашней деятельности, то есть, видимо, в доме шефа ремонт шел полным ходом. И вот у них там ремонт, а на меня тут покушаются!

— Спасайте меня, — я угрожающе двинулась к зеленомордому, — меня убивают!

Все сбежавшиеся сильно удивились, почему-то посмотрели на зеленомордого, потом на меня. Зеленомордый руками развел и улыбнулся, мол — это все не я, это все она и ее психологические трудности.

— Что? — Я от такой наглости даже катану поудобнее перехватила. — Ты еще сделай вид, что это я тебя тут убивать собиралась!

Мужик взял и сделал.

Несчастный вид сделал, на меня всем указал и у виска пальцем покрутил. То есть это мы в отказ пошли. Да более того, он еще и протянул:

— Три бутылки вина для слабенькой девчонки...

И все это с намеком.

На этом мои нервы сдали, и я прошипела:

— Так значит, да?

Он взял и кивнул. Да еще и залыбился желтыми зубами, что на зеленой морде очень гармонично смотрелись. Я прищурилась и, удерживая катану, двинулась к нему. Мужик, хмыкнув, обвел рукой пространство, намекая, что тут как бы свидетели и я ему ничего, мол, не сделаю.

— Ты серьезно? — изумилась я. — Мужик, эти свидетели не помешали мне весь замок разнести к чертовой матери. Ко всему прочему я вчера не ужинала, так что жутко голодная. А когда я голодная...

Свидетели разом сделали шаг назад, потом еще один, потом вообще с единым «ух» отбежали подальше, и уже вот оттуда, с безопасного расстояния, согласились посвидетельствовать — в смысле встали и на меня посмотрели, выжидая убийственных действий. А зеленомордый мужик как-то сбледнул, неловко подвернув ногу, отступил, развернулся и деру!

— Стоять! — заорала я. — Держи убивца!

И рванула следом!

А этот вниз, туда, где ступени! Я же на каблуках! Но времени останавливаться нет, и я, скользя и чуть не падая, сбежала следом, остановилась, едва добежала до конца лестницы, выдохнула, вновь ухватила катану наперевес и помчалась догонять этого, который уже практически до ближайшей лужи добежал.

И в этот момент из лужи, к которой и бежал зеленомордый убийца честных секретарей, восстал лорд Эйн. Шеф восстал не один, с ним был еще один лордосугроб такой же худощавой наружности. И оба в белом, причем каком-то странном белом — словно ткань льдом залили. И с хвостиками вместо растрепанных волос. Хвостики набок, так что свисали на левое плечо и там заканчивались парой бусинок, сделанных явно из льда. Серьезно — лорды с бусинками. Я сама так удивилась, что едва не упала, но, удержав равновесие, продолжила бег праведного гнева, и тут упал этот, который зеленомордый. А я с катаной наперевес. И тут лед! Я на каблуках! Пытаюсь остановиться, но куда там — инерцией и силой тяжести оружия меня продолжает нести!

И вдруг лорд Эйн стал бураном. Ледяным вихрем метнулся наперерез, и в следующее мгновение я была остановлена хватом за запястье и объятием за талию.

Хух, хорошая реакция у начальства, слава небу.

С полным облегчения выдохом я уткнулась лбом в тощую грудь моего шефа и простонала:

— Давайте тут все песочком посыплем, скользко же, жуть просто.

— Виэль.

Утыкаться перестала, отодвинулась, высвободила руку с катаной и, указав острием на зеленомордого поганца, сообщила:

— Этот вот — убиватель!

Мой начальник оглянулся на подлого зеленомордого, повернулся ко мне и уточнил:

— Вы уверены, что он не убиенный?

То есть начальство намекает, что мужик как бы жертва?

— Так, шеф, — я уперлась острием катаны в лед, чтобы увереннее держать равновесие, — давайте мы с вами сразу договоримся: в нашем с вами рабочем дуэте всегда права кто-то одна и сомнений в этой правоте быть не должно. Так что если я сказала, что он убиватель, значит убиватель и есть. Эй, вы, с бусинками, — обратилась я ко второму лорду, — ухватите этого за шиворот, пока он в лужу не сиганул, я его потом попозже сама допрошу.

Катана лед резанула, как нож масло, и я едва не ухнула носом вниз, удержалась, посмотрела осуждающе на катану, на шефа, на мужика, который стоял и ничего не предпринимал, и как рявкну:

— Исполнять!

Снеголорд вскинул руку, ухватил зеленомордого, после осознал, что сделал, удивленно глянул на меня. Я удовлетворенно на него, ну и, собственно, сразу поняла очевидное:

— Тоже военный.

Лорд Эйн страдальчески застонал, но сказать что-либо не успел, я уже скомандовала его другу:

— За мной, шагом марш!

И поковыляла к лестнице.

На счастье снежка, он потащил за мной активно заупиравшегося зеленомордого, но как-то очень резво потащил — вроде ж я пошла первая к лестнице, а стоило на нее подняться, этот снежный уже был тут как тут. И сурово смотрел на меня, а зеленомордый активно сопротивлялся и подвывал.

— Ух ты, а что, есть другой путь? — удивленно спросила я.

— Взлетел, — пояснил он.

— Виэль, личный почетный секретарь лорда Эйна, — представилась я.

— Лорд Аттар, — представился он.

Я кивнула, наклонилась, сняла туфли. И радостно улыбнувшись, поспешила вперед, крикнув:

— Лорд Эйн, а где у вас пыточные?

Зеленомордый взвыл.

* * *

Это вообще невозможно себе представить — у лорда Эйна не оказалось пыточных! Ни пыточных, ни допросных, ни вообще ничего! Единственное место, где можно было кого-нибудь запереть, — это моя родимая коморка, которой я с зеленомордым делиться отказываюсь напрочь, ну и то помещение, где подобные ему зеленокожие предпочитали скрываться от лорда Эйна. А еще у моего шефа не оказалось ни веревок, ни наручников нормальных, ничего! Все пришлось делать самой, под сдержанный хохот обоих снежных лордов.

В результате моей деятельности зеленомордый был прикован к рогам здорового снежного лося, украшающим ромбовидную доску снежного

дерева, расположенную в кабинете лорда Эйна. Прикован он был единственными найденными мной наручниками — опущенными розовым мехом и используемыми явно для других целей. Собственно, алая шелковая лента тоже не для привязывания преступников предназначалась, но зеленомордому шло. А еще он был обут в туфельки на крайне высоком каблучке, которые сто процентов жали. Это уже была моя личная инициатива, я просто решила, что так он заговорит быстрее. Вот постоит на таких каблуках с часик и не то что заговорит — запоеет!

В итоге пью чай с тортиком, который мне лично лорд Эйн принес, и жду. Жду. Сверлю связанного взглядом и...

И тут до меня дошло — мне лорд Эйн торт принес! Торт! Мне. То есть пока я бегала по замку в поисках пыточной, а лорд Аттар таскался то за мной, поражаясь по ходу перемещения ремонту, происходящему в замке его военачальника, лорд Эйн смотался за тортиком. Для меня.

Присмотрелась к тортику — размером с небольшую шкатулку и так же искусно украшен карамельной росписью, шоколадными узорами, стружкой белого шоколадика сверху и бусинками съедобной глазури. Красивый такой и умопомрачительно вкусный — медовый бисквит со снежными ягодами и лесными орешками, пропитанный сгущенным снежным молоком. Сказка, а не торт. Такая сладкая зимняя сказка, и я уже половину слопала, между прочим.

Но вот вопрос — а с чего бы мне торт приволокли?!

— Лорд Эйн, — подала я голос, ковыряя ложечкой очередной кусик, кусманчик, кусманище, — а по какому поводу мы тут торт едим?

Начальник, сидящий за своим столом и о чем-то тихо переговаривающийся со своим не знаю кем, глянул на меня, поправил хвостик с бусинами, и сообщил:

— Виэль, мы пока отложим оппозиционные дела, у меня приказ выдвигаться на место боевых действий.

Ложечку я обронила!

Меня потрясла до глубины души ситуация, которую ни один торт не мог спасти! И еще какая ситуация! Мой... мой... мой...

Так, выдохнуть, успокоиться... Чай отставить на стол, посидеть, сжав кулаки.

Не, не помогает! Сейчас точно скандал будет. И главное, с истерикой и безобразный! Потому что не знаю как Эйн, а я с ходу поняла, что происходит — Харнис осознал, что чрезмерно благородным мальчиком для битья мой шеф больше не будет. Осознал и решил действовать самым коварным способом!

— Лорд Эйн, — улыбочка у меня получилась прямо как у палача перед исполнением прямых обязанностей, — а что, у нас новая война?

Он отвлекся от своего собеседника и сдержанно пояснил:

— Да, Виэль, на рассвете Зандарат объявил войну клану Саекхола.

И все, после этой дивной информации шеф снова перешел к обсуждению чего-то, я так понимаю, что это он с Аттаром план предстоящих военных действий обсуждал. И все бы ничего, но меня просто трясло от злости! Ну, Харнис, ну... собака сволочная!

— Лорд Эйн! — Сейчас ядом плевать начну. Не знаю как, но чувство такое, что очень даже получится. — А можно узнать, по какой причине этот обласканный мышцами индивид объявил войну какому-то там клану?

Хотя что-то я о клане Саекхола слышала... нет, читала вчера, когда газеты на предмет поиска информации о моем снегошефе просматривала. Что-то такое... угрожающее.

— Виэль. — В голосе начальства отчетливо прозвучал металл. Такой замороженный металл. — Я занят. Доешь торт, после весь мой замок в твоём распоряжении. Найди себе кабинет, начни составлять план действий нашей оппозиции и прекрати истерику. Мне казалось, что торт тебя успокоит.

Я такая злая стала. И так хотелось хоть кого-то пнуть. Встала, подошла к зеленомордому, пнула его!

— Леди Виэль, солнечное сплетение чуть выше, — проинформировал меня лорд Аттар.

А едва взбешенная я к ним повернулась, тут же снова погрузился в обсуждение карт и планов сражения.

Черт! Меня трясет от ярости! Действительно трясет!

Посмотрела на зеленомордого, тот взял и ослабился... Тут меня все бесить начало втрое сильнее. Прищурившись, посмотрела на гада и тихо спросила:

— А, то есть ты знал?

А этот урка облизнул губы и едва слышно прошипел:

— Вообще не ясно, с чего этот вернулся в замок. Войска уже выдвинулись.

То есть лорд Эйн вернулся и спутал этим все секретарскоубивательные планы. То есть, как только он уедет, меня опять попытаются убить.

Хотя стоп... а с чего реально шеф взял и вернулся?!

Я крутанулась, посмотрела на увлеченного планом начальника и спросила:

— Лорд Эйн, а вы зачем вернулись?

Поднял голову, взглянул на меня ледяными глазками и вдруг улыбнулся. Он так улыбнулся, что я вдруг снова о детках с красными глазиками вспомнила, и вообще свадьбе там, долге супружеском... не о том думаю. А шеф улыбнулся шире и пояснил:

— Сомневаюсь, что мой замок устоял бы, исчезни я без объяснения причин. Тортик, Виэль. И да, в мое отсутствие мой дом в полном твоём распоряжении, но не кромсай больше галерею предков, пожалуйста. Что касается еды — тебя будут кормить пять раз в день, я приказал.

А, ясно, о сохранности имущества тревожится. Зря он так, я в принципе ничего не гроплю у тех, на кого работаю.

Так, ну с этим разобрались, переходим к насущным проблемам.

— Лорд Эйн, — я подошла к ним, присела на край стола, скептически глянув на карты и символы, которые там шеф выводил, — а с чего такая спешка в объявлении войны, а?

Бросив на меня недовольный взгляд, он объяснил:

— Ночью драконы ледяного престола вероломно разрушили храм озера Спящих Предков. Это преступление, Виэль. Преступление против нашей религии, устоев, культурной преемственности и...

— Стоп, — перебила я.

Вскинув снежную бровь, шеф удивленно посмотрел. Я же, чуть подавшись к нему, уточнила:

— Вчера, значит, вы отказались доставать из льда корону и меч для этого мышцегорного Харниса, а уже сегодня ночью драконы взяли и полезли «вероломно» разрушать храм ваших похрапывающих предков? Это как-то странно, не находите?

Не находил. Сидел и смотрел на меня с нарастающим глухим раздражением.

— Виэль, тортик! — процедил сквозь зубы.

— Угу, тортик, сейчас поделюсь им с вами! — психанула я.

И тут этот Аттар влез со своим:

— Эйн, приструни свою любовницу, у нас времени в обрез.

Все, это стало последней каплей.

— Тортик так тортик, — согласилась я, спрыгивая со стола.

После чего гордо прошла к тарту, с сожалением глянула на него, взяла все блюдо со вкусятинкой, подошла к обернувшемуся ко мне лорду Аттару и одним плавным движением втерла вкусятку в красноглазую рожу! После чего ядовито посоветовала:

— Продолжайте втирание, говорят, сладкое для мозгов полезно, так вот, полагаю, вам сия процедура поможет уяснить, что я секретарь, а не

любовница. Почетный личный секретарь! Приятных процедур, лорд Аттар.

Страшно мне не было, даже когда этот вскочил, пылая яростью и наполовину превратившись в буран. Нет, на прошлой работе я себе подобного не позволяла, ну так у меня раньше и личного хранителя, соответственно полной безнаказанности, не было.

— Ванная где-то там. — Я махнула рукой в направлении двери.

Эйн, подскочивший и тоже пришедший в состояние бешенства от моей выходки, произнес ледяным тоном:

— С ней я разберусь сам.

Обмазанный тортом Аттар что-то прошипел, развернулся и вышел.

И вот только за ним закрылась дверь, я честно сказала:

— Шеф, тут что-то не так.

Одна проблема — меня никто не слушал. Разъяренный лорд Эйн подлетел ко мне, схватил за запястье, рванул на себя и прорычал:

— Ты что себе позволяешь?

Вечные небеса, когда я весь его замок располовинила, он и то не так психовал.

На мгновение стало дико обидно, но затем вспомнила, что я все-таки секретарь, а не любовница, соответственно и повела себя крайне профессионально:

— Ай-яй, больно...

Мое запястье отпустили с такой брезгливостью, что стало еще обиднее. Но едва отпустили, я с жаром продолжила:

— Здесь точно что-то не так, шеф, неужели вы не видите? Вчера вы сорвали планы Харниса и отказались передавать ему знаки власти, предназначенные вам. А уже сегодня вас стремительно отправляют на войну, то есть фактически куда подальше? Неужели я одна вижу связь?!

Все еще гневно глядя на меня, Эйн присел на край собственного стола, вцепился в крышку пальцами, сжал так, что каменная столешница заскрежетала, и отчеканил:

— Связь действительно есть, Виэль. Клань снежных драконов никогда не были благонадежными подданными ледяного престола. И сейчас, когда я демонстративно отказался следовать курсу сохранения единства власти, они подняли головы и решили нанести удар, полагая, что империя ослаблена внутренней борьбой. Это не так. Несмотря на возникшие разногласия, я всегда буду защищать ледяной престол.

Вот как заговорил. И все бы ничего, но есть один момент:

— До сегодняшнего дня, насколько я поняла, вы были разжалованы на уровень ниже некуда и направлены наместником в наш захудалый

городишко, а уже сегодня вы кто?!

— Главнокомандующий, — сухо ответил Эйн.

— Да? — язвительно переспросила я. — Так понимаю, пост главнокомандующего вам с утраца вернули?

Явственный зубной скрежет.

— Утра, Виэль, — снизошел все же до ответа.

— Утраца! — Я была чертовски зла. — И да, если вы все еще не видите никакой связи — вы... Впрочем, ладно, пойдем другим путем. А есть доказательства, что именно драконы клана Саекхола храм разрушили?

— Неоспоримые! — припечатал меня Эйн.

Он вообще припечатывать любил, я это еще с его фразы «вы станете моей любовницей» заметила. Откровенно психанув, пошла бродить вокруг начальственного стола. Взгляд скользнул по картам, ручкам с серебрящимися синими чернилами, блокноту, бумагам, зеркалу... Зеркалу. В круглой серебряной оправе! Соединяющему с собеседниками зеркалу!

Мысль оформилась неожиданно.

— Лорд Эйн, — я взяла зеркало обеими руками, — как эта штука работает?

— Голосовое управление, — отчеканил он.

Ну тут я взяла и поступила, как все мудрые женщины, — рванула напролом!

— Зеркало, будь так любезно, соедини меня, пожалуйста, с личным секретарем главы клана Саекхол.

Лорд Эйн дернулся и подскочил со стола. И дверь как раз открылась, и вернулся взбешенный лорд Аттар.

Зеркало мигнуло, по нему прошлась рябь сверкающих линий, словно я камень в ртуть бросила, затем что-то щелкнуло и зажужжало, а через мгновение на меня взглянули насыщенные зеленые глаза с вертикальными зрачками и миловидная драконица средних лет произнесла:

— С кем имею честь?

Не став юлить, бодро ответила:

— Виэль Мастерс, почетный личный секретарь лорда Эйна.

У драконицы отвисла челюсть. Зубов там было штук сто, не меньше, и один другого острее, так что смотрелось внушительно, после чего никак не внушительным, а вовсе даже и сиплым голосом ледяная драконица спросила:

— И вы еще имеете наглость..?

— Это вы про «почетный»? — перебила я. Пожала плечами и ответила: — Ну, знаете, может, вы и правы, почетный личный секретарь это

немного слишком, но и просто личным секретарем меня не назовешь — столько дел, столько дел, вы себе даже не представляете.

— Пррредставляю! — прорычала она. — Дел у вас и правда по горло! К примеру, строчить нам оскорбительные письма!

И вот тут я сказала:

— Стоп.

Переварила услышанное и искренне сообщила:

— Я вам никаких писем не писала.

Драконница ответила глухим рычанием и явно собиралась сказать что-то крайне нелицеприятное, но я ее опередила, задав прямой вопрос:

— Лорд Эйн, вы драконам с утра никаких писем не писали?

Мой шеф, явно собиравшийся меня придушить, для чего бесшумно и незаметно приблизился, замер, опустил тянущиеся к моей шейке руки и произнес:

— Нет. Какие письма? Я получил назначение и приказ, забежал домой успокоить тебя и собирался лететь к войскам, они уже полным ходом двигаются к бастионам клана Саекхол.

Нехило так.

Вновь обратив свой взор к зеркалу, проговорила:

— Не писали мы вам никаких писем. Да и некогда было — я с утра бегала за убийцей, потом мы его привязывали, — повернув зеркало, продемонстрировала скованного розовыми опушенными мехом наручниками зеленомордого в туфельках с запредельным каблуком, снова вернула зеркало в исходную позицию, — нам просто некогда было вам писать. Да и согласитесь, связаться с вами по зеркалу гораздо проще, что я и сделала.

Драконница зависла с приоткрытой челюстью.

А лорд Аттар взревел:

— Лорд Эйн, вы общаетесь с предателями! Это недопустимо! Немедленно прекратите связь!

Я глянула на шефа, шеф несколько растерянно на меня, кажется, до него начало доходить, что что-то здесь не так, но присутствие лорда Аттара...

— Вы знаете, мне кажется, у вас в замке еще имеются наручники и туфли на каблуках, — глубокомысленно заметила я.

Начальник улыбнулся, покачал головой и произнес:

— Виэль, не путайте раба с Болотии и лорда Зандарата. Нас если и возможно сковать, то только льдом.

И вскинул руку по направлению к стремительнодвигающемуся к нам

военному. Взвыл ледяной ветер! Поток холода, вынудивший меня отпрянуть, и в секунду застывший во льду лорд Аттар. Все это случилось так... так... так...

— Хангар! — раздался крик моего снежика. — Принесите шубу леди Виэль.

И вот я стою, дрожу, зеркало в руках тоже дрожит, а дверь открылась и мне принесли шубу. Беленькую, до пят, мягенькую, теплую. На плечи надели, поклонились и стремительно убежали. А все потому, что в кабинете лорда Эйна теперь жуткий холод стоял, у зеленомордого нос даже замерз и вообще мужик трястись начал.

А затем шеф отобрал у меня зеркало и произнес:

— Сарин, соедините меня с главой клана. Немедленно.

Она даже соединять не стала — просто повернула зеркало, и мы увидели, что громадный ледяной дракон тоже в явно потрясенном состоянии стоит рядом с ней.

— Лорд Кхатараг, мое почтение, — произнес мой шеф.

— Приветствую, лорд Эйн, — несколько заторможенно произнес он.

Ну заторможенность, похоже, это у них тут повсеместно, поэтому я перешла к делу и спросила:

— Где назначить вам встречу?

На меня даже лорд Эйн странно посмотрел, не то что остальные. Точнее не остальные, а остальной — лорд Кхатараг отобрал зеркало у своего секретаря, и они начали плотно общаться с лордом Эйном. Сначала потрясенно, затем на повышенных тонах, после мой шеф едва не выломал свой тяжелый каменный стол, который, как оказалось, был в пол вмонтирован, потом в кабинете стало настолько холодно, что изморозь побежала по стеклам, потом... потом неожиданно что-то зазвенело, как капель по весне. Я прошлась по кабинету, отыскивая источник звона, и отыскала — лорд Аттар, который от удара начальства теперь стоял и обтекал в виде ледяной глыбы, собственно, издавал звук.

Точнее, даже не он, а зеркальце, у него на поясе висевшее. Естественно, никто этому зеркалу не помощник был, ибо я под толстый слой льда не пролезу, а мой шеф занят беседой и ему не до капли. Но я все равно подошла ближе и заглянула — через толстый слой льда мною была увидена перекошенная от ярости рожа Харниса. Харнис, узрев и меня сквозь слой замерзшей воды, заметно скривился, я радостно улыбнулась ему в ответ. Скривился сильнее. Послала воздушный поцелуй — кто-то позеленел, причем заметно очень... Полукровка, что ли? Ну от зеленомордых родом в смысле.

— Виэль, — неожиданно позвал меня шеф.

Обернулась, закуталась в шубу сильнее под его колючим красным взглядом. И выглядел начальник теперь очень сурово и приказывал так же:

— Организуй мне встречу с представителями всех драконьих кланов. Затем свяжись с представителями подснежного племени, мне требуется допуск ко всем ртутным путям Зандарата. Именно мне, на конкретно мое имя и мою ауру. У тебя три часа времени.

Ох, ничего себе. Я вообще не в курсе, кто такие «подснежное племя», мне в принципе неизвестно, сколько всего драконьих кланов в снежниковской стране, я понятия не имею, как оформлять допуски к каким-то там путям, я...

— Поняла, шеф, будет сделано! — уверенно отрапортовала начальнику.

Лорд Эйн кивнул, после чего, положив связующее зеркало на стол, подошел к замерзшему лорду Аттару, что-то нелицеприятное ему высказал и... И потом стало очень холодно, холоднее, чем было в момент ледяной атаки по предателю, потому как мой шеф неожиданно стал бураном! Тем самым, с красными глазюками, подхватил ледяную статую имени Аттара и смылся, снеся по мере следования дверь с петель.

То есть через мгновение я осталась наедине с моим зеленомордым жертвой туфель на высоком каблуке и с кушей работы, в которой я ни черта не разбираюсь!

Вдохнула, выдохнула. Посмотрела на дверь, которую подоспевшие зеленомордые спешно начали ремонтировать, сноровисто так и привычно, что сразу стало ясно — не впервой этим занимаются. Видимо, тут частенько все разносят.

Мое предположение подтвердилось, когда вбежавшие зеленомордашковые девицы торопливо пособирали весь оставшийся после заморозки Аттара лед, повытирали пол, протерли окна, заодно смахнули пыль и через несколько минут умчались. К этому же моменту и дверь была установлена на свое место, мастера проверили, как открываются-закрываются створки, и тоже умчались. Остались только мы с жертвой туфель и каблуков. Переглянулись. В моих глазах зажегся нехороший огонек истинного палача, в его — промелькнул страх истинной жертвы. Так что когда я пошла вынимать у него кляп, он уже точно знал, как сильно попал и вообще.

Прошел час упорной работы по составлению контактов, с которыми требовалось пообщаться, а этот все еще был:

— Это дочь погибшего сэльда, сэльдина Юоалия! Это все она! Я не мог отказаться. Если бы даже хотел, я не мог...

— А, то есть ты еще и отказываться не хотел, — сделала я резонный вывод из его нытья.

Понял, что спалился. Сглотнул, взвыл и взмолился вновь:

— Сжался, пощади! Ради всемирного милосердия! Во имя озера Спящих Предков! Во имя всего чего угодно! Ради твоей матери!

— Слушай, мужик, я не в курсе даже имени своей матери, — ответила уже раздраженно.

Задумался, спросил:

— Во имя отца?..

Бросив на него возмущенный взгляд поверх листа бумаги, который перепроверяла, мрачно спросила:

— Мужик, вот как ты думаешь, откуда мне знать, кто мой отец, если я мать вообще не видела, а?

— Ну не знаю, в северной Двие детей отцы вынашивают, но... — он нахмурился, хоть как-то разбавив страдальческое выражение на морде, — они синекожие... а ты розовая. У розовых иначе?

Вот после такого я обиделась и прошипела:

— Я не розовая!

— Вообще-то, розовая, — не согласился мужик, — белые — это снежные, а ты с розовым отливом.

Хм, нет, ну если с такой позиции рассматривать, то возможно, так что спорить не буду. И я опять уткнулась в бумаги. По итогам попытки зеленомордого выяснилось, что в Зандарате двенадцать драконьих кланов. Самым многочисленным оказался клан Саекхола, они же снежные драконы, обитают на вершинах горного хребта Самгоа, пересекающего Зандарат с юга на север, независимые, сильные, родоплеменной строй, патриархат, драконицы обычно имеют пять-шесть дракончиков. Затем, по уменьшению численности шли зеленые драконы (обитают в низинах, теплолюбивы, редко покидают свои территории), водные (делятся на морских и речных, разница в размере, насыщенности синим цветом, характере, у первых матриархат, у вторых равноправие), хрустальные (место обитания озеро Спящих Предков), воздушные (живут на облаках, или я чего-то не поняла, практически призраки, ни во что не вмешиваются, ничего им не нужно, в общем, плюют на всех свысока), черные (где живут, я так и не выяснила, зато летают ночью и пьют кровь). Дальше шли малозначительные Отсома,

Тае, Катарн, Эсхуар — эти жили в степях, выживали как могли, питались живущими там же в степях монстрами.

— Сними-и-и-и-и! — уже поднадоев, взвыл зеленомордый.

Посмотрела на мужика, на туфли. Ну вот умница я, иначе не скажешь, а шеф еще угорал, когда я этому притащила обувь и начала его ноги в пыточный инструмент заталкивать. И ведь не верили, они мне тогда никто не верил, подопытный даже помогал себя обувать, а теперь вот как запел!

— Как вы этот ужас вообще но-о-осите!!! — почти скатился до истерики он.

— С мыслями о красоте и привлекательности, — важно ответила ему.

Скривился, затем уточнил:

— То есть, если я подумаю о красоте и привлекательности, мне станет легче?

Посмотрела на мужика с ярко выраженной небритостью, кривым, сломанным некогда носом, общей кривоватой рожей и честно сообщила:

— Конкретно тебе — нет.

В этот момент задребезжало зеркало.

Взяла за резную ручку, прикоснулась к вибрирующей зеркальной поверхности. То, что только на первый взгляд было стеклом, пошло рябью, как круги по воде, ртутное озерцо замерцало, разошлось, и я увидела Харниса.

Мужик был зол. Дышал характерно, на скулах желваки танец ярости изображали, в глазах стылый лед и обещание моей скорейшей смерти. И так оно было выразительно, это обещание, что я как-то с ходу здраво рассудила, что следует сказать:

— Лорд Эйн в данный момент не может вам ответить. Но ваш звонок очень важен для нас. Всего доброго.

И перевернула зеркало кверху доньшком.

Посидела, пожала плечами, вернулась к записям.

Зеркало завибрировало снова, раздражающе так.

Перевернула. Узрела недовольного Харниса и вежливо, между прочим, очень вежливо сообщила:

— Мы будем рады, если вы сумеете известить нас о наиболее удобном для вас времени для разговора.

А в ответ это хамло прошипело:

— Сколько ты хочешь, девка человеческая?

Задумалась над вопросом. Перед глазами упорно вставало десять сыночков с глазами цвета едва выпавшего цвета, которые становятся красными, стоит мальчикам разгневаться... Хм. Вспомнила, что шеф

радовал меня снежно-белым взглядом только в момент эпического изречения «Вы станете моей любовницей», а с момента, как я его замок разгромила, глаза были постоянно только красными.

— Виэль! — попытался дозваться меня Харнис.

Надо же, вон и имя мое выучил, забавно. И с глазами лорда Эйна забавно очень и непонятно, а уж как любопытно.

— Так сколько? Назови цену. Любую. Черт возьми, я готов уже практически на все.

Ловлю на себе заинтересованный взгляд подвешенного на шелковых лентах страдальца в туфлях, решаю, что надо бы подумать. Подумала. Подумала... Еще пару секунд... И окончательно оформилась мысль:

— Пора поесть.

Лицо Харниса изобразило крайнюю степень удивления, смешанного с возмущенным презрением, мужик в туфлях застонал, а я:

— Между прочим, с утра не ела ничего, кроме торта!

Встала, вышла из кабинета в пустой коридор. Посмотрела вправо — никого. Посмотрела влево — никого. Повысив голос, задумчиво сообщила пустым стенам:

— А кто-то совсем голодная.

Стены не отреагировали, но слышались голоса, шорох шагов, и слова «Голодная, еду, срочно еду!» от перепуганной прислуги. Вот что значит отлично вышколенная челядь — молодец мой шеф, хорошо воспитал!

Я вернулась за стол, посмотрела на Харниса. Харнис посмотрел на меня и сделал мне, с его точки зрения, шикарное предложение:

— Мой сэльдовский дворец и две кухни будут в полном твоём распоряжении. Повара привыкли готовить для пиров, соответственно семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки у тебя будет масса еды. Идет?

— Едет, — кивнула я, и добавила, — но мимо, ибо я столько не ем.

И снова перевернула зеркальце донышком вверх. Сосредоточилась на записях, и только собиралась спросить зеленомордого о подснежном народе, как стекло это говорительное задрожало снова. Приподняла и устало, но крайне вежливо произнесла:

— Мы ценим ваше внимание. Всего добро...

И тут от зеркальца донеслось:

— Начальство свалило переговариваться в кабак.

Я стремительно развернула средство общения к себе и вздрогнула всем телом от радостного оскала снежной драконицы.

— Сарен ТорНадНар, — представилась она.

— Виэль Мастерс, — ответила, впечатленно взирая на клыки и переливчатые чешуйки.

— Время поболтать есть? — продолжила моя собеседница.

Времени вообще не было, но поболтать очень хотелось.

— У меня час свободный, потом надо пойти посидеть на яйцах, — сообщила секретарь главы клана Саекхол.

— На яйцах? — эхом отозвалась я.

— Ага, — подтвердила Сарин. — Тагиль ещё час сидеть может, мой муж охранником у главы клана работает, так что его надо будет отпустить к нашим шефам в кабак на переговоры, придется мне сегодня самой до полуночи на яйцах куковать.

У меня от обилия информации вербальный ступор случился. А разговорчивая Сарин продолжила:

— Еще два года сидеть. А потом уже малыши появятся и станет полегче. У нас два мальчика и девочка. А у тебя сколько детей будет?

«Десять», — почему-то подумала я.

— Не знаю, — озвучила вслух.

— Ну да, все у вас у людей не так, — укоризненно вздохнула драконица. — А занята чем?

Я рассказала, и получила массу полезной информации в ответ. Во-первых, ртутные пути давно не у подснежного племени в подчинении, а у подгорного, те полгода назад устроили тихую революцию с помощью того самого Харниса и подмяли под себя традиционную вотчину подснежников. Во-вторых, в драконьих кланах сейчас раскол, воздушные драконы неожиданно встали на сторону хранителей озера Спящих Предков и бросили вызов остальным водным, зеленые затаились, степные боятся из степей своих вылетать, и в целом, пока в Зандарате не установится непоколебимая единая власть, ничего хорошего не будет.

От обилия новых данных минуты две хлопала ресницами. Прохлопала даже принесенный мне завтрак, совмещенный с обедом, а он вкусно пах. Просто не до еды было, и ощущение такое — словно все разваливается, а ты ничего не успеваешь подхватить. Надгорные, подснежные, подгорные... как во всем этом разобраться? Однозначно ясно, что нужно выполнить первое задание начальства, вопрос в том, как? И ему нужны эти ртутные пути, это тоже ясно. Не ясно, как договариваться с союзниками Харниса...

Но договариваться же как-то нужно.

— Докерс тебе не ответит, — жуя огромную кость какого-то громадного животного, сообщила Сарин, — он предан Харнису, а от имени Эйны его воротит.

— Чем это ему шеф не угодил? — спросила, настраиваясь на сложный разговор.

— Давняя история. — Драконица поковырялась костью в зубах. — Не выполнили они заказ вовремя, твой шеф сходил и потребовал соблюдения сроков в своей снежной манере.

— Как это?

— Обернулся бураном.

Вспомнила, как тут слуги от злого снежика прячутся, предположила худшее:

— Всех убил?

— Половину заморозил, — лениво ответила Сарин.

— Ясно, — хотя ничего ясно не было. — А как его к зеркалу позвать?

— Докерса? Тут все просто, называешь его полное имя «ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович», и все.

Торопливо записала имя. Попрощалась с Сарин, пообещала связаться с ней, как закончу, и еще поболтать. Перевернула зеркало кверху доньшком, обрывая связь. Вдохнула глубоко, выдохнуть не получилось, закашлялась. А все потому, что зеленомордый ехидно заявил:

— Ничего не выйдет.

Бросив на него укоризненный взгляд, я взяла зеркальце и попросила:

— Свяжите меня, пожалуйста, с уважаемым господином по имени ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович.

Зеркальце мигнуло, пошло рябью, и через мгновение на меня уставились два маленьких черных, размером с бусину, глазика на шишковатом, частично каменном и сильно покореженном лице. Вежливо улыбнулась чудищу и сообщила:

— Добрый день, вас беспокоит оппозиция.

ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович моргнул и переспросил замогильным голосом:

— Кто?!

— Оппозиция, — повторила я.

— А чего это за зверь? — спросил Докерс.

Все так же вежливо и благожелательно объяснила:

— Это организованное сообщество тех, кто в данный конкретный момент недоволен властью, ее методами, подходами, решениями и готов заявить о своем недовольстве.

Переварив все мною озвученное, Докерс пришел к выводу:

— Я недоволен.

— О своем недовольстве заявить готовы?

— Готов.

— Замечательно, записываю ваше имя в списки членов оппозиции.

После чего принялась записывать. Его имя. На белый чистый лист, но он этого не видел. А увидеть очень хотел, для чего максимально близко придвинул к себе зеркальце и пытался скосить глаза, чтобы прочесть хоть что-нибудь. В итоге не выдержал и спросил:

— И много там имен в оппозиции?

— Все драконьи кланы, а также высокопоставленные частные лица. — Я практически ни словом не солгала.

Ну почти.

— Ого, вона как, — протянул Докерс уважительно.

Кивнула, продолжая делать вид, что пишу. Докерс подался еще ближе и, ворочая глазом, так же уважительно шепотом спросил:

— А чего в оппозиции делать надо?

— Проявлять недовольство, — дала я резонный ответ.

Жутик закивал.

— Помогать сопротивлению правящему режиму, — продолжила.

Тоже покивал, но уже как-то неуверенно.

— Организовать оппозиции бесперебойный проход по ртутным путям.

Кивать перестал, прищурился.

— Прибыть на заседание оппозиции по первому требованию, — добила я Докерса.

Нахмурился и произнес:

— Я уже недоволен.

— Властью?

— Оппозицией. Можно я не буду в этом участвовать?

— Недовольство оппозицией не является поводом для выхода из оппозиции. К тому же я ваше имя уже вписала. Оставайтесь на связи, я свяжусь с вами в самое ближайшее время. Всего доброго.

И зеркальце кверху донышком, чтобы у Докерса не было обратного пути.

Поймала на себе восхищенный взгляд зеленомордого мужика. Мужик сделал мне неожиданное предложение:

— Иди за меня.

— Куда? — не поняла я.

— Замуж, — прозвучало совершенно серьезно. — Ты, конечно, страшенькая, но где я еще себе такую жену найду. Соглашайся, я не беден, у меня в собственности два болота и одно лесное озеро, заживем.

— Целых два болота... — протянула я бог весть с какими эмоциями,

потому как мне даже со всем моим художественным воображением было сложно представить целых два болота...

— Ага, — подтвердил мужик, — по весне икры намечем.

У меня глаза теперь явно были вдвое больше обычного размера, но я почему-то оказалась в состоянии протянуть:

— Мальков нарожаем...

И тут это зеленомордое выдало:

— Ты живородящая?!

Вскинув руки в жесте «все, сдаюсь» просто вежливо попросила:

— Не мешай.

Он хотел было рот открыть, пришлось добить угрожающим:

— Иначе в туфлях до конца дней прстоишь.

Умолк.

А я встала, пошла отрезала себе ломоть ветчины, помазала сверху рыбным паштетом и вернулась за стол, а то работы-то еще немерено, а шеф придет уже скоро и за все спросит, и желательно поразить его своей работоспособностью и ответственностью прямо с первого полноценного рабочего дня, чтобы понял, насколько ценный кадр ему достался и вообще! Он придет, узнает, что я все сделала, впечатлится и наконец начнет на меня молиться, а то непорядок, третий день у него зависаю, а он еще не осознал мою божественную крутость и свое невероятное везение.

За этими приятными мыслями я доела бутерброд, взяла зеркальце, попросила на связь главу воздушного клана и с самой вежливой улыбкой произнесла:

— Добрый день, вас приветствует оппозиция!

* * *

Через час я со всем закончила, а шеф не пришел.

Сжалившись над зеленомордым, пошла и сняла с него туфли, что оказалось трудоемким и сложным процессом. Мужик плакал, благодарил и снова предлагал замуж, уже наплевав на то, что мы явно разных биологических видов. Потом я сидела и ковыряла пальчиком один из тортиков, которые для меня пекли и несли, пекли и несли, пекли и... в общем, у меня стремительно портилось настроение, а прислуга этот факт засекла.

Потом позеркалил Докерс, и едва я ответила, спросил, сколько я лично хочу за то, чтобы вычеркнуть его из списков оппозиционеров. Сказала, что

из таких списков вычеркивают только кровью. Расстроился, предложил золотом. Сообщила, что брать взятки не позволяет кодекс оппозиционера. Жутик неожиданно обрадовался тому, что в наших рядах нет коррупции, поэтому окончательно решил оставаться с нами. Положив зеркало кверху доньшком, задумалась о размахе коррупции в Зандарате...

Прошло еще два часа.

Зазеркалила глава морских драконов, у нее наличествовал чудный темно-синий окрас, неимоверно белые сверкающие клыки, очаровательный разрез карих глаз, и ей было скучно, о чем Кассиль мне прямо и сообщила. Спросила, есть ли у нашей оппозиции новости, а то ей лень слушать старых пыхтелок на заседании. «Старые пыхтелки» в момент разговора присутствовали и занимали ниши сумеречного грота, а потому все услышали и обиделись. Но их предводительница оказалась зла, прямо как я, и ей на обиженных было плевать. Собственно, как уже было сказано, я тоже была злая, поэтому предложила, пока суд да дело, разработать план оппозиционных действий. Не знаю, как матриархат вообще в жизни действует, но мы с Кассиль договорились только до того, что пойдем и плюнем на Харниса, потому что он заслужил. Одна из «старых пыхтелок» решила перестать дуться и внесла предложение послать Харниса лесом. Все тут же проголосовали «за». Назначили ответственной почему-то меня. Попыталась было откреститься, надавили авторитетом. А Кассиль научила, как настраивать на зеркале одновременно два вызова, и даже любезно вызвала мне Харниса. Собственно, я пикнуть не успела, как зеркало мигнуло, пошло рябью, а затем на меня уставился Харнис.

— Кого я вижу... — промурлыкал он.

Драконницы на заднем плане бесшумно ухихикивались, я-то их видела, а Харнис нет, и мужик решил, что у нас разговор тет-а-тет протекает.

— Моя сладенькая любительница тортиков одумалась? — продолжил покуситель на должность зандаратовской селедки.

Я кивнула.

Драконницы ржали, прикрывая пасти когтистыми лапами. Нет, и вот что тут вообще смешного?! А эти угорают! Кассиль так вообще изобразила магический транспарант и начала топать по залу, неся над собой надпись «Посылай! Посылай! Посылай!». Да сейчас pošлю, зачем давить-то?

— Кстати, я навел о тебе справки, — неожиданно глубоким, таким пронизывающим до костей голосом проговорил Харнис. — Разбитое сердце и несчастная любовь — это серьезный повод возненавидеть Эйна, Виэль.

И он вопросительно уставился на меня. Я в этот момент все еще

пыталась отойти от его голоса, потому как... нет, ну знаете, когда голосом до костей пробирают, это как-то все же... ну как-то пережить нужно. А вот Кассиль замерла, и на ее плакате появилось «Несчастливая любовь?! И ты молчала?! Да как ты могла утаить такое от своей лучшей подруги!!!»

А у меня уже есть лучшая подруга?!

— Ты молчишь, Виэль? — Теперь голос Харниса обволакивал. — Настолько больно?

И вообще я уже точно знаю, почему дочка старой селедки на него повелась — ну шикарный же мужик! И морда лица, и взгляд, и голос, и мозги, и тело и... ух!

Но шеф лучше, он благородный, и вообще я на него работаю, так что выдохнули, собрались и...

— Да нет, что вы, — мило улыбнулась змею этому ледяному, — мне тут гораздо более выгодное предложение сделали. — Я продемонстрировала привязанного к рогам зеленомордого. — Между прочим, мужик при двух болотах и даже одном озере, так что...

На заднем плане рухнула на толстый хвост Кассиль, у Харниса же такое лицо стало странное, и он мне напряженным очень голосом таким сообщил:

— Виэль, возможно, ты просто не знаешь, но Охард относится к икромечущим, а ты живородящая. Вы несколько не подходите друг другу. Чисто биологически.

Он меня бесит. Чисто основательно.

— Знаете что, два болота и одно лесное озеро на дороге не валяются! — гордо заявила я.

Зеленомордый, имя которому Охард... кстати, откуда Харнис знает его имя?! Так вот зеленомордый важно кивнул, он тоже считал, что целых два болота и одно озеро — это сила.

— Виэль, — Харнис как-то странно на меня смотрел, — никакие озера и болота не исправят ситуацию, в которой двое совершенно не подходят друг другу в физическом плане, поверь мне.

И так он это сказал, прямо со знанием дела. А на заднем плане, полностью с ним соглашаясь, закивала Кассиль, но вставать с толстой попы не стала, продолжая внимательно нас слушать.

— Да что вы понимаете, любовь она преодолет все преграды! — заявила я, продолжая размышлять над тем, откуда Харнис знает имя зеленомордого.

И мысль как-то уже билась в сознание, но тут...

— Виэль, дорогая, я подарю тебе лично четыре болота и два озера. —

Зеленомордый как-то разом сник. — Ко всему прочему, чисто физиологически я тебе подхожу больше.

И сказано было как-то с намеком. Seriously с намеком.

И Кассиль подтвердила, возведя на своем транспаранте: «Это флирт!»

— Это подкуп, — не согласилась я.

— Можно сказать и так, — не стал юлить Харнис. — Но согласишься, мне есть что предложить.

И он раскинулся в кресле, поигрывая мускулатурой и отодвинув зеркальце так, чтобы эти игры стали мне зрительно доступны. Харнису было что предложить, это точно.

«Флирт!!!» — задергала магическим транспарантом Кассиль.

Я сидела с каменным выражением лица, потому как меня сегодня уже голосом до костей пробирали, а теперь вот пугают мои глаза мускульным поигрыванием. Короче, мои глаза и кости пострадали, им был нанесен моральный вред, следовательно — надо пойти поесть! Желательно тортик, желательно много!

— Виэль, — вырвал меня из рассуждений о насущном Харнис, — ты совершенно ничем не обязана Эйну после того, как он, не задумываясь, разрушил твою жизнь.

И вот тут Харнис был на сто процентов прав.

— Зачем тебе эти игры в оппозицию, Виэль? Это не твой мир, не твои проблемы, не твой народ... Зачем? Ты сейчас пытаешься помочь прийти к власти снежному, который плевать хотел на тебя, твои чувства, твою жизнь, твои цели и стремления, да даже на твою помолвку. Лорд Эйн — солдат. Бездушное орудие смерти, выдрессированное покойным ныне сэльдом так, чтобы, не задумываясь, выполнять приказы. Вояка до мозга костей. Он не правитель. Правителем изначально сэльд планировал оставить Юолию.

Вот это поворот.

То есть старый сэльд собрал всех, у кого был шанс стать избранными этой ледяной короной, и воспитал их как... ну как послушных приказам вояк. Эйна так точно. Это вообще как называется?

И тут драконица стремительно изменила вывеску, и я прочла: «Юолия тупа, как столетняя устрица!»

Может, и не особо умна, вот только... Мне вдруг дико жаль стало лорда Эйна. Получается, забрали от родителей, муштровали, воспитывали в духе преклонения перед старым сэльдом, сделали из него благородного болванчика на побегушках, а он... Он, между прочим, добрый, умный, с характером, воспитанный и вообще хороший. И мой начальник. А раз он мой начальник, значит я априори на его стороне. И...

— Так мы договорились? — спросил Харнис.

И вот тогда я не то чтобы с чистой совестью, зато от души сказала:

— Идите лесом!

И перевернула зеркальце доньшком вниз. Когда вернула в исходное положение, узрела Кассиль и ее совет, пребывающих в крайней мрачности. Драконицы сидели с печальными мордами и думали. Не знаю, о чем они думали, я подумала, что как-то грустно все получилось. И начальника жалко.

И тут дверь распахнулась.

И в дверном проеме возник лорд Эйн.

Совершенно пьяный, изрядно пошатывающийся лорд Эйн!

Я бы даже сказала — абсолютно невменяемый лорд Эйн, который заулыбался мне прямо с порога. И продолжая широко улыбаться, шатаясь, направился к собственному секретарю, раздеваясь по дороге. И у него неплохо это получалось, я имею в виду раздеваться: шаг — и пуговка, три — и деталька одежды падает на пол.

Пока дошел, остался в одних брюках, но и их уже расстегивал, видимо, собираясь самое главное явить миру. То есть мне.

Молча положила зеркальце кверху доньшком, блокируя разговор с драконицами, у которых при виде моего вытянувшегося от дефиле начальства лица и округлившихся очей собственные глаза раза в два увеличились.

И поднялась.

Шеф, в пьяном возбуждении достигший меня, остановился, покачиваясь, и заговорщицким тоном сообщил:

— Я пришел!

А то я не заметила! Заметила, и еще как, и не только я — у зеленомордого Охарда глазюки и вовсе выпучились, как у жабы, даже не знала, что он так может.

А шеф, оказывается, только разошелся.

— Виэль, — рухнул, я думала, что на колени, впечатлившись наконец тем, что за бесценный кадр ему достался, оказалось, просто на корточки присел, — я думал о тебе!

Надо же.

— Шеф, вы не поверите, я тоже о вас думала, — сообщила ему доверительно.

Не поверил, поморщился, после чего подался вперед и, обдавая меня перегаром, продолжил:

— Я думал... о тебе... — Нет, не продолжил, это его просто

заклинило.

Во всей этой ситуации обидным было одно, и это я высказала шефу:

— А я, между прочим, с заданием справилась. А вы... напильсь! Безответственно, кстати!

После чего, гордо поднявшись, я собрала все бумаги, прижала стопку к груди и, не оглядываясь, вышла.

Зла я была невероятно! Просто невероятно. Это что он себе думает? Хотя о чем это я; шефа, как выяснилось, думать никто не учил! Старому сэлду вовсе не умный преемник требовался, а достаточно тупой и исполнительный! То-то я и смотрю, что какой-то непоследовательный начальник мне достался, а оказывается, это потому, что нас в юности ломали активно. Жалко снежика стало. Остановилась в коридоре, под взглядами ошалевшей прислуги, которая застыла тут же, видимо, узрев пьяного лорда Эйна, когда он в кабинет топал, и приготовившись к представлению.

— И? — грозно спросила у зеленомордых.

Слуги разочарованно разошлись.

А я постояла, подумала и решительно вернулась в кабинет моего снегошефа.

Двери распахнула ударом ноги, руки-то были заняты, вошла и остановилась в двух шагах от порога.

Лорд Эйн сидел за столом, весь совершенно несчастный, обнаженные плечи грустно поникли, голова понуро свесилась, глаза почему-то вовсе не красные, а такие светло-светло голубые, как лед на горных вершинах.

— И долго мы так сидеть будем? — спросила я.

Вздрыгнул. Поднял голову, удивленно-рассеянно посмотрел на меня. Улыбнулся. А затем сообщил очевидное:

— Я пьян.

— Я вижу. — Не, а что тут еще сказать. — По какому поводу чрезмерное возлияние состоялось?

Хотел было ответить. Точно хотел, даже рот открыл, а после закрыл и снова уставился в стол понурым взглядом. Я подошла ближе, постояла, в результате села на край стола перед пьяным и полуголым начальством. Помолчав еще немного, задумчиво произнесла:

— Можно опустить руки и сдаться, а можно плюнуть в рожу Харнису и начать бороться.

Шеф отреагировал тихим:

— Ради чего?

Затем еще тише добавил:

— Я солдат, Виэль. Я привык получать приказы и исполнять их. Я не умею ничего иного.

Пожав плечами, заметила:

— А можно бесконечно себя жалеть и оправдывать, тоже неплохой вариант.

Эйн вскинул на меня раздраженно-возмущенный взгляд.

— Заметьте, я не осуждаю, это так, в качестве комментария на ваше высказывание.

Усмехнулся. Посидел еще.

Затем тихо заговорил:

— Положение дел представлялось мне совершенно иным.

— К примеру?

— Проще... — эхом отозвался шеф.

А просто никогда не бывает. Протянула руку, погладила начальство по плечу, выражая дружескую поддержку. Начальство понурилось еще сильнее. Затем, снова обняв прижимаемые к груди бумаги, поинтересовалась:

— Драконы болтали много?

Эйн кивнул.

— Они могут, — пробормотала, вспомнив Кассею.

Усмехнулся. Затем продолжил:

— Это все государство... Все не так. Это не армия. Зандарат на грани распада. Процесс уже запущен... Удержать целостность страны нереально. Харнис прибрал к рукам ртутные пути, это конец.

— Конец — это всегда еще и начало, — вставила я умную мысль. — Но можно, конечно, и пострадать, если вам так хочется.

И тут заметила странность — снежно-голубые глаза шефа начали стремительно менять цвет, становясь опять родными, привычными, то есть красненькими.

— Шеф, а чего это у вас глаза покраснели? — Исключительно из любопытства спросила.

— Честно сказать? — почему-то спросил он.

— Естественно.

— Да потому что ты меня бесишь, Виэль! — неожиданно прорычал шеф.

Да, очень неожиданно.

— Ну кто, если не я, — заметила философски. — Так что, страдать будем или действовать?

Лорд Эйн молча буравил меня взглядом.

— Страдать, конечно, удобнее. — Я с начальством всегда предельно откровенна. — И только счастье требует решимости, смелости и активных действий.

Усмехнулся, поинтересовался:

— И что же в твоём понимании счастье?

— Мы не обо мне сейчас.

— Хорошо, как ты понимаешь мое счастье?

Интересный вопрос. Задумчиво поболтала ногой, прижала к себе крепче бумаги, искоса взглянула на шефа и предположила:

— Доказать всем, как сильно они ошибались на ваш счет?

На лице Эйна ни дрогнул ни один мускул.

— Добиться всеобщего уважения?

Взгляд изменился, но только слегка.

Неожиданно поняла:

— То есть я вас постоянно бешу?

— Угу, — подтвердил шеф.

Мы помолчали.

— Трезветь будете или сразу делами займемся?

Повел плечом, затем кивнул, кивнул еще раз и пробормотал:

— Мне нужно начать... с чего-то начать... я...

Я хлопнула его по плечу еще раз и начала с главного:

— Вам нужно выучить речь. И не так, как в прошлый раз. И невеста нужна. И преподаватели по ораторскому искусству, экономике, политологии и... я сама всех найду и подберу. И мы оппозиция, так что пару ошибок позволить себе можем, типа вашей вчерашней выходки с леди Йартау, но не больше. А вообще с ошибками нужно завязывать. И...

Меня остановил насмешливый взгляд Эйна. Именно насмешливый. И слегка снисходительный.

— Что? — хмуро спросила я.

— Виэль, — он странно произнес мое имя, словно смакуя каждый звук, — ты, возможно, талантливый секретарь, но как правитель... Начинать нужно не с ораторского искусства, дорогая, а с захвата контроля над путями сообщения. Мне нужны ртутные пути, контроль над которыми сейчас у шавок Харниса, а не невнятные речи, тебе ясно?

Ясно мне было только одно — зря снежник назвал меня «дорогая». Я ему это припомню, когда озвучу размер своей зарплаты. А она будет высокая, потому как:

— Шеф, — теперь настала моя очередь смотреть на него снисходительно, — подгорный народ и их глава ДокЭрСатан Эмаркад

Шаверский Топорович уже вступили в ряды оппозиции, соответственно ртутные пути наши. Так что прекращайте выпендриваться и давайте действовать по проверенной схеме — сначала учим речь, а потом уже создаем мне проблемы.

Повисла многозначительная и очень потрясенная пауза. А потом от стены донеслось:

— Виэль, выходи за меня! Серьезно. И кстати, кроме озера и двух болот у меня еще прудик имеется...

— Я запомню, — пообещала зеленомордому.

— А ничего, что вы из разных видов? — поинтересовался лорд Эйн.

— У всех свои недостатки, — мило улыбаясь, ответила я.

* * *

— Сыны небес, под вашим крылом раскинулась наша великая родина! — Именно этими словами лорд Эйн и начал свое выступление перед представителями всех драконьих кланов.

Стоит отметить — драконы считали его идиотом. Сильным — да, благородным — тоже да, но идиотом. Типа вроде как «вот он, цепной пес старого сэльда». Именно так к нему и относились — до этого дня. До этих слов.

Но вот я точно знала, что окончательно крылатые проникнутся после:

— Сотни лет вы летите дорогой чести и славы, на своих крыльях неся величие Зандарата!

Слава мне, я раскопала информацию о том, что, собственно, до Эйна главной ударной силой армии Зандарата были как раз таки драконы. И именно их мертвый ныне селедка сдвинул, заменив своими болванчиками с Эйном во главе. Болванчики справились с задачей удержания воинственной репутации преотлично, а вот драконы обиделись, и сильно. Так что сейчас имело место поглаживание крылатых по чешуйкам.

— Воины неба, я обращаюсь к вам, потому что знаю, ваша честь и благородство — опора Зандарата. И я убежден, вы оправдаете мое доверие!

Против этой строки лорд Эйн возражал, и основательно, он сам считал драконов ветреными, легкомысленными, непостоянными и вообще ящерами безмозглыми в основе своей, ну кроме Снежного клана, в смысле клана Саекхол, вот их шеф уважал, но я настояла.

— Я призываю вас вступить в оппозицию! Я дам вам оружие! Дам опытных военачальников, доблестных и отважных, в совершенстве

постигших искусство войны! Их знания и ваша отвага — вот основа победоносной армии. Вместе мы победим!

Лорд Эйн выглядел прекрасно — беловолосый и белокожий, с пронзительно-синими глазами, в белоснежном мундире с черными перчатками и в черных же сапогах, в окружении самых преданных членов оппозиции. Он стоял на вершине утеса, ветер трепал его светлые волосы, вся поза выдавала одухотворенность, глаза сияли, а речь лилась потоком сладкой патоки, воспламеняя сердца драконов...

В общем, за прошедшие семь дней все было прекрасно — мы работали не покладая рук, мы трудились вдохновенно и упоенно, мы вместе отрабатывали речь, мы совместно вкалывали в одном кабинете, принимая, я — посетителей, он — новых членов оппозиции. И все было чудесно! Все поистине великолепно было... вот до этого самого момента.

Потому что в этот самый момент рот мне закрыли белоснежной перчаткой, тело зафиксировали нежно, но непреклонно, и, шевеля прядку волос над ухом, голосом Харниса прошептали:

— И на этом оппозиции конец.

В следующий миг Харнис совершил самую большую ошибку в своей жизни — похитил Виэль Мастерс. То есть меня, банально зажимая рот ладонью, уволокли в сумрак, потом вытащили на улицу, на мороз, и там вместе со мной шагнули в лужу. А вышагнули уже в сверкающем белом зале, откуда Харнис поволок меня... нет, не в тюрьму, и в этом была его вторая ошибка. Он меня в спальню приволок! В свою! Меня!

Честно, я в процессе похищения даже не сопротивлялась, вследствие того, что имелись два факта, полностью избавившие меня от переживаний по поводу сохранности моей бесценной персоны. Факт первый: мой шеф — сильнейший маг в Зандарате, иначе бы его не избрали льды. И факт второй: при мне страж, сотворенный сильнейшим магом в Зандарате, а это, несомненно, вселяет уверенность в своей безопасности.

И потому, когда в помещении с огромной кроватью и ничем более меня наконец отпустили, на вопрос Харниса, прошептаный мне в ухо: «Готова узнать, что такое настоящий мужчина?», я, благо руку с моего рта он еще на входе в лужу убрал, честно ответила собственным вопросом:

— А ты готов узнать, что такое настоящая женщина?

Харнис сильно удивился. Харнис настолько удивился, что обошел меня, заглянул мне в глаза и спросил:

— Что?

Мило похлопала ресницами.

Потом, неторопливо расстегивая шубейку — у драконов-то в гроте

холодно было, да и вообще снаружи вечная зима, — отправилась исследовать жилище Харниса. Шубка слетела с моих плеч у двери в соседнее помещение, и это заставило открывшего уже рот мужика заткнуться. Далее я проследовала в комнату с. — оружием. Оглянулась на последовавшего за мной Харниса, обольстительно ему улыбнулась и искренне похвалила:

— Какая шикарная коллекция.

Мужик как-то криво улыбнулся. То есть и комплимент ему был приятен, и в то же время он, вполне понятно, не особо верил в мою искренность. Умный мальчик.

— Страж, — отвернувшись от Харниса и скользя взглядом по оружию, выбирая что-то, хоть отдаленно напоминающее ту самую ритуальную катану, что имелась у шефа, — ты вообще где?

Синий живой лед, вызвав поток ругани у Харниса, материализовался передо мной. Посмотрел на меня безразличными глазами.

— Ну и чего смотрим? — поинтересовалась я. — Защищай.

Моргнул понятливо.

Я обернулась к владельцу еще пригодного для жилья помещения, очаровательно улыбнулась и шагнула к выбранному орудию мести. А дальше... ну вы уже в курсе — размахнись рука, разомнись плечо.

Харнис, глядя, как я кромсаю мебель, впал в некоторый ступор, затем потрясенно возопил:

— Ты что делаешь?!

Замах — удар, и еще одной гардины прямо как не бывало. Хотя о чем это я — их стало две!

— Увеличиваю твое хозяйство! — сообщила Харнису. — Я же очень хозяйственная, ты что, не знал?

Мужик больше не настроен был говорить — я как раз какую-то скульптурку надвое перерубила, — мужик рванул ко мне.

И натолкнулся на живой лед, восставший между нами!

Харнис застыл, впаявшись носом в этот лед, лед удивленно-обиженно моргнул, я замахнулась и пошла дальше увеличивать собственность моего похитителя вдвое. Вообще зря он меня похитил, нормальный тут интерьер был... до меня.

Боковым зрением заметила, что владелец спальни изо льда выбрался, потер пострадавший и окровавленный нос, узрел, как я кромсаю кресло с позолоченными подлокотниками, взвыл, попытался было опять рвануть ко мне и... да, мой страж был на месте. А вот у Харниса выдержка отсутствовала.

— Ты что творишь?! — заорал он.

Нет, ну они тут все тормоза, я же уже говорила.

— Ты!!! — Он осип, когда я взялась за картины и гобелен.

Я не я, а здесь весело. И главное, можно наконец выместить свою ярость за все! Вот вообще за все! За мерзкий характер моего шефа — а у Эйна характерец оказался еще тот, вредный, ехидный и пакостный. Вот как это все совмещается с невероятным благородством — ума не приложу! Хрясь — крямсь! Это я вазу разбила. И сразу как-то легче стало. Вообще хорошо, что меня Харнис именно сегодня похитил, мне уж очень нужно было разбить чего-нибудь в терапевтических целях. Кстати, милая хрустальная статуэтка...

— Это алтарь, стой! — заорал, рвя рубашку на груди, Харнис.

Бамс — дзинь! И тысяча осколков на полу. Красиво, между прочим.

Потом я остановилась. Исключительно, чтобы оглядеться и выбрать себе в жертву еще что-нибудь, способное разбиться на тысячи осколков. Обнаружила на столе хрустальный макет гряды гор Зандарата. Радостно улыбнулась.

— Так, остановись! Давай поговорим! Виэль, стой, Ви...

Замах, удар, дзинь и потом много бамц-бамц, когда осколки брызнули на пол. Красота просто.

На вопль Харниса и звон хрустальных осколков прибежала кто бы вы думали? Сэльдина Юалия, дочь покойной селедки. Снежная ворвалась в покои супруга в одной весьма фривольной ночнушке с папилюками в белых волосах и с зеленой маской на лице. Маска выглядела премерзки, что недвусмысленно намекало на ее крайнюю полезность. Я тоже такую захотела.

А потом Юалия, узрев меня и разрушения, открыла рот и...

— Ты зачем ее сюда притащил?! — был ее потрясенный вопль.

— Из чего маска? — вежливо спросила я, мне действительно интересно было.

Сэльдина чуть зарделась, даже под зеленой глиной было видно, и пробормотала:

— Низинные грязи, каша из тины и некоторый... секретный ингредиент... О чем это я?! Женщина, что вы творите?

Даже не став отвечать, я докромсала гобелен. Мне нравилось. Ломать не строить и все такое. К тому же «размахнись рука — разомнись плечо» действовало на меня успокаивающе. А на остальных почему-то нет.

— Ледар, ты зачем ее сюда приволок?! — сорвалась сэльдина на визг.

— Юалия, мы с тобой это уже обсуждали, — взбешенно ответил он.

— Вы еще подеритесь, — посоветовала я, бросив остатки гобелена и плавно переместившись к ближайшей картине.

Эти двое, глянув на меня, продолжили ругань.

— Мы обсуждали, что ты запрешь ее темнице, Ледар. В темнице! Для чего ты привел ее в свою спальню?

— Вот и мне интересно, — поддакнула я.

Харнис рот открыл, Харнис рот закрыл.

Но мы обе, и я, и дочь бывшей селедки, требовали ответа, для чего нацелили на мужика вопросительно-укоризненные взоры.

— Я поговорить хотел, — выдавил наконец из себя Харнис.

— В спальне?! — разом спросили мы с Юалией.

— Поговорить! — рявкнул он.

— Да с кем тут разговаривать? — заорала сэльдина.

— Вот именно, не с кем, — согласилась я и начала резать картину.

Эти двое взвыли.

И в этот момент дверь открылась.

Стало невероятно тихо, но я не обернулась, потому как отрезала бородку у снежного лорда, изображенного на картине в величественной позе.

За спиной раздался почти родной голос:

— Могу я забрать моего секретаря?

— Да-да, конечно! — радостно воскликнули и Харнис и Юалия.

Я последним движением отрезала-таки нарисованную бороду, обернулась, улыбнулась стоящему в дверном проеме лорду Эйну и увидела, как едва заметно дрогнули в улыбке его губы, когда он узрел увеличение хозяйства Харниса.

Мне протянули руку, предлагая покинуть сей приют разврата и разгрома. Величественно метнув катану, очень удачно, так что она воткнулась в последнюю оставшуюся целой картину в данном интерьере, я вернулась к двери в спальню, подняла свою шубку и, гордо вскинув подбородок, пошла к начальству.

— Легко отделались, — бросила Харнису, проходя мимо.

Тот простонал, выражая свое несогласие.

— Мне остаться? — живо поинтересовалась.

Отчаянно замотал головой.

— Да я могу, — я была полна энтузиазма, — мне тут понравилось.

— Нет-нет, не будем задерживать уважаемого лорда Эйна, — заюлил Харнис.

— Я могу и подождать, — присоединился к моему издевательству

шеф.

— Ну что вы, — тут же вступилась и Юалия, — полагаю, вам пора, вас уже драконы заждались.

К слову, в присутствии моего лорда Эйна сэльдина засмущалась и своего вида, и своей маски, для чего начала отрывать ее от лица тянущимися, как патока, слоями. Смотрелось жутко, лучше бы она в маске оставалась и вообще ее не трогала.

— Нет-нет, я совершенно свободен. — Шеф даже полуироничный поклон отвесил. — С драконами мы уже обо всем договорились.

Перестав срывать с себя пласты маски, Юалия, с искривленным от ярости лицом, уточнила:

— То есть и они теперь тоже в оппозиции?!

— С нами веселее, — подтвердила я.

Шеф промолчал, насмешливо улыбаясь. Харнис чуть не выл: видимо, ему очень дорог был гобелен, да и в целом его комната. Я поняла, что устала и хочу спать.

Подошла к руководству, оглянувшись на погром, погордилась собой и гордо сказала:

— Вот что бы вы без меня делали?!

Харнис глянул так, что сразу стало ясно, что бы он хотел конкретно смертоубийственного сделать со мной. Юалия, судя по всему, была того же мнения.

Лорд Эйн галантно пропустил меня вперед, но стоило мне выйти, как раздались его слова:

— Насильственные действия в отношении моего секретаря я воспринимаю открытым объявлением начала военных действий.

Эти двое потрясенно застыли.

Шеф накинуд на плечи притормозившей мне отобранную у меня же шубку, и мы величественно удалились.

По коридору вниз, через три пролета в зал с лужами. Подошли к ближайшей, слаженно шагнули в нее.

Начинаю привыкать к этим перемещениям и головокружительным поворотам, когда ты вроде как перевернулся вниз головой и зашагал по изнанке земли.

Зашагали мы, к слову, уже в замке моего начальника.

И вот, едва подошли к лестнице, Эйн осведомился:

— Обижали?

— Нет, — безразлично ответила я. И тут же заинтересованно спросила: — Речь закончили?

— Обошелся парой сокращений в конце, — последовал уклончивый ответ.

Начинается.

— Драконы дружным строем вошли в оппозицию, — продолжил шеф, но поглядел при этом в сторону.

Нужно будет у Кассиль узнать, как все прошло на самом деле.

А вот едва мы поднялись на этаж лорда Эйна, как нашему взгляду предстала леди в весьма интригующем, в смысле, полупрозрачном платье. Леди, услышав наши шаги, обернулась, скользнула по мне досадливым взглядом и восторженно уставилась на лорда Эйна.

Леди была нам знакома.

Более чем знакома.

— Леди Йартау, — проговорил, склоняя голову, шеф.

— Лорд Эйн, с придыханием проговорила она.

— Третий лишний, — как-то сразу поняла я.

Оба снежика уставились на меня одинаково красными глазами. Сразу ясно, что бешу обоих.

— Поняла-поняла, сваливаю, — пробормотала, разворачиваясь и топая к себе.

И к своему жениху, между прочим.

Жених встретил меня в моем кабинете, помешивая для меня чай серебряной ложечкой.

— Яд? — спросила, пройдя через помещение и падая в кресло.

— Ага, — подтвердил зеленомордый.

И протянул чашку мне. Взяла, естественно, и даже пить начала маленькими глотками, потому как только Охард умел делать шикарный зеленый чай.

— Как все прошло? — поинтересовался он, садясь в кресло напротив.

— Меня похитили, — призналась.

Не чужой все-таки, а практически жених. И пусть даже из вредности. В смысле не было бы никакого жениха, но лорд Эйн начал шутить на тему разности наших с зеленомордым видов, я упрямо настаивала, что для любви нет преград, и закончилось все тем, что, развязав Охарда, обменялась с ним рукопожатием в знак помолвки, а зеленомордый дал клятву меня не убивать и разделить со мной оба болота и озеро. Так что вот, у меня теперь есть целый жених.

— И кто решился? — заинтересовался Охард.

— Харнис. Выкрал прямо во время произносимой шефом речи.

— Шеф хоть договорить успел?

— Говорит, что да. — Правда, я в искренности его слов слегка сомневалась.

— А Харнис-то жив? — поинтересовался зеленомордый.

— Нет, чтобы спросить, не пострадала ли я!

— Зная тебя, таким вопросом не задаешься, — протянул Охард. — Так жив?

Мне даже обидно стало. Нет, ну я себя в обиду не дам, но не до такой же степени.

И тут открылась дверь. Вошел шеф и засос. Точнее, они вошли вместе. Еще точнее, вошел шеф, а на его шее алел смачный засос.

— Присосалась, — задумчиво проговорил Охард.

Начальство, бросив на него мрачный взгляд, отдало распоряжение:

— Дам в полупрозрачных нарядах в мой дом более не впускать!

— Они опасны — засасывают... — снова вставил зеленомордый.

Шеф бросил на него столь убийственный взгляд, что Охард тут же метнулся за дверь отдавать распоряжение об изменениях в пропускании гостей лорда. А начальство, сотворив лед, приставило его к шее, прошло к моему креслу, буркнуло мне «подвинься» и, едва я встала, уселся на мое место в моем кабинете с видом хозяина, затем Эйн еще и добил:

— Бросила меня на растерзание.

— Леди Йартау бросила?

Хмуρο глянул и уточнил:

— Ты.

То есть мы еще и обиделись.

— Виэль, это невыносимо, — прошипел вдруг шеф.

Затем безглаголиво взяв двумя пальцами листок со стола, продемонстрировал мне мною же написанное расписание. Там значились последовательно: урок словесности, урок экономики, урок политологии, урок ораторского мастерства, урок по управлению персоналом, этика, хронология и история Зандарата, каллиграфия. Занятия начинались с шести утра, заканчивались к четырем, далее был оставлен целый час на обед и личное время шефа, которое он провести должен был по обыкновению со мной, точнее как — шеф сидел и слушал, а я рассказывала, что он собирается делать дальше, потом была встреча с подгорным народом, следом с подснежным, потом с воздушными драконами и все, ничего сложного ведь.

— Виэль, — начальство мрачно глянуло на меня, — как ты думаешь, это нормальный ритм жизни для снежного лорда?

— А что такого? — удивилась я. — Между прочим, ночью вы

полностью свободны.

Изогнул бровь.

— Что? — не поняла я.

Шеф подался ко мне:

— Ночью я сплю, Виэль, без задних ног!

— Серьезно? — Я была искренне удивлена новыми подробностями анатомии снежиков. — Но передние-то, я надеюсь, с вами?

У моего начальства глаза покраснели заметно сильнее.

— Что? — Нет, я положительно лорда Эйна сегодня не понимаю.

— Ничего, Виэль, — практически прорычал он. — Мне просто до крайности любопытно, когда все это закончится?

— Скоро, — честно пообещала я.

Правда, шефу вряд ли понравится то, что начнется, когда это закончится, но зачем его заранее расстраивать...

— И да, — лорд Эйн сурово глянул на меня, — что там с твоей зарплатой?

Этот вопрос я предпочитала отложить до лучших времен, но, видимо, Эйна, как и всегда, такие мелочи интересовали мало. В итоге снежный шеф сурово смотрит на меня, я уклончиво на него. Он на меня. Я на него. Нет, все бы ничего, и я уже даже готова озвучить собственно стоимость своих услуг, вот только по мне так реально момент неподходящий. Но шеф давил авторитетом, не спасло даже появление Охарда, который вошел и остановился возле дверей, — шеф все так же смотрел на меня. Заподозрил он что-то, что ли?!

— Виэль! — Начальство явно требовало ответа.

Ну, надо так надо — отвечу. Только для начала решила расставить приоритеты:

— Вы согласны, что вам со мной безмерно повезло?

— Безмерно — это точно, — согласился лорд Эйн, явно предчувствуя худшее.

— И что я вас практически спасла?!

— Допустим. — Шеф откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди и мрачно на меня воззрился, предчувствуя окончательно плохое.

Да, чуйка у него работает, это точно.

— И? — снова подтолкнул к продолжению беседы о моей заработной плате начальник.

И я решила оправдать его худшие опасения:

— Замок на территории Зандарата, годовое содержание в сто золотых, пока я на вас работаю, и в сорок, когда перестану и...

Повисла пауза. Выдержав ее и наполнив таким образом всю ситуацию драматизмом, я заключила:

— И полное освобождение моего родного королевства от власти Зандарата, его войск, управленцев, наместников... в общем, от всего. И да — все постельные игрушки вернуть домой.

От моей наглости лорд Эйн потерял дар речи, а Охард, пытающийся присесть на стул, грохнулся вместе со стулом. А я что? Между прочим, нормальное требование, я, кстати, его страну спасаю, так что, если он мою спасет, корона с головы не свалится, вот.

Но чуть-чуть решила сгладить:

— Ладно, уговорили, можно девяносто девять золотых вместо ста.

Вот такая я вся щедрая между прочим. И пусть лорд Эйн только попробует не оценить.

Он и оценил — вскинул руки и трижды театрально мне поаплодировал. Выглядело это все несколько оскорбительно, правда, и судя по снежниковскому выражению лица, мне явно собирались отказать, поэтому пришлось сбавить обороты и предложить:

— И я вычеркиваю из вашего расписания урок словесности и урок этики...

Аплодировать перестал, явно задумался.

Затем вопросительно посмотрел, намекая, что неплохо было бы еще что-нибудь вычеркнуть.

— Нет, это уже наглость, лорд Эйн, — не согласилась я.

— Кто бы говорил, — задумчиво протянул мой шеф.

Понимаю, что это был намек на меня, но когда нужно, я вполне успешно умею строить из себя одно сплошное непонимание, так что, честно глядя на начальство, невинно похлопала ресницами.

Лорд Эйн тяжело вздохнул и:

— Ты же понимаешь, что освобождение Геллена...

— Между прочим, я даже не пыталась скрыть, что стоимость моих услуг...

— Которые ты сама мне и навязала!

— Это уже второй вопрос, что касается первого...

— Так, все! — Лорд Эйн вскинул руку, призывая меня к молчанию.

Посидел молча, затем зло произнес:

— Допустим, я выкуплю из рабства всю эту клятую королевскую династию...

Тут я чуть не упала. Нервно сглотнула и хрипло спросила:

— А что, и король жив?

Хмуро глянув на меня, лорд Эйн сообщил:

— Мы не убиваем тех, кто способен держать кирку в руках... Если ты своего короля в лицо помнишь, есть шанс отыскать его в соляных шахтах.

И тут я поняла, что:

— То есть вся королевская династия...

— Обитает в одном из шахтерских городков, — подтвердил мой шеф. — Как только я получу статус сэльда, съездим на окраину, выкупим твоего монарха.

— Выкупим?

На меня посмотрели как на умственно недалекую и раздраженно пояснили:

— Виэль, в Зандарате чтут частную собственность... все, кроме тебя, а ваш король сейчас собственность кого-то из подгорного клана, так что придется выкупать.

Представила себе, как наш король — пухленький коротышка с пивным пузиком и наманикюренными пальчиками — тяжелой киркой долбит серые стены в шахте... чуть со стола не свалилась.

— А он вообще жив? — спросила слабеющим голосом.

Пожав плечами, шеф безразлично ответил:

— Подгорные о своих рабах хорошо заботятся. Так, теперь что касается остальных пунктов твоих завышенных требований... — На меня сурово посмотрели.

Затем сурово посмотрели на Охарда, который устроился у стола на корточках и делал вид, что его тут особо и нет.

— Вон, — приказал ему лорд Эйн.

Зеленомордого как ветром сдуло. А мое снежное начальство, неожиданно потупившись, сообщило:

— Замок у тебя уже есть.

Находясь в непередаваемом шоке после известия о короле, я слабым голосом переспросила:

— Что?

Потом сообщение до меня дошло, я тряхнула головой, пытаюсь вернуться мыслями в нормальное русло, и ответила:

— Нет, шеф, у меня есть два болота, озеро и прудик, ну, в смысле уже практически есть, а вот замка пока нету.

— Виэль, прекрати этот балаган с помолвкой! — неожиданно гневно рявкнул лорд Эйн.

Я даже вздрогнула от неожиданности, но, почти сразу придя в себя, возмущенно полюбопытствовала:

— А что опять не так? Между прочим, из-за вас уже два моих брака не состоялись, имейте совесть и не срывайте одинокой девушке третью попытку наладить личную жизнь.

— Виэль! — На меня раздраженно посмотрели. — Вы из разных биологических видов, Виэль.

— Ничего, разберемся, — заверила я. — Главное, мужик состоятельный, опять же — оценил меня по достоинству.

— Виэль, он относится к отряду икромечущих! — перешел практически на рык мой шеф.

— А я к отряду бисеромечущих вполне могу себя отнести, — заметила философски. — И вообще, шеф, вам пора спать, завтра трудный день.

С этими словами я зевнула и пошла к себе.

Меня проводили напряженным молчанием.

* * *

Я пошла знакомыми переходами, спустилась в подземелье, вошла в свою тюремку, проверила, на месте ли катана, тщательно заперла дверь. Лорд Эйн настоятельно просил переехать уже отсюда, но мне тут как-то было спокойнее, тем более шеф в последнее время нервный какой-то, так что все слуги уже традиционно каждую ночь запирались у себя в подземелье, ну а я у себя.

Хотя вообще, вот только раздевшись и устроившись на постели, в момент, когда веки смыкались, я вдруг подумала — а с чего это прислуга стала ночевать в подвале? Раньше ведь спали по своим мастерским и каморкам, а сейчас что изменилось? Села, протерла глаза, устроилась, подпирая щеку кулаком, и задумалась... Не, серьезно, чего это вся прислуга, бросая на меня укоризненные взгляды, обнимая подушки и одеяла, по ночам спускается в подземелье и запирается?!

Непорядок!

Встав, замоталась в покрывало, ночнушки-то все срамные вконец, и пошла разбираться. Отперла дверь, вышла в коридор и остановилась, удивленно глядя на начальника. Лорд Эйн, в полурасстегнутой рубашке и с бутылкой вина, понурившись сидел на ступенях лестницы, и вид у него был самый разнесчастный.

— Оу, — только и сказала я в первый миг.

Он вздрогнул от неожиданности, поднял голову, удивленно посмотрел на меня. Я на него. Он на меня. Я поправила сползающее покрывало, лорд

Эйн взял и гулко отхлебнул вина прямо из горлышка.

— Обалдеть! — пробормотала я.

Это я от изумления пробормотала, в следующее мгновение у меня голос-то прорезался:

— Я не поняла, это что вы тут делаете?! — возопила, не скрывая возмущения. — Это вообще что такое?! Это у нас оппозиция, день поминутно расписан, времени в обрез, вы нам нужны полным сил и бодрым, а вы, вместо того чтобы спать, заседаете в компании бутылки?! Лорд Эйн, где ваша совесть, гражданская ответственность и страх перед злой мной, в конце концов?! Между прочим, я теперь действительно злая!

Снежный мой шеф после этих слов, вместо того чтобы испугаться, взял и снова выпил.

— То есть мы еще и пьянствуем?! — заорала я.

И тут шеф отставил бутылку, решительно поднялся и мрачно как-то произнес:

— Все, Виэль, нам нужно расставить приоритеты!

Так и знала, что рано мы заговорили об оплате моего бесценного труда, вот реально так и знала! Но сути происходящего это не меняло.

— Марш спать! — скомандовала я начальнику.

Но вместо того, чтобы последовать мудрому приказу мудрой женщины, лорд Эйн вдруг взял и направился ко мне. С очень решительным видом направился. Вконец решительно!

Он категорично прошел по коридору, бесповоротно и не меняя направления, ультимативно подошел ко мне, твердо взялся за края моего постоянно сползающего покрывала и...

И тут в моей родной тюремке раздался звон.

И мне, конечно, очень интересно было, что конкретно собирается расставлять в приоритетах мой решительный шеф, но женское любопытство оказалось сильнее в отношении вопроса — кто ж звонит.

— Момент, — сказала шефу заинтригованная донельзя я.

Вывернувшись из его захвата, промчалась в тюремку, схватила зеркальце и ответила:

— Да!

В зеркальной поверхности отразилась весьма изумленная мордашка Кассиль, той самой, которая являлась главой клана морских драконов. Так вот за время общения с драконами и этой самой, которая в одностороннем порядке решила, что мы теперь лучшие подруги, я уже научилась определять эмоции чешуйчатых не только по отвисшим челюстям. Впрочем, у Кассиль и челюсть отвисла, когда она явно за меня поглядела.

— Что? — спросила я.

— Я помешала... — не спрашивая, а скорее утверждая произнесла драконица. — Наверное, потом с тобой свяжусь... подробности узнаю.

— Какие подробности?

— Интимные, — хихикнула Кассиль и продемонстрировала клыки в улыбке.

Клыки были внушительные, ими я впечатлилась. А вот намеками не очень.

— Кассиль, в чем дело? — потребовала ответа.

Драконица явно собиралась уйти от ответа, но, поразмыслив миг, задумчиво полосуя когтем стену, сообщила:

— Харнис собирает всех глав драконьих кланов.

Я даже не поверила сперва.

— И что, все собираются? — спросила удивленно.

— В сообщении обещание, что будет весело, а мы драконы, — с намеком произнесла Кассиль.

И тут шеф отодвинул меня с траектории видимости зеркалом и задал по-военному четкий вопрос:

— Где?

Кассиль, все так же хитро улыбаясь, ответила:

— Высокий грот.

Мое начальство неожиданно сжало челюсти так, что послышался скрежет. А затем сильно удивило меня своей догадливостью:

— Харнис планирует убить всех глав драконьих кланов.

Кассиль от такого рухнула на свою толстую попу. Я потрясенно воззрилась на снежика. Не удержалась и произнесла:

— Шеф, поверить не могу, вы наконец начали разбираться в политических хитросплетениях?

Мрачно глянув на меня, лорд Эйн отчеканил:

— Это не политика, Виэль, это типично военная тактика. Высокий грот — закрытое помещение, любой достаточно сильный яд в таких условиях убьет даже драконов.

Кассиль тихонечко взвыла.

— 3-з-зачем ему это? — Меня вообще пошатнуло от такого.

Ответ начальства потряс не меньше:

— После убийства всех глав драконьих кланов драконы ожидаемо начнут мстить, и в этой ситуации я, естественно, выступлю на стороне Зандарата, защищая собственную родину от уничтожения.

Вот так расклад.

— На когда назначен сбор? — игнорируя потрясение собственного секретаря, спросил у Кассиль лорд Эйн.

И драконица тихо прошептала:

— Через час...

— Ловко, — только и сказал шеф.

— Почему это? — Я вообще на кровать села.

Эйн пояснил:

— Там нет проложенных ртутных путей. По мнению Харниса, я не успею ничего предпринять, даже если обо всем узнаю.

Впору бы взвыть, как, к примеру, взвыла на заднем плане Кассиль, но я уже хорошо знала начальника, чтобы осторожно подметить сказанное им:

— По мнению Харниса?

Лорд Эйн неожиданно посмотрел на меня. Прямо в глаза. Так посмотрел, что у меня куда-то далеко и разом ухнуло сердце. Это был такой взгляд, что не осталось сомнений — я хочу от него десять детей, не меньше. Я...

— Успею, — уверенно произнес шеф.

«С начальством не спят!» — не так уверенно напомнила себе я.

Но уже в следующий миг лорд Эйн начал отдавать приказы:

— Кассиль, отправьте своих воинов, поставьте лорда Хангара во главе отряда, мне понадобится поддержка. Виэль, свяжитесь со всеми кланами, остановите кого успеете.

После чего развернулся, подхватил свою ритуальную катану с пола и стремительно нас покинул, на ходу поправляя рукава и рубашку.

Ушел — не оглядываясь.

И хорошо, потому что мы с Кассиль обе потрясенно смотрели на него, открыв рты. И вот когда он ушел, драконица с сожалением выдохнула:

— Вот встретить я такого дракона, я бы не задумываясь бросила всех любовников и вышла замуж!

— С начальством не спят, — вслух напомнила я себе.

— Виэль, послушай лучшую подругу — таких мужиков не упускают!

Ничего не ответив, я попрощалась с Кассиль и начала связываться со всеми секретарями глав драконьих кланов. Бесполезно... Все уже вылетели. И все, что я смогла, это рассказать о наших опасениях, так что летучий отряд быстрого реагирования для поддержки лорда Эйна был отправлен от каждого клана.

А мне оставалось только ждать, нервно кусая ногти.

Я ждала шефа. Даже тортиков не хотелось, и вообще есть не хотелось тоже. О том, чтобы лечь спать, не могла и думать.

Собственное бессилие и отсутствие информации добивали.

Надев банный халат, принялась бродить сначала по своей тюрьме, потом по подземелью, в итоге по замку, и как-то совсем для себя неожиданно забрела на третий этаж. В бордель, в общем. Я даже не поняла этого сразу, просто как-то вдруг остановилась перед дверью с надписью «Виэль». Потрясенно перевела взгляд на другую дверь, с надписью «Надин», и даже не знаю почему, пошла туда. Открыла дверь, вошла, не знаю почему, девушка ведь явно спала.

Но я ошиблась. Там, обхватив колени, прямо посреди комнаты, на ковре сидела бледная растрепанная девушка, которая, подняв голову, увидела меня и задала ожидаемый вопрос:

— Ты кто?

А вот следующим был вопрос совершенно неожиданный:

— А ты не знаешь, кто я?

Я пошатнулась. Девушка же, подавшись вперед, продолжила:

— Хотя бы как меня зовут? Ты знаешь, я никак не могу вспомнить свое имя...

Внезапно позади меня открылась дверь. Лично я, находясь в шоке от увиденного, испуганно отшатнулась, но это оказался Охард.

— О, ты тут, а я тебя ищу, — произнес мой зеленокожий жених.

Девушка перевела взгляд на него и пробормотала:

— Нет, я не хочу есть.

Видимо, его она приняла за прислугу... Не удивительно, прислуга же здесь вся с зелеными лицами. А вот ко мне несчастная снова обратилась с вопросом:

— Так имя? Ты знаешь мое имя?

— Надин... — пробормотала я, вспомнив написанное на двери.

— На-дин, — повторила девушка, словно пробуя имя на вкус.

А я потрясенно воззрилась на Охарда. Мой суженый безразлично пожал плечами и произнес:

— Стандартная реакция на долгое отсутствие общения с Эйном — девушки вашего розового вида теряют память. Она после восстановится, разве что без воспоминаний о снежном лорде. Ты чего побледнела?

Я не просто побледнела, у меня был шок.

Как-то за всеми этими событиями я слегка подзабыла, с чего началось мое пребывание в Зандарате. И о роли лорда Эйна в моей жизни тоже подзабыла. Вот прямо сейчас я вообще с трудом вспомнила, с чего решила на шефа работать... Но вспомнила. И о своих внезапно вспыхнувших чувствах, и о желаниях, и о словах снежного лорда о том, какие из человеческих девушек шикарные постельные игрушки получают!

— То есть, — с трудом начала я, — если снежные долго не общаются с этими несчастными... — запнулась, — с подобными мне несчастными, мы теряем память?!

— Да, — спокойно подтвердил Охард.

Меня зашатало.

Жених же совершенно спокойно и абсолютно безразлично по отношению к Надин продолжил:

— Семь дней, и все — они ничего не помнят. А учитывая, что с твоим появлением у Эйна времени на любовные похождения не осталось, тут сорок непомнящих на этом этаже замка. Значит, их продадут.

— Продадут?! — Мне становилось все хуже.

— Ну да, — подтвердил Охард. — Эйна они уже не помнят, зато без памяти влюбятся в следующего снежного и...

Я развернулась и вышла, не дослушав.

Охард вышел вслед за мной, прикрыл дверь, да еще и продолжил:

— Их бы уже продали, но Эйн с них еще своих хранителей не снял, он с этим твоим расписанием про любовниц и не вспоминает.

Даже так!

— То есть фактически продажей даже не лорды занимаются, — догадалась я.

— Конечно, — подтвердил Охард. — Как только лорд теряет интерес к игрушке, ее продают. Эйн, правда, обычно вообще не терял интерес, у него все эти уже давно, он только новых притаскивал, но в общем и целом так.

Это слегка реабилитировало шефа в моих глазах, но в общем и целом...

— И где, говоришь, рынок находится? — мрачно поинтересовалась я.

— В столице, два перехода по ртутным... э-э-э, Виэль, ты же умная девочка, правда?

И еще какая! Жаль, правда, что лорд Эйн катану забрал, зато я знаю, где взять другую!

— Охард, ты вообще в курсе брачной клятвы? — разворачиваясь и торопливо шагая по коридору к лестнице, спросила я.

Жених, догнав, поинтересовался:

— Ты о какой ее части?
— О той, где вместе в печали и бедности.
— Предпочитаю в счастье и богатстве, — возразил он.
— Предпочитай, — милостиво согласилась я. — Ты в замке сэльда бывал, где покои Харниса, знаешь?
И тут мой жених выдал:
— Слушай, тут такое дело, я знаю только, где покои Юалии.
Так как мы спускались с лестницы, я от такого чуть не упала. Остановилась, хмуро глянула на него.
— Что? — спросил Охард.
— Слушай, а ничего, что вы из разных биологических видов? — возмутилась я.
— Ну справлялись как-то, — подтвердил он мои худшие опасения.
Слов нет!
— Та-а-ак. — Пытаюсь не думать о том, что было между моим между прочим женихом и этой селедкиной дочерью. — А у Юалии катана есть?
— Ритуальная? Есть, конечно, отцовская.
— Пойдет, — решила я. — Пошли ко мне, переоденусь.
— Виэль, а что ты задумала? — с подозрением спросил он.
— Патлы сопернице повыдергиваю, — пробормотала зло.
— О, женские бои, — оживился Охард.
Иногда он меня пугает. Но ничего, для дела его энтузиазм очень даже пригодится.
Я молниеносно переоделась, после чего бегом поднялась наверх, где жених уже ждал, вместе мы спустились в ледяной зал, шагнули в нужную лужу.

* * *

Вышагнули в сэльдовском замке, где нас встретила сильно удивленная охрана. И вот несдобровать бы нам, но Охард спокойно произнес:

— К сэльдине.

Снежные в сером нехорошо так прищурились, кое-кто хохотнул на тему: «Только Харнис за порог, эта зеленая морда тут как тут», но нам не препятствовали совершенно. То есть Охарда тут знали, а меня недавно Харнис сам приволакивал, так что нас приняли за разрешенных посетителей, но вот лично меня несколько напряг тот факт, что в ледяном зале так много охраны и все при ритуальных катанах. Хотя... вспомнив о

ситуации, я поняла, что они ждут разъяренного лорда Эйна, который, по их мнению, узнав о гибели глав драконьих кланов, явно примчится в бешенстве убивать Харниса и... ну, в общем, попадет в ловушку. Мерзкий у них план!

— Слушай, а что происходит? — начал догадываться о чем-то Охард.

— Пока еще ничего, — ответила я, целеустремленно шагая за ним, — но вот я сейчас до катаны доберусь, и так много всего происходить станет!

Ему явно было интересно, что именно. Вообще мой жених оказался на редкость любопытным, чем мне и нравился. Ну а еще тем, что знал, куда идти.

Мы прошли через десяток массивных дверей и лестничных переходов, свернули в малозаметный ход явно для прислуги, миновали еще несколько пролетов, после чего Охард открыл неприметную дверь, и мы оказались в спальне.

И мы там были не единственными. То есть даже не единственными помимо Юалии, которая спешно начала прикрываться подушкой. Говоря откровенно, от такого неожиданного поворота, даже Охард едва устоял на ногах, а я так вообще! Потому что в спальне сальдины Зандарата неимоверным образом присутствовал в весьма малоодетом виде ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович. Докерс в общем. Несколько шокированная происходящим, я потрясенно спросила:

— А что вы тут делаете?

Хотя, конечно, вопрос был риторическим. Но все оказалось не так прозаично, потому как Докерс мрачно сообщил:

— Договариваюсь.

— О чем? — Нет, и правда интересно.

— О контроппозиции, — смутился собственно оппозиционер.

— А поконкретнее? — вступил в разговор Охард.

— Дорогой, это не то, о чем ты подумал! — воскликнула Юалия.

— И заодно не то, что ты увидел, — хихикнула я.

А потом вдруг сопоставила — Докерс сейчас контролирует ртутные пути, и тут с Докерсом, скажем так, переговоры ведут.

— Так, — я сглотнула, — а о чем вы тут договариваетесь?!

Глава подгорного народца смутился, глаза отвел. Я, переходя на визг, спросила:

— Вы им сдали под контроль ртутные пути?!

Юалия пискнула и прикрылась заодно второй подушкой. Охард нахмурился. Докерс повел плечом, да и ответил:

— Не то чтобы сдал, просто велено было задержать лорда Эйна, коли

тот... ну вы ж понимаете.

Я поняла, что сейчас этого скально-бугристо-бородатого буду убивать лично!

— Да токмо он не воспользовался, — торопливо продолжил Докерс. — Ну мы ждали-ждали и решили договориться о большем и вот...

— Юалия, вы же из разных биологических видов! — не выдержал Охард.

— Кто бы говорил, — язвительно вставила я. — Катана где?

Жених молча указал пальцем на дверь из спальни.

Ну я и поспешила за катаной. Действительно, обнаружила ее висящей на стене в соседней комнате. Сняла, примерила — потяжелее будет начальниковой, и, видимо, за счет бриллиантов, которыми сияла рукоять. Сделала свое привычное «размахнись рука, разомнись плечо», поняла, что ничего так, справлюсь, и поспешила обратно в спальню.

А там Юалия визжала, сидя на постели, а Охард бил морду Докерсу со словами: «Будешь еще выходить из оппозиции? Будешь, а?» Докерс пытался вставить про: «Больше не буду».

— Драку прекратили, ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович, срочно приведите себя в порядок, нас ждут великие дела.

Не, ну сам виноват, раз такой любвеобильный — будет мне прокладывать новый ртутный путь.

А этот, всклокоченный и помятый, явно ужаснувшись, спросил:

— Что, и с вами придется договариваться?!

После чего Охард вконец озверел и начал его бить уже с приговоркой: «Это моя невеста! Не смей лезть к моей невесте!» Вот — настоящий мужик! Из-за меня еще никто никому морду не бил, приятно даже стало. Все испортила Юалия, взыв уже поднадоевшее:

— Да вы из разных биологических видов!

— Ничего, зато у него есть два болота и одно лесное озеро, а такое богатство на дороге не валяется, — привычно ответила я.

Ну и упоминание о моей будущей собственности привело Охарда во вменяемость, поэтому он перестал бить Докерса, поднялся и прекратил меня задерживать. Потом мы оба помогли Докерсу привести себя в порядок, помахали на прощание Юалии катаной и пошли вершить справедливость.

Когда спустились с катаной и Докерсом, снежные в сером как-то напряглись, но ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович выглядел гордо и невозмутимо, я так вообще держалась молодцом, а Охард гордо стирал с покоцанных кулаков зеленую кровь, так что всем стало ясно —

только что имели место мужские разборки.

— А... — начал было один из охранников.

— Некогда нам разговоры разговаривать, — сурово заявил Докерс.

И мы шагнули в ближайшую лужу. Когда из нее вышли в практически чистом снежном поле, прошли и шагнули в следующую.

Вышли на рынке!

На рынке имелись фрукты, овощи, мясо разных цветов, рыба всяческого вида и розовые рабы. То есть все человеческой расы. И да — все женского малоодетого полу.

Рабские ряды располагались между рыбными и фруктовыми, были отделены толстыми железными решетками, увлажнены горькими девчоночьими слезами, украшены розовыми атласными бантиками и совершенно безснежниковские.

— Ночь же, — объяснил мне Охард, — лорды ранее полудня рабынь не покупают.

— Повезло им, — совершенно серьезно сказала я.

— Это точно, — покосившись на нас с катаной, пробормотал Докерс.

Тут к нам бочком приблизился зеленомордый и, окинув меня оценивающим взглядом, поинтересовался:

— Сколько?

Зря он так, особенно если учесть, что:

— Кажется, я голодная, — заявила задумчиво.

Охард от меня отшатнулся, Докерс последовал его примеру, зеленомордый ничего не понял, а я... ну да, да — «размахнись рука, разомнись плечо»! Ох и разошлась же я.

* * *

Утром я, зеркало и шубка сидели на ступенях в ледяном зале с лужами и ждали шефа. Нервно ждали. В зеркале отражалась Кассиль, которая тоже ждала. А еще на связи ждали все секретари глав драконьих кланов, и драконицы тихо переговаривались между собой, обсуждая, у кого сколько дракончиков, предстоящее свадебное торжество в клане речных, какие-то болезни дракончиковых зубов и да — как лечить ушки у нововылупившихся. Я практически не слушала, потому что извелась вся от нетерпения — лорда Эйна все не было.

Положа руку на сердце, больше всего я переживала именно за него — жив ли, не отравился ли ядом, не попал ли в ловушку Харниса. Нет, шеф у

меня молоток, настоящий воин и все такое, но он же благородный весь, честный такой, а Харнис змеюка еще та и на подлости очень даже горазд, а шеф он... он... Да где же он уже!

Хуже всего оказалось то, что, по словам Докерса, там, в Высоком гроте, находилось свыше пяти тысяч сторонников Харниса. Пять тысяч против одного моего шефа. И пусть начальник воин, пусть силен настолько, что льды практически назначили его следующим сэльдом, но он же совсем один... Нет, теоретически там еще боевые драконьи отряды, но что будет по факту...

Где-то что-то громынуло.

Это было не в ледяном зале, скорее снаружи.

Я подскочила. Дворецкий лорда Эйна, который, как оказалось, стоял в нише на верхнем пролете и беззастенчиво за мной приглядывал, замер на миг, а затем решительно пошел куда-то. Я, не теряясь, подскочила и ринулась за ним. Оказалось, что у замка начальника имелся еще и парадный вход, вот к нему и поспешил дворецкий. И к моему появлению из огромной сферической залы уже были распахнуты овальные двустворчатые двери, за которыми простиралась безграничная снежная степь и...

И в луже крови лежал мой шеф.

В какой-то потрясенно-застывший миг кто-то истошно закричал! Внезапно поняла, что ору я. Точнее как поняла — просто крик на миг прекратился, когда я, ломанувшаяся к шефу, поскользнулась и рухнула в снег. Тут же подскочила, помчалась снова, теряя зеркало, шубу, туфли.

Добежала до него, упала на колени, с трудом перевернула и завывала, увидев рваную рану на груди, проглядывавшую через развороченную клинком одежду снежного лорда. Взгляд скользнул на ножны Эйна — там имелся лишь обломок моей родной и любимой катаны... только обломок...

— Врача! — закричала я, обхватывая ладонями стремительно синее лицо шефа. — Врача, немедленно! И носилки!

Внезапно на мои плечи легла шуба. Вздогнув, недоуменно обернулась — надо мной стоял Охард. Мой жених был необычно бледен, почему-то бросилось в глаза, что у дверей, не выходя наружу, мнется вся прислуга, застыл потрясенным изваянием дворецкий и никто ничего не делает.

— Виэль, — тихо произнес Охард, — Виэль, это все. Катана сломана. Он умирает. Точнее, умирает разумная часть. Сам лорд Эйн сейчас обернется бураном, уже даже без зачатков разума. Нужно вернуться в замок и спрятаться. И молиться, чтобы выдержали стены.

— Что? — начиная дрожать от холода, спросила я.

Охард присел рядом, взял меня за плечи и как маленькой начал

объяснять:

— Смотри, кровь уже практически не идет. Он почти мертв. Все, Виэль, ему уже никто не поможет, сейчас его внутренняя суть порвет человеческую оболочку. Это конец, Виэль. Конец, понимаешь? Мне очень жаль, но мы ничего не можем сделать. Идем.

У меня как молотом в висках звучали слова «Он почти мертв... Это конец... Мы ничего не можем сделать...»

Яглянула на Охарда.

Потом на шефа... Он был синевато-белым, не двигался, и да, кровь практически перестала идти, но это и не удивительно — здесь, в вечном холоде, температура была к кровообращению не располагающая. И я внезапно тоже поняла, что это все!

Действительно все...

И похоже, что страдать я долго не буду — забуду все уже через семь дней и даже не вспомню про Эйна. Я посмотрела на бледное лицо шефа, на его страшненькие черты лица, на бледный с посиневшими крыльями нос, на кривые губы... Да, красавчиком лорд Эйн не был, больше того скажу — до красавчика ему ехать и ехать, но это — мой родной шеф. Мой.

А за свое Виэль Мастерс будет бороться до конца!

— В общем так, ты за руки, я за ноги и потащили, — скомандовала я Охарду.

Но мой умный и достойный уважения жених подскочил и возмущенно сказал:

— Виэль, ты меня хоть слышала? У него сейчас вторая фаза смерти начнется, он тут будет все крушить, он...

— Стоп, — перебила я, хватаясь за ноги начальства, — а если в мою тюрьму?

Охард глянул на меня, плюнул — плевок на снег уже сосулькой упал, крикнул и подхватил Эйна подмышки. Я уже держала ноги — так и поволокли. Шеф оказался на редкость тяжелым, хотя внешне худощавый конкретно. Глядя на наши действия, прислуга взвыла и ринулась спасаться в недрах замка, но вот дворецкий, тоже чертыхнувшись, пошел к нам. И Докерс, который был в замке, тоже пошел. Так вчетвером мы втащили лорда Эйна в прихожую, оттуда пронесли вниз, в мою комнату с решеткой, и уложили на постель. Здесь выяснилось, что кровь все еще идет. А еще, что меня трясет от холода.

— Нужно уходить, — произнес молчавший до этой минуты дворецкий. — Он сейчас обратится и...

Я скинула шубу, хотя замерзла неимоверно, поискала глазами катану

сальдовскую, я ее по привычке притащила, нашла ее в углу, подхватила и начав кромсать простынь, приказала:

— Спирт мне. Вина... тоже мне. Бинты! Здесь врач вообще есть?

— Снежных не лечат, — сообщил Охард.

— Ничего, вылечим, — решительно заявила я. — И еще мне иголки с шелковыми нитками! И быстро!

Я не скажу, что это было легко. Во-первых, все ушли. Охард требовал, чтобы я тоже ушла, но я демонстративно заперла свою тюрьму и осталась с медленно холодеющим шефом. Холодеющим настолько, что изморозь по простыням стелилась. Во-вторых, хорошо, что все ушли, потому что, промывая жуткую рану на холодном теле снежного лорда, я ревела и, кажется, даже подвывала. В-третьих, когда все принесли и через решетку подвинули, я взялась эту жуткую рану зашивать — у меня тряслись руки. И руки, и подбородок, и слезы лились и мешали. Я вытирала их рукавом и продолжала шить. Это было страшно. Потом я забинтовала шефа, хотя это было непросто. Потом в ванной мыла руки, смывая красную кровь, и плакала.

Плакала, когда вернулась, а шеф практически бездыханный лежал на окровавленной постели. И в помещении становилось все холоднее.

Я подумала и решила, что это ненормально, взяла спирт, растерла ладони шефа — вроде потеплели. Подумала, растерла шею и живот, где могла достать. Подумала, что такими темпами надо бы его всего растереть, а для этого надо было срезать остатки одежды.

Пошла взяла катану, подошла к шефу и хотела разрезать рукав рубашки, как вдруг:

— Дай мне, — раздалось тихое.

Я даже не знаю, как я это услышала. Прозвучало практически порывом ветра. Но я подчинилась, не особо задумываясь, просто вложила в его хорошо растертую и пахнущую спиртом ладонь рукоять катаны, а он неожиданно крепко сжал.

И следующим было:

— Беги отсюда...

Я рванула быстрее ветра. Отперла дверь, выскочила в коридор, заперла двери и услышала:

— Ты в безопасности?

— Да, шеф, — сжимая ключ и отступая, пробормотала в ответ.

Случившееся дальше мне описать сложно. Для начала сверкнул разряд молнии, да такой, что у меня волосы встали дыбом, затем гроыхнул гром, но еще до того, как он стих, раздался вой ветра. И все, что было за

решеткой, в краткий миг превратилось в обломки, щепки и осколки, которые, смешавшись со снегом, закружились в смерче, каковой образовался в моей тюрьме. Затем по стенам пошли трещины... Ходуном заходил весь замок, а я... я увидела бутылку вина, которая выкатилась в самом начале буйства запертой стихии, молча взяла ее, кое-как пригладила вздыбившиеся волосы, села под стеночкой и, откупорив вино, сделала глоток.

Стихия бушевала, сверкнули еще два разряда молнии — мои волосы окончательно встали дыбом.

Отметила это еще одним глотком.

Все гремело часа два. К концу бури я была облеплена снегом, прическа моя оставляла желать лучшего, бутылка вина подошла к концу, я сидела в сугробе, и мне почему-то даже не было особо холодно... видимо из-за вина.

А потом все взяло и стихло.

Я попыталась сделать еще глоток вина, но из бутылки уже ничего не лилось. А напротив меня, за решеткой, на ледяном кресле, будто сотканшемся из холодного воздуха, сидел лорд Эйн, соединив пальцы рук и пристально глядя на своего секретаря. Очень пристально и явно осуждая мое пьянство. На коленях у шефа лежала катана... но теперь она была вся бриллиантовая, словно из одного кристалла сотворенная, и только рукоять и по самому клинку, ну, по тупой его части, — кромка железа. Необычно очень, но красиво. А вот шеф, он красивым не был, он стал такой, как прежде, разве что до пояса обнаженный, и потому был отчетливо виден шрам на груди и стежки, ну, где я шефа зашивала. Стежки, кстати, теперь надо распарывать и нитку вынимать.

— Я — сэлд, — неожиданно произнес шеф.

— Поздравляю, — промямлила я, заваливаясь в сугроб.

Все, мои нервы сдали, я не спала столько времени и, кажется, напилась. Но стоило уткнуться лицом в снег, как мне пришла странная мысль в голову — а чего это я тут должна спать, если у меня кровать есть?! Поднялась, не с первого раза, но поднялась, подошла к двери, отперла... тоже не с первого раза, вошла, остановилась, пошатываясь... Ну, что сказать, кровати у меня уже не было. Зато имелась масса негодных перекрученных кусков железа и щепок, годных на растопку, под устилавшим все снегом. И еще масса тряпочек — вот они как раз поверх снежного настила устроились. Также имелся поднявшийся при моем вошестве в тюрьму шеф. И отложенная им катана. И несколько сделанных ко мне шагов. И неожиданно теплое прикосновение к моей щеке. И потрясенное:

— Ты меня не бросила, Виэль.

— Естественно, не бросила, шеф, — пробормотала я, опять же покачиваясь, — вы мне еще услуги секретаря не оплатили, и в целом...

В следующий миг я вдруг неожиданно поняла, что жениха у меня опять нету. Вот нету, и все. И пруда с двумя болотами и одним лесным озером нет тоже. И планов на будущее с Охардом уже нет. И вообще ничего нет, кроме одной сплошной ледяной невероятности по имени лорд Эйн, которая целуется так, словно для него тоже больше нет совсем ничего в целой вселенной, кроме собственно его почетного секретаря.

Или мне все это приснилось, потому как неожиданно кто-то отключился и этим кем-то была я.

* * *

Утро началось странно. Охард принес мне чашечку чая, разбудив тем самым, и пока я оглядывалась вокруг, недоумевая по поводу того, что это я делаю в личных покоях лорда Эйна, которые все еще хранили следы моего незабвенного увеличения его имущества, печально повторил уже привычное:

— Виэль, мы из разных биологических видов.

— И в чем проблема? — не поняла я.

— В Эйне, — отводя взгляд, признался Охард.

— Тебе нравится Эйн и ты бросаешь меня из-за него?! — Я чуть не подавилась.

Бросив на меня осуждающий взгляд, зеленокожий объяснил:

— Или я принимаю как факт, что мы из разных биологических видов, или лорд Эйн лично позаботится о том, чтобы я его принял. Лично и крайне болезненно для меня.

Я ничего опять не поняла. Отхлебнула чая, удивилась тому, что у меня, кажется, дыбом стоят волосы, от чего их неожиданно много, и произнесла:

— Слушай, ну с Юалией же ты как-то справлялся...

— Ты, главное, Эйну этого не говори! — воскликнул, подсказывая, Охард. — А то он мне не просто про разницу биологических видов расскажет, но еще и инструмента размножения лишит.

— Из-за Юалии? Нет, не переживай, он ее давно не любит, — поспешила я утешить жениха.

И почему-то вдруг подумала, что бывшего жениха... Странно, откуда такая мысль вообще взялась, но вот внутри где-то была стопроцентная

уверенность, что бывшего... Хм.

— Где Эйн? — спросила, внутренне напрягшись.

— Занимается согласно расписанию, — сообщил Охард.

— А, ладно. — Я поспешила подняться и привести себя в порядок.

Хотя какой порядок... Внезапно вспомнилось, как все мои платья ровным слоем неровно порванных тряпочек устилали снег в тюрьме. Черт!

— Так, по текущим делам... Лорд Эйн просил передать, что придушит тебя сразу после урока экономики. Портные — что новый гардероб твой уже готов. Главный повар — что завтрак ожидает леди Виэль. Информатор — что свежие газеты в твоём кабинете на столе. Леди Кассиль звонила, интересовалась новостями... Мм-м, вроде пока все, — отчитался Охард.

Первый вопрос, который я задала, был:

— А где мои платья?

— В гардеробной лорда Эйна, — глядя на меня как-то странно, сообщил зеленокожий.

Прошла в уже знакомую гардеробную, обнаружила свежешитые для меня платья, туфли и все остальное. Торопливо оделась, отыскала расческу, начала попытки справиться с дыбовыми волосами и задала следующий по степени важности вопрос:

— За что шеф собрался меня придушивать?

— Ну так за увеличение его гарема в десять раз.

Ну да, тут небольшой косяк вышел — в каждой комнате наверху теперь по десять девушек жило, ну а куда прикажете мне девать почти четыреста девиц со сложностями в воспоминаниях о собственной жизни? Между прочим, им нужна реабилитация, хорошее питание и все такое — а кто о них позаботится кроме прислуги лорда Эйна? Вот и я думаю, что никто.

— Злой жутко был, — продолжал вводить меня в курс дела Охард.

Ничего, разберемся.

Позавтракав в компании Охарда, Докерса и дворецкого, я в конце трапезы спросила:

— А чего все молчаливые такие?

Молчаливые хмуро глянули на меня, после слово взял ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович:

— В Зандарате траур, — сказал он.

— По поводу? — сказала я, откусывая от бутерброда.

Подлый и коварный предводитель подгорного народа сразу отвечать не стал, дождался, гад, пока я возьмусь чай пить, и вот тогда:

— По лорду Эйну!

Естественно, я подавилась! И чаем облилась! И вообще чуть со стула не упала.

— Охард, — потрясенно глянула на жениха... бывшего жениха... короче, пока не разберусь, все еще жениха, — ты же сказал, что он жив! Ты...

Тут дверь открылась и вошел лорд Эйн.

Аж от сердца отлегло!

— Хух, — сказала я и протянула Охарду чашку, чтобы он мне чай налил, взамен расплесканного.

Сделав глоток чаю, я повернулась к шефу и требовательно спросила:

— Лорд Эйн, а что вы тут делаете? У вас что, уроки закончились? Или в принципе заняться нечем? Где ваше расписание?

У начальника, вошедшего с нормальным снежным цветом глаз, эти самые глаза неожиданно начали краснеть. И вот мог бы промолчать, но нет же:

— Виэль, как же ты меня бесишь! — отчеканил шеф.

— Кто, если не я, — заявила, поднимаясь. — Так, я тут вспомнила о вчерашнем и таки да — у вас перерыв ровно на то время, пока вы мне все не расскажете. К слову, Харнис жив?

Лорд Эйн промолчал, Докерс мрачно сообщил:

— Жив, празднует победу над Эйном и готовит коронацию Юалии.

От обилия информации у меня случился некоторый ступор, зато высказался начальник:

— Пусть коронует — Юалия достойная сэльдина, всего одна порочащая связь с Харнисом несущественна.

Тут разом закашлялись подавившиеся чаем Охард и Докерс. Я бы тоже от такого подавилась, просто умненькая я не пила больше, даже чашку отставила от греха подальше. И вот потом до меня неожиданно дошло:

— Вы собираетесь оставить Юалию сэльдиной?!

До шефа дошло другое:

— Охард, ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович, у вас что, была связь с Юалией?!

До Охарда тоже что-то дошло:

— Ну, по крайней мере, она вполне себе сможет трудиться над объединением всех рас Зандарата, даже тех, у кого разные биологические виды.

Ну и Докерс вставил:

— Переговоры вести, к примеру.

Шеф посмотрел на меня, я на шефа, кивнула, подтверждая все его

самые худшие предположения. Он в ужасе глянул на Охарда, после на Докерса, снова потрясенно-вопросительно на меня, и да, я таки кивнула, мол, и с этим, и с тем, и вообще она такая.

— Что ж, — шеф стоически воспринял информацию, — мне тогда нужна другая селедка... в смысле сэльдина. Кстати, Виэль, что такое селедка?

Это просто я при шефе пару раз насчет старого сэльда обмолвилась, вот он и запомнил.

— Это такая соленая, вонючая, но жутко вкусная рыба, — пояснила я.

На меня посмотрели все. Недоверчиво. И странно.

А я вот на шефа, потому что неожиданно вспомнилось его вчерашнее «Я сэльд». И вот я на него смотрю, остальные не знаю куда, потому что я на шефа. А лорд Эйн, в ответ на мой вопросительный взгляд, вдруг хитро улыбнулся и сказал:

— Ну я пошел, у меня урок словесности.

Развернулся и пошел.

— Э-э-э! — Я подскочила так, что чуть со стула не упала. — К-куда? А мне все рассказать? Между прочим, нельзя игнорировать своего почетного секретаря! Лорд Эйн! Шеф! Да стойте же!

И я бросилась следом, ибо любопытство лучший ускоритель на свете.

Но сделала я это совершенно напрасно, потому как за поворотом обнаружился вставший столбом от ступора мой шеф и совершенно практически обнаженная дева. Точнее как обнаженная, нечто абсолютно прозрачное и летящее, в чем я заподозрила сорванный с окна тюль, слегка заменяло ей одежду, хотя, собственно, ничего не скрывало. Дева была светло-рыжая, с волнистыми локонами до полупопий, огромными черными глазами, подведенными алым губами и улыбкой, демонстрирующей, что деве есть еще чем удивить, хотя лично я даже представить не могу, чем.

Дева, узревшая мое начальство и проигнорировавшая свое спасение, то есть спасительницу, то есть собственно меня, шагнула, покачивая бедрами, к снежику и проворковала томным голосом:

— Лорд Эйн, мой господин, я...

— Виэль! — рявкнул шеф, беспардонно прервав распутницу.

Я лично не нашла ничего лучше, чем развернуться и попытаться дать деру.

— Виэль, стоять! — пришло в неистовство начальство. — А ну-ка идите-ка сюда, леди почетный секретарь, и соизвольте мне объяснить, что вот это вот такое?

Нет, я честно собиралась сбежать, но после его вопроса делом чести

стало вернуться и гордо сообщить:

— Лорд Эйн, это женщина.

Глазки у шефа покраснели значительно сильнее, и он произнес ледяным тоном:

— Это не просто женщина, Виэль, это голая женщина.

Вот тут я с ним была категорически не согласна.

— С объективной точки зрения она одета, лорд Эйн, — сообщила начальству.

— А с субъективной — сорванный с окна тюль одеждой не является!

Надо же, шеф и в тканях разбирается.

— Но если смотреть объективно... — продолжала упорствовать я.

Все мои упорствования шеф оборвал злым:

— Если смотреть объективно, Виэль, то у меня наверху табун полуодетых женщин численностью в более чем четыреста голов!

Да, это мой косяк, но я в этом никогда не признаюсь, а потому, глядя на шефа большими честными глазами, доверительно сообщила:

— Это все ваша новая катана.

Шеф очень выразительно на меня посмотрел. Сразу стало ясно, что не поверил. Пришлось выкручиваться:

— Я просто как взяла ее, так у меня сразу увеличительный инстинкт сработал, и я была вынуждена увеличить ваше имущество. О вас же забочусь, шеф.

Лорд Эйн хотел было что-то сказать, но психанул и пошел прочь, едва не снеся обнаженную деву, томно взирающую на снежного. К слову, томный взгляд исчез вместе с объектом томления, дева презрительно оглядела меня и заявила:

— Место любимой наложницы мое. Хочешь жить — не лезь!

Смелая какая.

Где моя катана? Хотя зачем мне катана?

— Охард! — завопила я.

Жених явился в то же мгновение, встал рядом со мной, плотоядно разглядывая обнаженную деву, а еще жених называется.

— Убрал бы ты ее, а? — попросила я жалобно. — И еще, там на третьем этаже желательно какие-никакие двери установить и охрану поставить, чтобы эти прелести по замку не разгуливали, а то занавески жалко же.

— Какие... прелести, — пробормотал Охард.

Прелести скуksились и важно заявили зеленомордому:

— Милок, мы из разных биологических видов.

— Да быть не-может! — фальшиво изумился мой жених и пошел вразвалочку к прелестям. — Так-таки и из разных?

— Так-таки и да. — Хотя прелести были в этом уже не очень уверены.

— Ты знаешь, — подходя к даме вплотную и нежно приобнимая ее за талию, промурлыкал Охард, — я думаю, в этом деле пока не попробуешь — не узнаешь. А у меня, к слову, внушительное состояние имеется.

— Правда?! — мгновенно загорелась идеей дева.

И они ушли экспериментировать, свернув к лестнице, ведущей на третий этаж. Только вот где они там место без свидетелей найдут, тот еще вопрос. Впрочем, это совершенно не важно.

— Лорд Эйн, — заорала я, срываясь на бег в поисках руководства.

Руководство обнаружилось в учебном классе прослушивающим лекцию по ораторскому искусству. Преподаватель стоял за кафедрой и вещал хорошо поставленным голосом, объясняя про значимость первой и последней фразы в выступлении, намекая на малозначимость середины, которую обычно пропускает сознание слушателей, а лорд Эйн внимал, сидя в кресле напротив кафедры и изображая сосредоточенность усердного ученика.

И вот он тут учится, понимаешь, а там между прочим:

— Там Харнис сегодня Юалию коронует! — возмущенно напомнила я.

Преподаватель умолк и недовольно глянул на меня, шеф же, не поворачивая головы и даже не одарив личного секретаря и взглядом, меланхолично произнес:

— Пусть коронует. Продолжайте, уважаемый Намид.

Уважаемый зло глянул на меня и уже хотел было открыть рот, как я, совершенно игнорируя его присутствие, прошла и встала перед лордом Эйном, сложив руки на груди. Шеф вопросительно воззрился на меня, не скрывая совершеннейшего безразличия во взгляде, и пришлось озвучить вслух:

— А как же оппозиция?

— Оппозиция теперь не существенна, — отозвался начальник и попросил: — Отойди, лекция действительно вызывает интерес.

Естественно, я никуда уходить не собиралась, я замогильным голосом переспросила:

— Что значит «оппозиция теперь не существенна»? А как же подгорный народ? Как же драконы? Как же все члены нашей организации?! В конце концов, а как же я?

И тут лорд Эйн улыбнулся. Это была странная загадочно-лукавая полуулыбка, которая сделала его лицо каким-то невероятно

притягательным, у меня даже дыхание перехватило.

— Виэль, — проникновенно начал снежный лорд, — ты помнишь вчерашние события?

Нахмутив лоб, была вынуждена признать:

— Смутно.

— Смутно? — переспросил мой шеф.

Кивнула.

Призадумалась и тут же добавила:

— Но точно помню, что вы мне ничего не рассказали!

Полуулыбка стала улыбкой. Такой теплой, доброй, полной неопишуемой нежности. Лорд Эйн смотрел на меня как на ребенка, неразумного, но безмерно забавного и любимого. Почему-то я покраснела. Мой начальник протянул руку и, едва я подошла ближе, коснулся моей ладони, переплел наши пальцы и проникновенно спросил:

— Хочешь на коронацию Юалии?

— Не хочу, чтобы ее короновали, если честно, — ответила, откровенно млея от прикосновения снежного лорда.

Эйн усмехнулся и прошептал так, что я скорее по губам прочитала:

— Не коронуют, льды принимают лишь достойных.

Смысл слов до меня не особо дошел, потому как я... засмотрелась на губы собственного шефа. Почему-то перед глазами промелькнуло смутное воспоминание о жарком поцелуе, когда ледяные прикосновения опаляли словно огонь, пробуждая тот же огонь в моей крови...

— Память проснулась? — ехидно поинтересовался лорд Эйн.

Судя по блеску в глазах, кто-то явно торжествовал, я же, откровенно бледнея, припомнила и парочку собственных стонов, когда это снежное чудовище сжало меня в объятиях и ух какие это были объятия.

— Т-т-так, — с трудом выговорила я. — Это все, конечно, очаровательно... просто у меня профессиональная этика и все такое, в общем, для начала следует разобраться с делами.

— С какими? — лениво поинтересовался шеф.

А заметив мой возмущенный взгляд, сообщил:

— Виэль, я сэльд, коронованный льдами, это честь, которая не оказывалась пяти поколениям сэльдов до меня. Все, мы победили, так что оппозиция больше не существенна. Что касается драконов, после того, как я фактически отдал жизнь, спасая их повелителей, бездумно сунувшихся в ловушку Харниса, преданность кланов мне обеспечена.

Стою, перевариваю.

Затем осторожно интересуюсь:

— А как насчет остальных народов Зандарата?

Лорд Эйн взглянул на меня как-то с ухмылочкой, после чего протянул руку... по полу в направлении его движения зазмеился морозный узор, изморозь льдом взвилась вверх и образовала сверкающий ледяной с голубым отливом распустившийся цветок в мой рост размером. Мы так и застыли — я и цветок. Переглянулись. Точнее, я на цветок глянула, а с него мое же искаженное отражение на меня.

После чего лично я уставилась на шефа. Шеф на меня.

— Здорово, — севшим голосом произнесла. Откашлялась. — Ну, в случае чего сможете подрабатывать скульптором, так что в вашей обеспеченной старости я уверена; теперь, если можно, давайте перейдем к делам насущным, и вы мне, наконец, объясните, чего нам с остальными народами делать.

Слегка склонив голову, Эйн насмешливо посмотрел на меня.

— Это не ответ, — заметила, начав ощутимо злиться.

И тут молчавший профессор, чью лекцию я и прервала, осторожно откашлявшись, произнес:

— Леди Виэль, его льдейшество вам только что продемонстрировал мощь своего дара великого сэльда, показав тем самым, что все, кто ходит по снегу и льдам, отныне в его полной власти и подчинении.

Снежок кивнул и рукой повел, мол, вот, слушай, что тебе умные люди говорят.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами и... не могла ни во что поверить.

— Осталось разобраться всего с одной проблемой, — улыбнулся шеф.

— Да если бы... — Я пыталась осознать масштаб произошедшего.

Ну и для этого, естественно, решила уточнить:

— Так вы теперь сэльд?

— Да, Виэль, — терпеливо подтвердило начальство.

— Сместить, признать ваше назначение незаконным, свергнуть вас можно? — Это все еще я с уточняющими вопросами.

— Нет. — Шеф, как всегда, был краток.

— Леди Виэль, — вновь подал голос профессор, — льды куют историю Зандарата; еще семь суток — и восстановится храм на озере Спящих Предков, и тогда содрогнутся горы, прогремят великие грозы и расцветет снежная пустошь!

Кто-то с дуба рухнул? В смысле с сугроба?

Посмотрела на шефа — шеф был похвально спокоен и уверен в себе.

Я же опять-таки вернулась к уточнениям:

— То есть всем все станет ясно только через семь суток?

Лорд Эйн даже не кивал, просто улыбнулся. Но сразу стало ясно, что да.

— А сегодня, — продолжаю, — стараниями Харниса все искренне убеждены, что вы сгинули и вас больше нет?

— Да.

Ух!

— А коронация Юалии? — вспомнив, спросила я.

Загадочная улыбка и повторно тихое:

— Льды принимают лишь достойных.

И, собственно, на этом все. Я ждала-ждала продолжения и не дождалась.

Задала следующий вопрос:

— А что там за последняя проблема, которую решить нужно?

Шеф взял и выразительно указал пальцем наверх — там, кстати, как раз слышались звуки нарастающего и, судя по визгу, явно женского сражения. За Охарда воюют или как? В любом случае, обсуждать этот вопрос с шефом я сейчас была не намерена, а девчонкам все равно надо где-то пересидеть, чтобы у них зависимость от снежных прошла, так что...

— Ну вы занимайтесь, не мешаю. — И я попыталась смыться.

Изморозь, стелясь по полу, обогнала, и перед дверью возникла фигура шефа.

— Хорошая скульптурка, — похвалила я, — черты очень выразительные, опять же реализм во всей красе. Здорово у вас получилось, да. А у меня работы столько, ой, столько работы...

И, обогнув ледяную фигуру, я таки открыла дверь, вышла в коридор.

Вслед мне полетел неожиданный вопрос:

— Виэль, Охард говорил с тобой?

— О чем? — заинтересовалась я, придерживая створку и заглядывая в учебный класс.

Ледяная скульптура испарилась, а вот цветок все так же искрился посреди кабинета. Шеф, сидящий вполоборота ко мне, слегка иронично улыбнулся и произнес:

— О том, что вы из разных биологических видов.

О чем-то таком вроде как речь шла, но тут столько новой информации, что не разберешься, в любом случае, сочла своим долгом заметить:

— Как будущему правителю, вам просто необходимо проявлять больше терпимости к иным расам, в конце концов, в Зандарате толерантность в моде.

После моих слов улыбка шефа несколько померкла, я же, изобразив книксен, торопливо закрыла дверь. Постояла в коридоре.

Подумала.

Поразмыслила.

Раскинула мозгами.

Прикинула в уме.

И совершенно определенно поняла, что я не могу это пропустить!

Серьезно не могу. Никоим образом.

Так что с воплем: «Охард, бросай прелести и топай ко мне!» я помчалась за женихом.

* * *

Через пятнадцать минут, не больше, и то потому, что Топорович свою жиденюкую бороденку слишком долго укладывал, мы все стояли у лужи в приемно-лужевом зале. Мы — это я и Охард, которые, собственно, изначально мною планировались, а вот незапланированных тут было ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович, практически вся прислуга, сделавшая вид, что всем надо в столицу по срочным делам, типа как бы: «Ах, а вы во дворец? Ну ничего, нам и через тудой можно!» Догадываюсь, что «тудой» их маршрут и ограничится. Помимо слуг все преподы также были здесь. И даже дворецкий. Охрана тоже хотела с нами, но охране было нельзя, поэтому она тяжело и завистливо вздыхала, явно действуя мне на нервы и ожидая, что я сжалюсь и мы их тоже возьмем с собой. Не возьмем! Кто мне будет шефа охранять?!

— Ну, все собрались? — нервно спросила я.

Все радостно загалдели. Все были в своих лучших нарядах, счастливые такие и с маленькими зеркальцами.

Ну почти все. Потому как от лестницы ко мне бежал второй секретарь Допун со стандартным зеркальцем на ручке. Примчался, едва не поскользнувшись, вручил зеркало мне. Со сверкающей глади на меня взирала печальная морда Кассиль. Драконица вся была в белом. То есть на ее голове была белая лента, и на шее белая снежинка на ленточке, тоже белой, но с перламутровой каймой.

— Он всегда будет льдом в наших сердцах, — произнесла с торжественной грустью драконица.

— Кто? — не поняла я.

На меня возмущенно взглянули, но тут же всхлипнули, и Кассиль

пробормотала:

— Не представляю, как тебе больно потерять любимого и даже не признаться ему в своей любви! Что может быть хуже?! — И она зарыдала.

— Да ничего, нормально. — Я посмотрела на Охарда, Охард так же непонимающе на меня.

Кассиль взвыла, затем утерла лапкой слезы и трагическим шепотом произнесла:

— Наши говорят, он умирать там в гроте не пожелал, поднялся с трудом, а как поднялся, никто и не понял, где вообще силы только взял, — всхлипнула. — Его предлагали унести на облака, воздушные никому никогда такую честь не оказывали, но он своими синими губами, весь кровью же истек, с трудом выговорил: «Смерть ради спасения крылатого народа — великая смерть, я горд, что мне выпала столь достойная награда. И я благодарен за предложение совершить последний вдох в воздушных чертогах, это великая честь, но я хочу увидеть Виэль в последний раз»... — Она заливалась слезами, а я стояла, вообще ничего не понимая.

— И он умчался, обратившись бураном! — завывая, воскликнула драконица. — И теряя кровь... последние капли крови! О-о-о, какая смерть!

Теперь она рыдала так, что сталактиты и сталагмиты, имеющиеся в пещере, опасно задрожали. Ну сталагмиты это мелочи, там просто все подальше отошли, а вот если сталактиты начнут с потолка сыпаться, это уже совсем не весело.

— К-Кассиль, — нервно позвала я. — Кассиль, да прекрати же ты!

Но драконица, рыдая, проговорила на вдохе:

— Воздушные незримо сопровождали героя, и когда ты к нему выбежала, с чувством выполненного долга понесли весть о смерти всему Зандарату. Такой герой! Такой мужчина! И подставился он, защищая нас, а Харнис, Харнис, он в спину — у-у-у... Его бы там разорвали бы на куски, подонка, а Э-э-эйн запрети-и-и-ил... Эйн... ы-ы-ы-у-у-у...

Где-то в глубине пещеры таки рухнуло скопление сталактитов. Грохот вышел знатный. Опасаясь больше того, что шеф засечет наше всеобщее бегство из замка, чем гибели под падающими многометровыми сталактитами, я рывкнула:

— Он жив!

— Да-а-а, — втрое громче зарыдала Кассиль. — Жи-и-и-ив, мерзавец подлый, чтобы ему снежные грибы под кожей заполучить, уроду-у-у-у...

Да что ж так печально все, а?

— А чего он Харниса резать запретил? — заинтересовалась я.

Кассиль вытерла слезы, всхлипнула и уже нормальным голосом ответила:

— Потому как, кроме Харниса и Юалии, больше Зандаратом править некому. Поэтому Эйн его и не убил, представляешь?

Я себе представила — этот, значит, мне шефа убил, а шеф, получается, опять чрезмерным благородством страдая, полетел домой помирать! А Харнис вприпрыжку помчался короновать Юалию! Нет, он бы и себя короновал с радостью, но раз шеф ему изо льда корону и меч не достал и коронация Харнису пролетала, то он решил, что и как супруг сэльдины неплохо устроится. Вот гад!

— А вы куда все? — вдруг заинтересовалась нашими сплоченными рядами драконица. — Бить морду Харнису?

— Теперь вот да, такая мысль у меня возникла, — мрачно произнесла я и взяла Охарда за руку.

Мой жених решительно шагнул в лужу, я за ним, остальные за нами.

Шагнули, как всегда накрыло чувство, словно переворачиваешься вниз головой, вышагнули в ледяном зале сэльдовского дворца.

Во дворце шумно было. Да и тут, в ледяном зале, вовсе не тихо и из всех луж появлялись толпы ледяного народа в сверкающих одеждах и с торжественной сосредоточенностью на лицах. И эти праздничные толпы устремлялись вверх по сверкающим ледяным лестницам, ну и мы следом соответственно.

Когда вошли в тронный зал, с искренним удивлением заметили, что одна часть народу ведет себя вызывающе. То есть стоит чуть отдельно от остальных, на всех черные рубашки с серебряной оторочкой в знак скорби по дому Эйнов. Возглавлял оппозиционную толпу лорд Тай, который мрачно, весьма мрачно смотрел на торжествующего Харниса, стоящего рядом с еще пустым ледяным престолом. Престол оказался весьма красивым — словно огромная снежинка, а внизу кресло, подбитое белоснежным мехом. Честно говоря, сама бы на нем посидела, судя по виду, удобное очень. Возле трона сверкал хрустальный столик, на нем — корона из прозрачного хрусталя. А может и льда, кто их тут в Зандарате разберет. Юалии не наблюдалось, зато везде обнаружилась охрана. Много охраны. Вся мускулистая братия Харниса.

Харниса, который заметил меня.

Это было как если бы в огромном зале мы вдруг оказались одни, в смысле я и мое сопровождение. Белая морда Харниса вытянулась, глаза стремительно покраснели, я же радостно помахала будущему трупу, которому предстояло погибнуть наиболее мучительной из смертей, и

направилась туда, где мне и было самое место — к оппозиции. Лорд Тай и леди Тай приветствовали меня сдержанными кивками, лорд, взяв за руку, пробормотал: «Сочувствую вашей утрате и нашему поражению. Вы уже думали о поиске нового места работы?»

Хм, как интересно.

— Нет, не думала, — призналась снежному.

— Подумайте. — Мою ладонь отпустили.

— Оппозиция будет продолжать славное дело, — заверила леди Тай.

Все, кто слышал, серьезно закивали.

И тут заиграла торжественная музыка, все попритихли, и в зале появилась Юалия. Именно появилась, а не пошла по залу, потому как возникла на ледяном постаменте, который поднимался над основным полом, как бы возвышая посидетелей на троне над собственно посетителями. Но Юалия сидеть на троне явно отказывалась. Она, в шикарнейшей, будто сотканной из ледяной изморози, шали нервно мялась шагах в десяти от селедкиного сиденья, поправляла локоны высокой, сверкающей снежинками прически, словно ища кого-то, оглядывала зал и собравшихся на ее коронацию.

И тут нашла.

Вашу покорную слугу, в смысле почетного секретаря лорда Эйна. Нашла, заметно обрадовалась и устремила призывный взгляд на Харниса. Харнис подлетел к ней быстрее стрелы, замер, всем своим видом напоминая ищейку, которая готова была взять след, и этот след указали. Точнее указали на меня, после чего Юалия торопливо ему что-то высказала.

В следующий миг здоровущий снежный мужик, спрыгнув с ледяного постаamenta и расшвыривая всех, кто стоял на пути, ломанулся ко мне. Он так ломанулся, что позади Харниса оставалась просека из сломанных причесок, помятых кринолинов и гневных жестов. Ладно, вру, жесты были не только гневными, но также весьма оскорбительными. Жаль, Харнис не видел.

И вот пока он ломал торжественный строй в моем направлении, я все думала, чего же сиятельный подлец, мерзавец и будущий труп от меня хочет — работу предложит? Убить попытается? Возжелает прилюдно унижить? Спешит поглумиться?

Нет по всем пунктам.

Как оказалось, настигнувшего меня Харниса интересовал всего один вопрос, который тот задал, склонившись к самому моему уху:

— Катана где?

Потянувшись к нему, так же шепотом спросила:

— Какая катана?

На меня сурово устремили суровый алый взгляд, нервно улыбнулись окружающим, мол, «все в полном порядке, не беспокоимся и ближе не подходим», после чего прорычали все так же шепотом на ухо:

— Которую ты подло и коварно уворовала у ЮАалии!

— Что?! — возмутилась я.

— В смысле «что»? — в свою очередь возмутился Харнис. — Ты еще скажи, что не воровала.

Нет, ну если с точки зрения ЮАалии, то, может, и воровала, но:

— Но вот только не подло и не коварно, — смутилась слегка я. Потом добавила: — Я вообще твою собиралась взять, но Охард знал только путь в ее покои, а как пройти в твои покои, не знал.

Харнис выпрямился и уже собирался было сказать что-то язвительное, как до него дошел смысл моих слов. До меня тоже... И даже до Охарда, который, отпустив мою руку, благоразумно растворился в толпе оппозиции, дабы избежать рогоносного гнева.

— Ох-х-хар-р-рд не знал, как пройти в м-м-мои п-п-покои? — закипая и заикаясь, уточнил Харнис. — А как пробраться в покои ЮАалии, минуя охрану на дверях, значит, знал?!

Я изобразила невозмутимость и отрешенность, прическу там поправила, шубку на плечах подровняла, подол огладила.

— Позже разберусь, — с обещанием почему-то моей смерти в голосе произнес Харнис. — Катана где?

Я, наморщив лоб, припомнила где... Ну и трансформацию катаны тоже припомнила, и в целом:

— Сложный вопрос.

— Что значит сложный? — перестав таиться, взрычал Харнис.

И вот что ему сказать? Нет, серьезно. Признаваться в том, что катана у Эйны, как-то не хотелось, ответа Харнис явно ждал, да и остальные с интересом развития событий ожидали, так что я гордо сообщила:

— Понятия не имею, где она в данный конкретный момент.

Сказала чистую правду — действительно понятия не имею, куда шеф ее запихал.

Но сочла нужным добавить:

— Она мне только для слома клеток на невольничьем рынке нужна была. — Тоже правда, кстати.

Разъяренный Харнис, нависнув надо мной, прошипел:

— Ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю!

После чего развернулся и ушел.

Странное дело, за все время нашего общения у меня даже сердце быстрее не забилося, и кстати, спасительный торт мне не понадобился, и вот что бы это значило?

На этой важной мысли сосредоточиться не удалось, так как внезапно совсем рядом со мной знакомым голосом тихо произнесли:

— Чего он хотел?

— Катану, — не оборачиваясь, сообщила шефу.

А не обернулась сразу, потому что сердце таки забилося, да еще как, даже жарко стало, и задышала я глубже и как-то взволнованнее. Обернулась — рядом со мной возвышался мой родной начальник с черной маской на бледном лице, распущенными белыми волосами, серьгой в левом ухе, изображающей сверкающую ромбовидную сосульку, и в черном костюме. Лорд Тай, как и я, удивленно воззрился на столь странно облаченную личность, а я... я...

— Здорово, что вы пришли, — сообщила шефу.

— Пришлось попросить профессора ускорить лекцию, — невозмутимо ответил он и еще более невозмутимо приобнял меня за талию.

Так вроде чтобы общаться было удобнее, но мне от этого почему-то очень приятно стало, хотя это были довольно далекие от профессиональной этики чувства.

Заиграли фанфары, зазвенела, неся радостные вести, капель, срывающаяся с потолка и падающая серебристыми слезами на гостей. Гордо вскинув подбородок, шествовала к своему трону Юалия, довольный собой и своей подлостью Харнис вел ее, придерживая за локоток. Взорвались аплодисментами гости коронации, хранила осуждающее молчание оппозиция. Не таясь, обсуждали гостей и платье готовящейся стать сэльдиной присутствующие слуги, какая-то тучная дама грустно жаловалась спутнику, что сладкое подадут еще не скоро, я полностью разделяла ее печаль. Потому что мне лично очень хотелось тортика, вот прямо сейчас... Шеф неожиданно обнял крепче, прижимая к себе, и тортов теперь требовалось как минимум два!

А в следующий миг Харнис подвел смущающуюся Юалию к ледяному престолу, усадил, поклонился ей, отступил, и к трону изо льда шагнул страх и ужас. Нет, серьезно — это был и страх, и ужас! Причем одновременно и в одном сухопаром шипастом существе, которого словно морозом покорежило: черепообразная голова, впалые нос и рот, вдавленные красные глаза и лохмы белесых волос по черной мантии.

— Главный жрец храма озера Спящих Предков, — прояснил для меня

личность кошмарика шеф.

Свое мнение по поводу этой персоны я не стала озвучивать, впрочем, кое-что не смогла сдержать, а именно тихое:

— Надеюсь, он только коронует и хоронит, — имея в виду, что для остальных ритуалов внешность у жреца явно не подходящая.

— Нет, еще благословляет браки и младенцев, — уничтожил мою веру в здравый ум зандаратцев шеф.

— Ужас! — пробормотала я.

— Ужас Синих Льдов — его имя, — выдало начальство.

«На моей свадьбе его не будет», — почему-то сразу решила я.

Нет, серьезно, не будет!

Трубы заиграли громче, капель перестала звенеть, с потолка посыпались сверкающие серебром снежинки, Юалия застыла на троне, жрец протянул обе руки вперед и...

Сначала появилось ощущение, что в зале вдруг завьюжило, я даже посильнее в шубку закуталась, хотя мне было тепло, но я не хотела думать о том, что это от объятий шефа жар идет по всему телу, затем неожиданно над ладонями жуткого жреца закрутился медленный снежно-серебристый смерч. И он странно так кружил, хвостик... ну то есть основание, словно ткало какой-то замысловатый рисунок прямо в воздухе... И вроде как бы рисунок, но постепенно над руками жреца начала обрисовываться корона... Сверкающая, воздушная, будто изморозь сняли со стекла... Минута... вторая... третья... и вот уже целая корона сверкает столь ослепительно, что хочется прикрыть глаза руками, но в то же время смотрела бы на нее и смотрела. Удивительно красивая и изящная вышла вещь, по сравнению с ней вытесанная из бриллианта корона смотрелась грубо и громоздко, и сэльдина поняла это, поэтому, быстренько сняв украшение со стола, зашвырнула за трон. Там такой жалобный звон раздался.

Жрец бросил на нее мимолетный неодобрительный взгляд, повернулся к залу, и над толпой разнеслись его слова:

— Льдов величие неоспоримо, необъятно, непогрешимо. Подо льдом моря и реки, подо льдом земля и долины, льдом истинным окованы души великих! Льды венчают горы, изо льда сотканы облака, льдом покрыты небесные тела! Велики льды! Нет преграды для них иной, чем сияние сердец достойных! Подобны сердца достойных ярчайшим звездам, жар их плавит лед и железо, кровь их лавиной сносит преграды! Лишь те, в чьих сердцах пламя, а в глазах лед величия, достойны править Зандаратом, колыбелью льдов!

Юалия нервно заерзала.

Глядя на нее, стоящий невдалеке от трона Харнис подозрительно сощурился, а шеф внезапно произнес:

— Вообще странно, что снега соткали корону для Юалии. Очень странно. Последний раз подобное происходило двенадцать поколений сэльдов назад, и я всегда считал это легендой.

И я поняла, что Юалия тоже такого не ждала, именно поэтому со своей короной и явилась.

— Не проблема, — продолжил лорд Эйн, — максимум она будет править семь дней.

Он говорил тихо, так, чтобы услышала лишь я, и его губы касались завитков моих волос, а я млела. Просто вот млела, и все. Меня обнимали, мне говорили так, что практически волосы целовали, и я... таяла, как ни пыталась успокоиться. Да уж, это их снежниковское притяжение, это нечто. Впрочем, профессионализм превыше всего, так что я тихо ответила:

— Сильно сомневаюсь, что она вообще будет править.

— Она дочь сэльда, — возразил шеф.

Я бы сказала, кто она, но не стала, ожидая развития событий.

Однако от событий отвлек сам лорд Эйн, приобняв чуть крепче и прошептав:

— В любом случае, я хотел поговорить не об этом.

Я догадывалась, о чем пойдет разговор, поэтому, заметно скривившись, сурово ответила:

— Шеф, девушки проживут в вашем доме, пока у них мозги не прочистятся, и не возражайте, оформим это как часть оплаты за мои бесценные услуги почетного секретаря.

— В стужу девушек! — вдруг начал злиться лорд Эйн. — А впрочем, о них так же следует поговорить — зайдя в свои покои, дабы переодеться, я обнаружил трех совершенно лишенных совести и частично одежды дев в собственной постели!

Я, между прочим, тоже была возмущена и собиралась надрать Охарду уши за такое! Почему уши? Потому что я на него так наору, что бедные его уши!

— И вообще, — продолжил взбешенный шеф, — это моя постель! Меня бесит, когда мои вещи кто-либо трогает, и тем более бесит, когда в моей постели лежат женщины!

— Хм, — только и сказала я, намекая собственно на гарем. Хотя в принципе да, в гареме у дев свои кровати имеются, так что, может, шефа реально бесит, когда в его постели обнаруживаются посторонние. Хотя нет, стоп, один момент:

— Шеф, так я же там у вас спала, и ничего, — заметила задумчиво.

Рука начальства, обнимающая мой стан, на миг дрогнула, и вдруг лорд Эйн полностью сменил тему, сообщив:

— Так чем займемся?

— Шеф, вам что, заняться нечем? — возмутилась я. — У вас расписание, в конце концов, если вы забыли!

Мягко отстранившись, лорд Эйн заглянул в мои глаза и произнес:

— Виэль, я тебе трижды сообщил, что через семь дней все изменится, соответственно у нас всего семь дней, чтобы...

— Шеф, расслабляться нельзя. — Я была сосредоточена как никогда. — Да, с оппозицией придется что-то решать, но, честно говоря, и сторонников тоже придется как-то организовывать, так что дел у нас невпроворот, а времени всего ничего осталось. К тому же вы посмотрите на эту коронацию, это позор, а не коронация — у нас все будет иначе! Абсолютно все! Во-первых, трон нужен больше и грандиознее, этот внушает только желание посидеть на нем, а нам нужен такой, чтобы трепет внушал! Далее жрец. Вы меня извините, но это катастрофа, а не жрец, нам нужен гораздо более представительный глава духовенства и... мм-м...

Рука, накрывшая мне рот, лишила всяческой возможности строить планы на будущее вслух, а полный невыразимой горечи стон начальства заставил задуматься о причинах его вселенской скорби. Нет, правда, чего он страдает? Хотя, может, причина в достаточно долгом времени ожидания?

— Виэль, — он скользнул губами по виску, словно целуя, — думаю, мне сейчас стоит уйти. Досматривай коронацию до конца и возвращайся, нам нужно поговорить. И постарайся никуда не влипнуть в мое отсутствие.

— Буду тиха как мышка, — заверила я начальство. — А вы уверены, что коронация не провалится?

— Абсолютно, — погладив меня по плечам, прошептал лорд Эйн. — Снега соткали корону, значит избрали сэльдину. Я жду тебя дома.

После чего отступил в толпу слуг и вообще как-то растворился, потому что стоило мне обернуться, я никого облаченного в маску уже не увидела. Зато ко мне вернулся Охард и даже за руку взял и произнес:

— Чую, придется нам с тобой улепетывать.

Ну, где-то глубоко внутри я тоже чувствовала что-то подобное, потому что Харниса явно не приведет в восторг мысль о рогах, а рогоносцы они беспричинно злы к окружающим, особенно к тем, кто у них катану спер.

— Улепетывать будем до конца коронации, так, чтобы под шумок, — решила я.

— А мы до конца досмотрим, — решили разом слуги, — нас не

тронут.

— Везет, — вздохнули мы с Охардом.

И вот тут, вот в этот самый момент, вдруг все началось.

Жрец, произнесший пафосную речь про «Льдов величие неоспоримо, необъятно, непогрешимо» и все это время простоявший в торжественном молчании, гипнотизируя взглядом волшебную коронку в руках, словно ожидая, пока она ему взаимностью ответит, вдруг поднял руки и собственно коронку над головой.

Толпа ахнула.

По тронному залу пронеслись мириады сверкающих серебряных снежинок, и они закружили, завьюжили, образовали неторопливо-грациозный буран, затанцевали под потолком над троном, зазвенели... И все вокруг покрылось бликами, радужными отсветами с преобладанием голубого, на моей шубке такая игра отблесков вообще изумительно смотрелась, да и в целом все белое засверкало на всех! Красота была такая!

И тут жрец возвестил:

— Леди и лорды, льды избрали сэльдину!

У меня как-то разом вся торжественность момента схлынула, несмотря на то, что все действие только начиналось. Просто ну черт возьми, ну какая с этой дочери селедки сэльдина? Нет, я в целом простила бы ей даже постельные кувыркания с Докерсом, хотя, откровенно говоря, страшен предводитель подгорного народца, местами на каменюку ожившую похож, но то, как она поступила и готова была поступить с шефом... Подло это. Вот подло настолько, что даже слов нет. И к убийству старого сэльда явно Юалия с Харнисом лапы приложили. И вся та грязь, что они вылили на лорда Эйна, совершенно незаслуженно и крайне гадко используя его благородство... И как после этого относиться к фразе жреца «Лишь те, в чьих сердцах пламя, а в глазах лед величия, достойны править Зандаратом, колыбелью льдов»?! Ну черт возьми, ну нельзя же так!

Юалия, едва заметно нервничающая, после слов жуткого жреца тут же успокоилась, села приосанившись, почему-то на меня самодовольно и с явным чувством превосходства посмотрела. Харнис стоял за троном слева от Юалии и, ухмыляясь, смотрел на всех присутствующих с таким видом, что мол: «Вот теперь мы с вами поговорим, вот теперь я вам устрою».

И, к слову, не одна я это поняла, стоящий рядом со мной лорд Тай прошептал обреченно:

— Начнутся репрессии.

Его супруга леди Тай добавила:

— Нам следует бежать до конца коронации, пока Харнис не захватил

контроль над ртутными путями.

— Контроль у нас, — успокоила я пожилую парочку.

И зло посмотрела на Харниса. Харнис, как оказалось, уже давно смотрел на меня. А затем одними губами прошептал явно мне: «Тебе конец».

Злая я тоже одними губами спросила: «А тортик?»

Харнис усмехнулся так, что стало ясно, из кого он тортик сделает.

И вот разумом понимаю, что ничего не будет, что мы уже победили и шеф теперь сэлд, но обидно-то как. И Харнис этот, который взял и практически убил лорда Эйна. Ведь убил же, причем подло. Если бы шеф домой не домчался, что бы с ним было? Меня даже затрясло при мысли, что шефа могло бы не быть... Не хочу об этом думать. Хотя, конечно, очень забавно, что меня мысль о возможной гибели начальства пугает гораздо больше, чем более разумное «а что было бы со мной, погибни Эйн». Просто на фоне его возможной смерти все мысли о себе уже как-то пропадают... Черт, и вот кто бы мне сказал, что я тут делаю? Лучше бы вернулась домой и пошла, что ли, шефа бы обняла, исключительно чтобы удостовериться, что с ним таки все в порядке. Ну или посидела бы невдалеке, полюбовалась его страшненькой скуластой белой мордочкой и глазенками, краснеющими в моем присутствии, — прямо как признание моей исключительности, просто больше же Эйна никто, кроме меня, не бесит, так что я для него явно особенный кадр.

И вообще глаза б мои не видели торжества этих двух селедок подлых, я про Харниса и Юалию, хотя в принципе Харнис — забавная селедка, рога носная такая. Хм, рогатая селедка. Черт, бесят.

А жрец еще, словно издеваясь, вещал над притихшим снежным народом:

— Леди и лорды, снега избрали сэльдину!

Толпа на миг затаила дыхание, а затем по рядам пронесся восторженный шепот.

— Все, это конец, — Охард сжал мою ладонь, — если избрали снега, это уже не изменить.

А болота ее, случаем, не избрали? И грязи там всякие? Нет, ну до чего же раздражает вся эта ситуация.

— А может, все же нет? — с надеждой спросила я.

— Виэль, — зеленомордый мой жених рывком развернул к себе, наклонился и прошипел, — если снега избрали сэльдину, это уже все. Не отменить и не оспорить, это уже высшие силы вмешались, это Юалии только что передали власть казнить и миловать по собственному желанию.

Фактически, теперь по ее приказу снега можно обагрить кровью, такой власти не было даже у покойного сэльда. И у его отца. И у отца его отца. Это власть, против которой даже твой страж бессилен. Нужно уходить, Виэль.

Да, все серьезно, тем более зная Харниса...

И тут торжественность обстановки как-то нарушил отдаленный топот. Лично я ничего не увидела, я тут не самая высокая, но Охард тихо охнул, а леди Тай, всхлипнув, ткнулась в плечо мужа лбом.

— Что происходит? — заволновалась я.

— Х-х-харнис, — прошипел Охард, — он подготовился, тухлый рыбий хвост, здесь его личная гвардия, выходы все перекрыли.

А вот это было уже не весело. Вообще как-то не радостно. Я повернулась, посмотрела на Харниса, тот сделал вид, что моего взгляда вообще не заметил, но его акулья ухмылка была прямым подтверждением обратного. Ой-ой, эдак он мне сейчас за разгром своей комнаты личную казнь устроит, а у меня катаны в руках нету, и страж мой теперь как бы не спасет... Мама... в смысле шеф... в смысле... спасите кто-нибудь очень почетного и жизненно важного секретаря от участи стать фаршем...

Внезапно раздался устрашающий шум воды, словно волны набегают на берег, только шумно очень, затем капель запела, вот только капельки воды, срывающиеся с прозрачных сосулук, щедро украшавших потолок, падали на нас и вообще всех присутствующих искрящимися, словно ограненные бриллианты, ледяными крупинками. Красиво, конечно, вот только мне лично совсем не понравилась толпа в десять снежных при оружии и доспехах, которые по образовавшемуся проходу двинулись ко мне!

И тут еще и жрец добавил заунывно-торжественно:

— Воды избрали сэльдину!

Да сколько уже можно-то?

— Проклятые икринки, — совсем упавшим голосом простонал Охард, — это конец, теперь даже бежать некуда.

— Да уже как бы и никак, — испуганно сжавшись, прошептала я, едва эта делегация, я про закованных в латы снежных, взяла меня под караул, потеснив собственно всю оппозицию, да и слуг.

Охарда от меня тоже оттеснили, хотя он молча, но решительно сопротивлялся. Просто один из снежных вдарил моему жениху рукоятью катаны в живот, зеленомордик сложился пополам, едва не взыв от боли, и его оттолкнули. Так что теперь стояли все, ну и я отдельно в окружении снежнотатников. Спрашивается, какого я вообще сюда заявила?!

В довершение всего под благоговейное молчание присутствующих, отнесшихся к моему взятию под конвой как к досадной помехе зрелищу, жрец возвестил:

— Ледяные ветра избрали сэльдину!

Твою мать!

И вот после этого все присутствующие воины, включая Харниса и моих конвоиров, рухнули на одно колено, чем меня очень порадовали, хотя радоваться тут нечему, но зато теперь я увидела собственно сияющую радостью Юалию, которая сидела ну так гордо, что дальше некуда. И выражение абсолютной и полной победы сияло на ее лице, а еще краем глаза заприметила я Докерса, осторожно отходящего от нас подальше, то есть коварный карлик снова нас предал. Достал уже! Охард, кстати, полз в обратном направлении, то есть ко мне, но видно было, что разогнуться ему не просто. Черт, вот гады же.

И в общем в такой нерадостной обстановке коронация Юалии двигалась к кульминации. Жрец, держа корону на вытянутых руках, шагнул к лучшей самодовольством практически коронованной развратнице, окинул всех присутствующих взглядом, понятия не имею с чего бы, и водрузил корону на голову новой селедке!

Точнее, попытался водрузить...

В смысле, я не знаю, как тут у них положено, говорю же, коронация организована хуже некуда, у шефа все будет иначе; если я доживу, но вот эта водруженная на роскошную юалиевскую прическу изумительная коронка почему-то взяла и взмыла вверх, едва жрец ее отпустил.

Все ахнули.

Нет, правда, ахнули всем тронным залом.

Юалия застыла, Харнис, который до того момента стоял, преклонив колено, благоговейно опустив голову и прижав ладонь к груди, прорычал что-то ругательное и вскочил. Хотя мне вот интересно, как он вообще увидел, что коронка взлетела, у него что, глаза на макушке?

А жрец, явно чем-то до крайности изумленный, взялся за коронку и снова водрузил ее на Юалию. Сэльдина не дышала. Харнис подался вперед, вновь весьма напоминая гончую, взявшую след, народ вокруг меня затаил дыхание.

А коронка взяла и взлетела вверх, стоило жрецу от нее руки убрать.

Все снова ахнули.

Харнис, явно окончательно свихнувшись, подлетел к конструкции коронка-жрец-Юалия, схватил коронку и потянул ее вниз на Юалию. Коронка послушно потянулась, наделась, но стоило Харнису убрать руки...

— Закрепите ее чем-нибудь! — заорал вдруг Харнис. — Шпильки, заколки, что там у вас есть?

И черт меня дернул за язык, язвительно заметить:

— У них ничего нет, они жрец и слегка лысый, соответственно да, ничего из вышеперечисленного у них нет.

Харнис развернулся и посмотрел на меня так, словно я вообще во всем виновата и он меня убьет сам, лично. Он, кстати, это подтвердил, прилюдно заверив:

— Я твои внутренности намотаю на твой поганый язык, подстилка Эйна.

— Почетный секретарь, — занудно поправила я.

И смолкла. Ну потому что, кажется, наматает, раз мой хранитель теперь им не помеха, и вообще грустно, да. И обидно, что Юалия стала сэльдиной, которая теперь навечно. Это им придется вместе с шефом править, так получается? Она же опять будет козни строить и перед всеми его недалеким солдафоном выставлать, и его благородством пользоваться, и...

И тут жрец коронку на нее надел и подержал. Коронка такая красивая была, хрупкая, нежная, изящная, переливающаяся радужным сиянием на солнце... А над ней кружили серебристые снежинки, которые все еще продолжали свой танец, то сбиваясь в один снежный смерчик, то делясь на двенадцать маленьких блестящих вихрей.

Появились несколько служанок со шпильками и торопливо начали крепить корону к высокой прическе сэльдины. Делали они это сноровисто очень, а жрец крепко коронку держал, Юалия сжалась и сидела, едва дыша, а Харнис в нетерпении пританцовывал рядом.

И вдруг все лениво до того кружившие снежинки как ринутся к Юалии!

Сэльдина завизжала: там, где снежинки коснулись ее, на коже проступили капельки крови, а коронка взлетела, безжалостно дергая волосы, расшвыривая шпильки! Жрец сунулся было водрузить коронку обратно, но злющие снежинки атаковали его, и вот теперь кровь брызнула мелкими алыми капельками даже на трон и Юалию.

А затем снежинки, как изумительно прекрасный блестящий рой, поднялись над троном, закачались, будто змея перед броском, и...

И ринулись на меня!

Я не то чтобы завизжала, я заорала и бросилась прочь!

Мне как-то вовсе не хотелось, чтобы и моя кровь тут на всех летела, и страшно было до ужаса, и... И эти ледяные остолопы не дали сдвинуться

даже на шаг, точнее они все еще стояли в коленопреклоненной позе, а тут орущая я на них налетела, и они, гады, даже не шевельнулись, а вот меня отбросило назад силой удара и...

И, на удивление, я не свалилась.

Что-то мягко и бережно меня поддержало, а затем и поставило на ноги. И исчезло. По крайней мере, поддержки я больше не ощущала. Медленно приоткрыв глаза, сначала один, потом второй, огляделась — рядом никого, но подозрительно сверкает моя белая шубка. Присмотрелась к меху, он действительно засверкал, причем очень сильно, словно на нем мириады блесков. Посмотрела на постамент и трон — почему-то все присутствующие там, то есть жрец, три служанки, Юалия и Харнис смотрели на меня так, ну так... Да как гончие, когда добычу видят. Они все даже вперед подались, а Юалия привстала с трона. К слову, коронки нигде видно не было...

— Виэль, посмотри наверх, — вдруг как-то сдавленно произнес Охард.

Я послушно подняла голову и посмотрела — наверху были все те же сверкающие сосульки.

— На голову свою посмотри! — вдруг рявкнул всегда очень вежливый мой жених.

— И как ты себе это представляешь? Я что, улитка, что ли? — поинтересовалась я.

А он вдруг как заорет:

— Виэль, она тает!

И почему-то от меня все латные снежики разом отпрянули.

Мне даже страшно стало. Страшнее, чем когда снежинки на меня ринулись... хотя нет, не страшнее. Хотя, должна признаться, неизвестность пугала.

— Кто т-т-тает? — дрожа, спросила я.

И тут лорд Тай, который стоял неподалеку, взял и протянул мне карманное зеркальце для переговоров. Сейчас зеркальце никого не показывало, оно отражало. Меня отражало. И отражало сверкающую на моих темных волосах ту самую невероятно красивую, словно узор, изморози коронку... И да, коронка таяла, но вот мои темные волосы, на которых, к слову, смотрелось это ювелирное произведение искусства просто изумительно, они сверкать начинали, словно я зашла в дом с мороза, снежинки набившиеся в локоны потаяли и теперь переливались капельками воды... И вдруг все эти сверкающие капельки потянулись в коронку, и та засияла ярче, запереливалась интенсивнее, и вообще она была прекрасна!

— Да славится холод новой сэльдины... — как-то расстроено возвестил жрец.

И поднявшийся было мой конвой повторно рухнул в коленопреклоненную позу. Лорд Тай тоже взял и опустился на одно колено, и все присутствующие мужчины. И да — все, вот вообще все смотрели на меня, а я... я смотрела на снежинки, которые на моей шубке сверкали, словно призрачная накидка, и в голове билась заполошная мысль: «Шеф меня убьет».

Потом пришла другая мысль «Коронка мне очень идет». И если честно, эта мысль была правильная, конечно, но первая куда вернее. Представила себе, как взбесится мой правильный до корней волос начальник, когда узнает, что я фактически уворовала у Юалии не только катану, но и корону...

И тут взгляд зацепился за Докерса, который бочком, бочком возвращался в наш оппозиционный строй. Заметив, что я смотрю на него, этот подлый гад остановился, развел руками и выдал:

— Каждый может ошибаться.

После чего таки да — влез в ряды оппозиции.

— Ты вообще-то не ошибался, ты нас бросил! — заметила я.

— Я ходил в разведку в стан врага, — не согласился Докерс. А потом вовсе взял и пристыдил меня: — Ты бы имела совесть и не орала, как вчера на рынке, когда клетки рабынь рушила, ты ж теперь все же сэльдина, держи лицо и всякое такое.

И вот тут до меня дошло то, что уже осознали все потрясенные до глубины души снежные.

То есть то, что корона избрала меня.

И я вдруг поняла, что это не просто ювелирное украшение, это... это...

— Ох ты ж черт... — прошептала потрясенная я.

И даже голова закружилась...

В следующее мгновение Харнис, до того момента стоящий столбом, вдруг спрыгнул с постамента возле трона, в десяток стремительных шагов пересек пространство, подлетел к отшатнувшейся в ужасе мне и вместо того, чтобы приняться там душить или рвать голыми руками, придержал за локоток, после и вовсе приобнял за талию и низким волнующим голосом спросил:

— Виэль, как ты себя чувствуешь?

— Да замечательно я себя чувствую, — делая попытку вырваться, пробормотала в ответ. — А что такое?

— Ты побледнела, — заглядывая мне в глаза и демонстрируя нехилую

заботу, произнес Харнис, — так, словно сейчас потеряешь сознание.

Изумленно похлопала ресницами.

— Не бойся, я рядом, я всегда тебя поддержу и не дам упасть, — с самым искренним видом заверил он меня.

Подумалось, что я предпочту падать через каждый шаг, лишь бы Харниса рядом не было.

— Да нет, все хорошо, — я снова попыталась вырваться, — мне, наверное, пора бы уже.

— О да, — Харнис склонился надо мной так, словно собирался поцеловать, — тебе пора занять трон.

Осознав, что отшатнуться шансов нет, я резко присела, таким нехитрым способом уходя от нежелательных объятий, вывернувшись из-под руки попытавшегося схватить меня Харниса и хотела было сбежать, но на пути был все тот же снежный конвой. Чувствуя, как трясет от эмоций, я махнула рукой и потребовала:

— Пропустить немедленно!

Прозвучало как приказ, наверное потому в указанном направлении все мгновенно расступились, а некоторые закованные в латы и коленопреклоненные воины не успели вскочить и отойти, поэтому, перекувырнувшись через голову, откатились с моего пути. Я же, подхватив платье и шубку, рванула прочь, проклиная и свое любопытство, и дурацкую идею посетить коронацию Юалии. Вот делать мне было больше нечего, кроме как заявиться сюда поглазеть на представление!

Добежав до зала с лужами, остановилась и едва не была сбита с ног помчавшимся за мной следом Харнисом. Но этот мускулистый снежок быстро сориентировался, подхватил меня, и мы заскользили по льду — этот стоя, и я лежу у него на руках. Остановились в метре от ближайшей лужи, и вот там Харнис, прижав меня к себе, жарко зашептал:

— Неужели ты не видишь, не понимаешь, не осознаешь, что все это время мне нужна была лишь ты?

Чего?!

— С самого первого взгляда, едва я вдохнул аромат твоих волос, — при этих словах Харнис шумно занюхал свой идиотизм моими волосами, — и там, тогда, я похитил тебя с единственной целью — признаться в своих чувствах. Ты все для меня, Виэль!

Ситуация напрягала как съехавшим с катушек снежным качком, так и лужей, над которой держал меня собственно Харнис. И я, возможно, даже попыталась бы начать вырываться и отпихивать от себя сплошного неадекват, но был реальный шанс упасть, а куда меня вынесет данная

конкретная ртутная гладь, совершенно неизвестно.

— Посмотри мне в глаза, моя девочка, в них ты увидишь все, все, что я не в силах выговорить! — продолжал истерию Харнис.

Нет, ну я уже давно поняла, что ему нужен трон, но чтобы настолько...

— Виэль, запах, Виэль, он сейчас очаровывает тебя с помощью своего запаха! — раздался крик Охарда.

Я выглянула из-за плеча Харниса и обнаружила, что все присутствующие в тронном зале во время несостоявшейся коронации Юалии присутствуют сейчас здесь, разве что держатся на расстоянии. А что касается Охарда, так и его, и Докерса, и остальных слуг сейчас волокли явно подальше от моих глаз приспешники Харниса. Но даже в такой патовой ситуации я не могла не заметить:

— Если бы, Охард, если бы, пока что этот чрезвычайно неприятный тип всю заняхивает мной!

«Тип» застыл, глянул на меня вовсе не томным взором, а на галерке явственно послышалось подхикивание, но Харниса это не выбило из роли героя-любownika.

— В моем замке тебя ждет невероятный торт, — прошептал он мне, стремительно сменив рычаг давления на чужого почетного секретаря. — И взбитые сливки, и мороженное, и множество самых разнообразных шоколадных конфет...

Да, звучало чертовски заманчиво. Я даже задумалась на миг, решив, что неплохо было бы сгонять, поесть и потом сразу к шефу... И тут замечаю, как стоящий у кромки отдаленной ртутной лужицы Докерс делает мне знаки. Сами знаки я не разобрала, но догадалась, что раз теперь этот переменчивый, как морской ветер, глава подгорного народца на моей стороне, а ртутные пути под его контролем, то даже эта лужа вынесет меня куда нужно. И потому с легкой совестью согласилась на предложение Харниса, кокетливо поинтересовавшись:

— А тортик вкусный?

— Очень, — волнительным шепотом ответил этот... тип.

— Ладно, давай тортик, — кивнула я.

Харнис галантно поставил меня на ноги, развернул к луже и, подтолкнув в спину, опять же прошептал:

— Одно мгновение, и я догоню тебя.

После чего его руки, лаская под видом оглаживания, прошли по моей спине от плеч до талии.

Я же смело ступила в лужу, привычно перевернулась с ног на голову и выступила уже в замке лорда Эйна. Постояла, пытаюсь прийти в себя...

торопливо сняла с головы корону и спрятала под шубу, потому как... потому как, во-первых, я еще в себя не пришла, во-вторых, шефу не знаю, как сказать, в-третьих...

Из лужи рядышком вышли Докерс и Охард. ДокЭрСатан Эмаркад Шаверский Топорович почесал бороденку, побряхтел и сообщил:

— Сильно он путь настроил на свой замок, с трудом-то и переборол настройки-то.

Я чуть не упала! То есть я этому доверилась, а он «с трудом-то и переборол»!

— Ну ты... ну ты... — только и сказала я.

— Но переборол же, — заулыбался довольный собой Докерс.

Охард молчал, глядя на меня. Мне тоже особо сказать было нечего, кроме разве что:

— Шефу ни слова!

Оба кивнули. Охард продолжал странно на меня смотреть, потом таки спросил:

— Корона где?

Открыла полу шубы, продемонстрировала, хотела было узнать, где можно спрятать, потом вспомнила, что знаю одно идеальное место.

И тут Охард сказал:

— Харнис не отстанет.

— Его трудности, — решила я. — Нам главное семь дней продержаться.

— А что будет потом? — поинтересовался Докерс.

«Сэльд объявится», — подумала я, но говорить не стала.

— Охард, слугам прикажи держать рот на замке. — И с этими словами покинула зал с лужами.

Спрятать корону решено было в месте, где ее точно никто не заметит — в гардеробной Эйна. Туда мои платья затащили же, а Эйн в них точно ковыряться не будет, так что место идеальное.

Поднялась на второй этаж, постояла, вслушиваясь в доносящиеся с третьего этажа крики: «Выпустите! Мне срочно нужно очаровывать лорда Эйна! Где справедливость?!» Справедливость — мое второе имя, так что я быстренько поднялась на третий этаж, полюбовалась на толстую решетку, закрывающую выход собственно из коридора борделя, на вытянутые и несчастные лица снежных в сером, то есть стражников, даже на обнаженные прелести, напирающие на решетку, глянула, после чего, удовлетворенно хмыкнув, развернулась и потопала прятать коронку.

Но вот чего я не ожидала, так это того, что в собственной спальне

обретается шеф.

То есть я влетаю, собираясь снимать шубу одной рукой, вторая собственно под шубой преступным образом коронку придерживает, а тут на кровати возлежит мое начальство, рубашка полурастегнута, одна рука закинута за голову, во второй книжка «Уроки ораторского мастерства». И у меня сердце неожиданно так быстро забилося, и ноги стали ватные, и... Нет, надо что-то делать с этими чарами снежных, это же кошмар какой-то.

— Уже вернулась? — перелистывая страничку и бросив на меня взгляд поверх книги, спросил лорд Эйн.

— Д-д-да... — Почему-то взгляд намертво приковался к участку его груди, виднеющемуся в разрезе расстегнутой рубашки.

— И как все прошло? — поинтересовался шеф.

— Феерично. — Наваждение меня покинуло, стоило только вспомнить, чем собственно коронация завершилась.

— Не удивительно, — снежный лорд вернулся к чтению, — коронации всегда довольно впечатляющее зрелище.

Ой таки да. Я постояла, корона жгла руку под шубой, а любопытство жгло мне душу. Да просто вот безумно интересно:

— Шеф, а если бы льды избрали Юалию сэльдиной, вы бы женились на ней и жили долго и счастливо?

— С чего бы я должен был бы на ней жениться? — На меня вновь взглянули поверх книги. — Виэль, как мой почетный секретарь ты слишком мало внимания уделила изучению политического строя Зандарата. В нашей истории уже существовал прецедент дуализма в правлении, когда сэльд и сэльдина не являлись супругами.

Да-да-да, у кого-то повышенная вредность, но мы об этом и так знали, да и вопросы еще остались.

— Но это скорее исключение, чем правило? — поинтересовалась я.

Кивнув, шеф вернулся к чтению. Я все так же переминалась нервно у двери, хотя, если честно, под шубкой становилось жарковато. И тут я еще кое-что вспомнила, точнее тот момент, когда воды избрали сэльдину и Охард предался панике. И я просто не могла не спросить:

— Шеф, а если бы воды избрали сэльдиной Юалию, то я осталась бы без защиты, так как мой хранитель стал бы бессилён?

Даже не отрываясь от книги, Эйн пояснил:

— Хранитель — да, но в этом случае он сообщил бы мне о случившемся, соответственно, я был бы рядом с тобой в течение секунды.

Ну и шеф у меня! Выходит, я вообще зря испугалась. Приятно так стало.

И уже улыбаясь, я весело потопала в гардеробную прятать корону и вообще возвращаться к нормальной жизни, и даже да — готовить коронацию шефа, потому как торжество у Юалии было неорганизованным, импровизированным и вообще не соответствовало статусу заявленного мероприятия, вот.

В гардеробной я первым делом спрятала коронку в коробку из-под платья и собственно в ворох платьев, потом сняла шубку и вышла обратно к начальству довольная и деловая. А Эйн при виде меня неожиданно закрыл и отложил книгу, после чего, не сводя с меня пристального взгляда, принялся загадочно улыбаться...

Что-то заподозрил?!

Я напряглась.

— Иди ко мне, — вдруг произнес шеф низким, определенно совращающим честных секретарей голосом.

Чуть не рухнула. Нет, не пошла, конечно, но искренне поразилась тому, что мне очень захотелось.

— Просто сядь рядом, — тоном, подразумевающим, что просто явно не будет, сказал шеф.

У него сейчас были небесно-голубые глаза. Изумительно красивые, делающие его далекое от канонов красоты лицо невероятно притягательным, и эта полурасстегнутая рубашка...

Нет, Виэль Мастерс, ты не будешь смотреть на своего начальника как на мужчину. Ты профессионал. Ты профи высочайшего класса. И да:

— Шеф, неподходящая обстановка для разговора, вам не кажется? — строго спросила я.

Глаза у лорда Эйна внезапно потускнели.

— У нас с вами дел по горло, — продолжила я. — Я так понимаю, осталось всего семь дней до того, как общественности Зандарата станет известно о вашем статусе и положении? Нам нужно грамотно использовать эту передышку. Следует уже сейчас решить, кого вы назначите на ключевые руководящие посты, какой из кланов станет опорой правящего режима, определиться с супругой и...

— Достаточно, — резко оборвал меня шеф.

Помолчал, нервно кусая губы, после сообщил:

— Я не собираюсь жениться. Ни сейчас, ни в будущем.

— Это еще почему? — удивилась я.

Глянув на меня, лорд Эйн пояснил:

— Я был волен в выборе супруги до того, как меня избрали льды, теперь подобного выбора у меня нет, и я вправе жениться лишь на снежной

леди.

— Так в чем проблема? — удивилась я.

Шеф как-то странно усмехнулся. Затем выговорил:

— Ни одна из снежных леди, включая мою собственную мать, не поддержала меня.

Он хотел еще что-то сказать, но тут в дверь осторожно постучали. Я прошла через спальню, распахнула створку. В коридоре обнаружился Охард, который объявил:

— Главы драконьих кланов желают видеть лорда Эйна.

Мой шеф, изрядно скривившись, мрачно спросил:

— И кто проболтался драконам, что я жив?

— Понятия не имею, — выскакивая к Охарду, ответила я.

Охард, превосходно слышавший наш разговор с Кассиль, был вынужден сделать невозмутимое лицо и поинтересовался:

— Что мне передать великим крылатым, не до конца уверенным, что вы живы?

— Я встречу с ними через семь дней, — ответил лорд Эйн, — я ранен, и мне требуется время.

— Будет передано. — Охард поклонился и закрыл дверь.

Я стояла, вопросительно глядя на него, он еще более вопросительно на меня. Из-за закрытой двери в спальню раздалось «Виэль!», и мы оба, не сговариваясь, развернулись и сбежали.

* * *

В моем кабинете царила деловая сосредоточенность. Я, обложившись книгами, свитками, легендами и протоколами, писала сценарий к коронации лорда Эйна. Докерс витиевато расписывал драконам состояние израненного и не способного предстать сейчас перед ними, но несомненно выздоравливающего моего шефа, Охард читал послания Харниса. Послания вообще-то адресовывались мне, но я их читать не желала, как, впрочем, и смотреть на подаренные цветы, а так же поесть сладости, посему вкусняшки все относили наверх нашим оголодавшим прелестям, цветы уже кучей валялись в углу, а послания вдохновенно читал мой жених.

Писал Харнис много и часто, фактически каждые пятнадцать минут нам притаскивали букеты и записки. Я так поняла из путаных и невнятных объяснений Охарда, что отправителю становилось ясно, было ли прочтено

его сообщение. Еще Харнис постоянно звонил по зеркальной связи, но мое личное зеркало лежало на столе перед Охардом, соответственно все звонки я игнорировала.

Правда, вот что мне было совершенно не ясно:

— Слушай, зачем ты все это читаешь? — спросила у зеленомордика.

— Для самообразования, — восторженно ответил Охард. — Ты себе даже не представляешь, какой высокий слог! Какие эпитеты! Какие словесные обороты! Это шедевр любовной литературы, я просто обязан перенять опыт. Да если я так буду писать, к моим ногам падет кто угодно!

И вот мне бы тогда обратить внимание на эти слова, так нет же — я себе тихо продолжила писать сценарий. А Докерс рассылал ответы драконам, а прислуга готовила ужин, а шеф в данный момент пошел упражняться со своей новой катаной, забив на очередной урок по экономике, и мне пришлось выслушать жалобу прибежавшего преподавателя, а наверху возмущенные прелести наконец успокоились...

И вот тут грянул гром!

Сначала Охард вскочил, тяжело дыша и прижав руку к сердцу.

Мы с Докерсом заинтересованно на него уставились, ожидая озвучивание какого-нибудь перла из любовной переписки. И Охард наши ожидания не просто выполнил, а перевыполнил, патетично заявив:

— Я так больше не могу!

— Ну и не читай, в чем проблема? — миролюбиво произнесла я.

Тут полубезумный взгляд жениха остановился на мне, Охард как-то весь позеленел сильнее обычного, после вскинул подбородок и потряс нас куда как более патетичным заявлением:

— Я больше не могу позволять такому мужчине так страдать!

Это уже было совсем интересно, я даже отложила лист протокола проведения коронации сэльда Уктаруса, правившего в Зандарате семьсот лет назад, и, грызя кончик пера, молча ждала продолжения. Докерс молчать не стал, проворчал недовольно:

— Тоже мне мужик, рогач бесхребетный.

— Он ее любил! — заорал невменяемый Охард. — Любил настолько, что закрывал глаза на ее подлость и предательства! Не каждый способен так любить! Он невероятен! Он чист как слеза! Он истинный герой!

Тут уж я молчать не стала и тихо заметила:

— Он ударил шефа в спину, когда тот не мог ответить. Он Эйна оболгал и выставил его тупым солдафоном, прекрасно зная, что благородство и забота о целостности Зандарата не позволят шефу ответить.

— Это было ради любви! — снова заорал Охард.

Ничего себе сила слова... Что ж там Харнис такого понаписал?

А дальше стало веселее.

— Я иду к нему! — Охард отпрянул от стола так, что стул с грохотом свалился. — Я должен быть рядом, такая любовь! Он не может без меня! Он достоин счастья! Он достоин искренних чувств и нежной любви, он несчастный! Он меня так любит!

У меня писчее перо выпало из рук, Докерс пробормотал: «Приплыли».

А Охард ринулся к двери с криком:

— Любимый, я иду!

И он бы, несомненно, пошел, но тут до меня дошел идиотизм ситуации и я заметила:

— Охард, я даже не буду говорить, что вы из разных биологических видов, я тебе просто напому, что ты мужчина.

Но это вовсе не переубедило моего жениха, который воскликнул:

— Я мужчина, который умеет любить! Я сумею сделать его счастливым! Я...

И тут собственно я лично вспомнила и еще кое-что, что не преминула озвучить:

— И еще ты мой жених, и побег от меня к другому мужчине — это уже предательство.

Охард застыл в дверях с поднятой для следующего шага ногой. Развернулся, ногу опустил, посмотрел на меня больным взглядом и взмолился:

— Виэль, отпусти меня...

И вид у него при этом был самый что ни на есть разнесчастный.

— Я бы эти письма все взял и спалил, — пробурчал Докерс.

— Вот и займись, — порекомендовала я.

Сама поднялась, подошла к невменяемому Охарду и повторно напому:

— Ты мужчина и он мужчина, тебя ничего не смущает?

— Для любви нет преград! — было мне ответом.

Ну, нет так нет.

— Пошли, — потребовала я, обходя жениха и выходя в коридор.

— Куда? — не понял он.

— Будем разрывать помолвку, — сдерживая ухмылку, сообщила я.

И повела его на третий этаж, слушая уже поднадоевшее:

— Он лучший мужчина в мире! Он так любит меня! Он такой благородный! И честный! Он прекрасен! Он бог! Он...

Ну и все в таком духе. Орал Охард будь здоров, все на повышенных

тонах, каждая фраза истошное восклицание, в итоге, когда подошли к железной решетке, открывающей путь в мир сплошных прелестей, у обоих снежиков в сером лица вытянулись окончательно.

— Открывайте, — скомандовала я, подойдя к решетке.

Они на меня странно посмотрели, но открыли. Девы, услышавшие, как открывается решетка, повысыпали из комнат.

Охард продолжал вещать о своей великой любви к Харнису, девы, завопив, кинулись к открытой решетке, я посмотрела на стражей и скомандовала:

— Запихивайте.

И не подозревавший о подставе Охард был зашвырнут в обитель прелестей, после чего стражи сноровисто заперли дверь.

— Виэль! — возопил, подскакивая, влюбленный Охард.

— Мужик! — заорали прелести.

— Вот и я о том же, ты же мужик, Охард, — укоризненно напомнила жениху. И скромненько отошла в сторонку.

Там, за решеткой, сначала послышался истошный вопль зеленомордого:

— Нет! Нет!

А через минуту уже было:

— Оу...

— Ооо...

Ну и закончилось все полным блаженства:

— Да... Да-да, еще... О да!

Стражники переглянулись, и ближайший ко мне произнес:

— Совсем другое дело, а то слушать противно было про его большую любовь к другому мужику.

— Я так думаю, это было действие приворота, — поделилась своими мыслями со снежными.

— Да, похоже на то, — согласились они. — Этого вытаскивать?

— Ага.

Через минуту помятый, в слегка порванной местами одежде и весь покрытый засосами Охард, покачиваясь, стоял передо мной, очень укоризненно на меня глядя.

— Что опять не так? — возмутилась я.

— Да мы только начали переходить к самому интересному, а ты?! Не могла подождать еще хотя бы минут пять?

Нормально, да?

— Знаешь ли, судя по твоим стонам и восклицаниям, у вас там все уже

было, — язвительно заметила я.

— Да ничего не было, мне просто грудь дали потрогать! — Охард насупился, затем глубокомысленно заметил: — Женская грудь — лучшее лекарство для мужчины.

— Ага, — разом подтвердили оба стражника и мечтательно так заулыбались.

Нет, никогда мне их не понять.

В итоге мы с Охардом вернулись в кабинет, где застали сжигающего в камине письма Докерса и стоящего с задумчивым видом над кучей цветов шефа. При нашем появлении лорд Эйн обернулся, глянул на меня, на Охарда, нахмурился. Охард почему-то икнул, словно с перепугу.

— Проверяли чудодейственность воздействия обнаженной женской груди на мужчин, — сообщила я.

Шеф нахмурился сильнее.

Охард, совершенно побелев, от чего его кожа приобрела бело-зеленоватый оттенок, привалился к стене и начал сползать по ней.

— Последствия? — догадалась я.

Он, сжавшись, в ужасе смотрел на моего снежного лорда и на меня даже не среагировал.

— Пришлось для промывки мозгов засунуть его на третий этаж к прелестям, — пояснила я шефу окончательно. — Знаете — подействовало, он опять вменяемым стал.

— То есть это не твоя грудь в испытаниях участвовала? — уточнил Эйн.

— Нет. — Я вдруг поняла, что, кажется, даром Охарда наверх таскала. С другой стороны, лично у меня совершенно не возникало желания позволять жениху трогать грудь почетного личного секретаря.

— Ясно. — Шеф сегодня был краток. — А цветы откуда?

— А, Харнис лютует, решил склонить меня к вечной и чистой любви, — отмахнулась я и пошла дальше писать сценарий для коронации.

А шеф развернулся и направился к двери.

— А вы куда? — заволновалась я. — Вы и так урок по экономике пропустили, а впереди еще этика!

— Да так, пройдуся, — отмахнулось от меня начальство и покинуло свой и мой кабинет.

Он же у нас был общим. Кабинет в смысле. Кошмар, да, надо поговорить о выделении мне личного пространства.

Едва шеф ушел, Охард отлип от стены, но стоял как-то покачиваясь и с явным осуждением глядя на меня. В итоге с трудом выговорил:

— Ну ты... ну ты...

— Вся жизнь перед глазами пронеслась, да? — сочувственно поинтересовался Докерс.

— Не то слово! — выдохнул Охард.

— Вы вообще о чем? — не поняла я.

А эти взяли и ничего мне не ответили. Ну да не до них было — дверь распахнулась, и жаловаться на жизнь, точнее на неявившегося шефа, примчался учитель по этике. Пришлось сначала выслушать, а потом привлечь его к написанию сценария грядущей коронации, ну не разбрасываться же ценными кадрами.

Шеф вернулся где-то через час. Очень спокойный, чуть заметно улыбающийся, прошел, сел на свое место во главе стола, потянувшись, взял первую попавшуюся стопку бумаг, начал небрежно читать.

— Как прогулялись? — поинтересовалась я, расписывая сорок шестую минуту церемонии.

— Замечательно. — Шеф пребывал явно в приподнятом настроении, — Ты знаешь, Харниса встретил.

Ой!

Я напряглась, как и Охард, и Докерс, и даже ничего не подозревающий преподаватель по этике тоже явно почувствовал, что жареным запахло.

— И?.. — вопросительно протянула я.

— Дерганный он какой-то, — невозмутимо сообщил шеф. — Ты не поверишь, как увидел меня, начал стремительно выбивать себе зубы.

— О-о-о... — вырвалось из моего приоткрывшегося от удивления рта.

— Потом случайно сломал себе все пальцы на правой руке, чтобы больше тебе всяких идиотских посланий не строчить, — продолжил лорд Эйн. — И у него вдруг обнаружилась смертельная аллергия на цветы, клялся, что больше никогда не сможет отправить тебе ни одного букета.

Я сидела с широко распахнутыми глазами и все так же приоткрытым ртом.

— Да, — добавил шеф, глядя на меня кристально голубыми, честными глазами, — в довершение всего он несколько раз приложился лицом о перила и упал в неестественной позе с лестницы. Знаешь, я думаю, тебе лучше с ним больше вообще не общаться, он какой-то ненормальный.

У меня был ступор.

Зато Охард внезапно подскочил со стула и сделал громкое заявление:

— Виэль, помнишь, я говорил, что мы из разных биологических видов?

Переведя потрясенный взгляд на жениха, я уточнила:

— И что, это проблема?

— Непреодолимая, — как-то с нажимом заверил шеф.

— Мы расстаемся! — воскликнул Охард. — И чисто для протокола сообщаю — я ее ни разу не целовал, не лапал, обнимал только за плечи и исключительно по-дружески.

— А это вообще к чему? — не поняла я.

— Инстинкт самосохранения обязывает, — выдал он.

Я посмотрела на шефа, шеф с выразительной улыбкой на меня. Преподаватель по этике, Докерс и Охард вдруг как-то судорожно засобирались и решили свалить.

— Э, вы куда? — возмутилась я.

— Знаешь, у меня этот самый инстинкт самосохранения очень развит, — заявил Охард, выскакивая за двери.

— И у меня, — добавил Докерс, семена за ним.

— А мне просто уже пора, — заверил профессор.

И аккуратно прикрыл за собой дверь.

Мы с шефом остались наедине в нашем кабинете.

— Чем занимаешься? — любопытствовало мое начальство.

— Пишу сценарий для вашей коронации, — перебирая записи, оставленные спецом по этике, ответила я.

Профессор много чего полезного и важного понаписал. К примеру, указал на особенности обращения к представителям духовенства и светской власти, но меня сейчас больше другое волновало — Эйн узнал или не узнал?

— Мм-м... — смущенно начала я, — шеф, а Харнис вам ничего не рассказывал? И в целом как он отреагировал на ваше воскрешение?

— Удивился, конечно. Но поговорить толком мы не успели. Он был слишком занят. Собой.

Лорд Эйн рывком поднялся, подошел к окну, посмотрел свысока на снежную пустошь, обернулся ко мне, вздохнул и спросил:

— Ты не будешь возражать, если всех девиц сверху мы вернем в твое королевство? — И тут же пояснил причину своего предложения: — Раздражают.

Это да, раздражали они жутко, и опять же невесело, когда четыреста особей топают над головой, но:

— Девушкам требуется период реабилитации, шеф.

— Мне тоже, — сделал серьезное заявление начальник.

В принципе, наверное, да, все же практически смерть перенес, переродился в сэлда, опять же последние семь дней спокойствия перед

коронацией... Кошмар, у меня всего семь дней до коронации! А еще столько дел, столько дел!

И я вернулась к торопливому написанию сценария. Сценарий, это ведь только первый шаг, еще нужно искать декоратора, и да — обязательно жреца! Нормального, а не ту страхолюдину, что провалила коронацию Юалии.

— Шеф. — Я вскинула голову, натолкнулась на внимательно-задумчивый взгляд, кажется, все это время разглядывающего меня лорда Эйна, смутилась, покраснела, но дело превыше всего, и потому продолжила: — Шеф, нам нужен вменяемый жрец.

— Зачем? — лениво растягивая слова, спросило мое начальство.

— Для обряда! — воскликнула я. — Нам нужно, чтобы обряд коронации прошел на высшем уровне.

Почему-то начальство заметно скривилось, затем шеф грустно спросил:

— Виэль, ты в принципе способна думать о чем-нибудь кроме работы?

Я задумалась, вспомнила про Харниса и спросила:

— К слову, Харниса вы конкретно где встретили? — Просто подумалось, вдруг вокруг замка Эйна бродил.

Шеф нахмурился и прошипел:

— Так что там с коронацией?

— Ой, столько дел! — затараторила я. — Так что со жрецом? Мне желательно пять-шесть кандидатур на рассмотрение, и важно, чтобы я могла с каждым провести собеседование и отобрать наиболее достойного.

А шеф возьми и скажи:

— Хочешь тортик?

И тут я вспомнила, что уже вечереет, обеда не было, и я с завтрака совсем голодная.

* * *

За ужином шеф был молчалив и сосредоточен на кромсании ножом куска едва поджаренной рыбы под сливочным соусом. Я задумчиво ковыряла салат и игнорировала тортик, но держала его поблизости. Просто обстановочка была какая-то странная, но очень волнительная. Во-первых, мы с лордом Эйном ужинали в гордом одиночестве, никого из привычных сотрапезников не наблюдалось. Во-вторых, почему-то вместо нормального света на столе горело всего две свечи. В-третьих, на белоснежной скатерти

почему-то валялись лепестки алых роз, по-моему, это кто-то вынес осыпавшийся букет, а убрать после него не удосужился — придется побеседовать с прислугой, это никуда не годится! В-четвертых, стол был маленьким, и мы с шефом едва коленями друг друга не задевали, мне вообще пришлось максимально ноги под стул уместить. Нет, определенно навещу сегодня их подземное убежище, я им наглядно продемонстрирую что такое «мало места». И в-пятых, на столе присутствовали устрицы! Живые и шевелящиеся, и они попискивали!

— Они меня бесят! — вдруг сообщил шеф.

— Устрицы? — догадалась я.

— Угу, — подтвердило начальство.

— Я их есть не буду! — предупредила сразу.

— У меня тоже никакого желания. Пусть выбрасывают.

Устрицы разом притихли. Я посмотрела на устриц, они не знаю куда, глаз у них не наблюдалось.

— А кто вообще их додумался на стол поставить? — спросила я.

— Охард, — грустно сообщил шеф. — Он мне гарантировал стопроцентный результат.

— И как? — заинтересовалась я.

— Результата вот уже сорок минут как ноль, — печально призналось начальство.

Мы уже сорок минут трапезничаем? Посмотрела на часы и поняла, что таки да, потеряла кучу времени и толком не поела. Глянула на шефа... появилось четкое осознание, что без тортика никак. Отодвинув салат, притянула торт, сняла с его верхушки вишенку, съела, самым беспардонным образом облизнула пальцы. Лорд Эйн почему-то взял и отодвинул от себя рыбу, кажется, окончательно потеряв всяческий аппетит.

— Это вы зря, вам нужно есть и восстанавливать силы, — наставительно порекомендовала я.

Шеф почему-то стиснул зубы. И вдруг как-то неожиданно сорвался, да так, что в столовой вдруг завыл ледяной ветер, а сам лорд Эйн, перегнувшись через стол, а тот ведь совсем небольшой был, так что фактически нависнув надо мной, разъяренно прошипел:

— У тебя невероятным образом получается делать вид, что ничего не было, Виэль!

Он все узнал. Он узнал. Я сжалась, не зная, что сказать и вообще как преподнести столь изумительную новость, как наличие у меня короны, а шеф... Шеф, внезапно успокоившись, сел обратно, свел пальцы вместе и, задышав так, словно старается успокоиться, осведомился:

— Что ты помнишь о вчерашнем вечере, Виэль?

— Станный вопрос, — проводя пальцем по тортiku, ответила я, стараясь не вспоминать самое страшное во всей моей жизни — умирающего шефа.

— Я спросил! — начал давить лорд Эйн.

— А я ответила! И не надо вообще на меня давить, когда я злюсь! А я злюсь! Потому что отчетливо помню, шеф, как вы притащились домой, истекая кровью. А еще мне известно, что вы запретили драконам трогать Харниса. И вот с чего бы?

Нахмурился. Посмотрел на меня медленно краснеющими глазами и ответил:

— Я был убежден, что погибну. В этом случае убивать Харниса было нельзя, он, может, не лучший вариант правителя для Зандарата, но в случае моей смерти оставался единственным вариантом. Убей я его — мою страну накрыло бы волной междоусобных сражений и всеобщей грызней за власть.

Чисто технически шеф был прав. Но вот если субъективно смотреть, я категорически была против подобного поворота событий.

— В общем, мне все это надоело! — неожиданно заявил шеф, стремительно поднимаясь. — Иди сюда!

Я подскочила, но вот исполнять приказ даже не подумала. Подхватила торт и, отступая к двери, сделала важное, с моей точки зрения, заявление:

— Зря вы так с Харнисом, вот что ни говорите, а зря.

— Брось торт, Виэль, — приближаясь ко мне плавным движением, приказал шеф.

— Шутите? — возмутилась я. — Этой мой первый торт за день, и он мне жизненно необходим в условиях, когда вы ведете себя странным образом.

— Я веду себя странным образом? — почему-то сильно удивилось мое начальство. — Я прямолинеен, как никогда! Я был предельно откровенен с первой нашей встречи! Я... брось торт, я сказал!

Торт почему-то вдруг стал мне самым близким и родным, и, максимально бережно прижав его к себе, решительно ответила:

— Не брошу. И вообще, что на вас нашло, шеф?

Он остановился, развел руками, мол, да сколько уже можно, затем сложил эти же руки на груди, выпрямился, расправив плечи и странно глядя на меня, а затем отчеканил:

— В общем так, Виэль, я военный и буду по-военному прямолинеен — я хочу быть с тобой.

Тут уж я едва торт не обронила и резонно заметила:

— Но, шеф, вы и так со мной уже, а я давно с вами. В чем проблема?

Эйн вдруг зарычал. Вполне себе натурально зарычал, сделал шаг ко мне, я, естественно, отшагнула от него, а то со снежика станется — еще мой тортик совершенно случайно раздавит. Но снежный лорд сдержался, постоял пару секунд с закрытыми глазами, открыл их, выдав с ходу, что я опять его бешу, и, с трудом сдерживая раздражение, спросил:

— Виэль, припомни пожалуйста, что я тебе сказал при нашей первой встрече?

Старательная и исполнительная я тут же припомнила и даже озвучила:

— «В мою карету».

Эйн, изобразив удовлетворенный кивок, продолжил:

— А во вторую?

Вспомнила. Хорошо так вспомнила. После чего подошла к шефу, не примериваясь впаяла ему в лицо тортик, втерла поосновательнее и, отступив от окаменевшего начальства, язвительно сообщила:

— Помню, да.

Потом, конечно, неудобно стало, все же тортика жалко и вообще вроде бы как мы с шефом тот вопрос уже решили, и я вполне удовлетворилась разгромом снежниковского замка и...

— Родному шефу по морде тортом? — ожидаемо вспыхнуло начальство.

— Месть — блюдо, которое подается холодным, — осторожно отступая от испачканного лорда Эйна, громко заявила я.

— Да? А разгром моего замка в таком случае чем был? — стирая торт с лица и брезгливо стряхивая ошметки кондитерского изделия с пальцев, спросил шеф. — Пробой пера?!

— Скорее катаны, — не погрешила против истины я.

Но вообще из ситуации надо было как-то выбираться, и зря я ему в лицо торт втерла, нет, хорошим специалистам бесспорно полагается втираться, но желательно в доверие, а не в лицо тортом. А потому я вернулась к столу, взяла салфетку и, вернувшись, протянула ее начальству с самым невинным видом.

Шеф даже не шелохнулся, глядя на меня из-под измазанных кремом ресниц.

— Да берите же, салфеткой быстрее будет, чем руками, — вполне резонно заметила я.

Он стоял, все так же зло глядя и не шевелясь.

— Ну, шеф, — я подошла ближе на шаг, — ну извините, эмоции. Все

же мы с вами как-то не очень хорошо начали наши рабочие отношения.

И тут Эйн отмер и переспросил странным голосом:

— Рабочие отношения?!

И тут до меня наконец дошло. Вот все и разом. Вся неприглядная истина.

Отбросив салфетку, я сложила руки на груди и угрожающе поинтересовалась:

— Лорд Эйн, вас что-то не устраивает?

Ожидала я в ответ чего угодно, но желательно извинений, можно на коленях, и еще можно было бы услышать с сотню-две заверений в вечном уважении и восхищении. А получила взбешенное:

— Виэль, суть в том, что исключительно рабочие отношения конкретно с тобой меня никогда не устраивали, и я не скрывал этого факта.

Вот, значит, как, да? То есть пока мы сэльдом не были, нам секретарь очень даже требовался, а теперь мы великий и всемогучий селедка и мои услуги решили переквалифицировать в горизонтальную плоскость? Нет, так не пойдет.

Сделав шаг к родному руководству, я, руководствуясь исключительно негодованием, выпалила:

— Ни-ко-гда!

У лорда Эйна еще больше покраснел взгляд, и шеф гневно спросил:

— Никогда что?

Я уже собиралась было высказать, что никогда нашим отношениям не перейти в горизонтальную плоскость, и вообще я не опускаюсь до того, чтобы спать со своим шефом, и заодно про то, что никогда он от меня не отвяжется, и вообще роль почетного секретаря мне очень даже подходит, это определенно моя роль, как вдруг зазвенело зеркало.

Мое напоясное. Оно очень требовательно зазвенело и завибрировало. Настолько, что я тут же его достала и ответила вызывающему. А еще... ну тортик, точнее его остатки, на шефе очень аппетитно смотрелись и пахли просто умопомрачительно, поэтому, отвечая на звонок, я не удержалась, мазнула пальцем по щеке снежика, собирая остатки крема, и засунула палец в рот. Было действительно очень вкусно.

— И как? — спросил вдруг совершенно незлобно шеф.

— Няма, — ответила я, сильно удивляясь тому, что в другом зеркальце молчали и никто слова не говорил.

— Дай я попробую, — сказал неожиданно Эйн.

После чего взял палец, мазнул себя по щеке и, засунув в рот, начал старательно облизывать. И все бы ничего, вот только он держал мою руку,

моим пальцем собрал крем и соответственно мой палец сейчас облизывал!

— Крайне интересным образом вы используете наемную рабочую силу, — не могла не заметить я.

— Так гораздо вкуснее, — прикрыв глаза от удовольствия, заверил шеф.

Плотоядно посмотрела на его свободную руку, если конкретно, то на палец. Перехватив мой взгляд, шеф приподнял кремированно-глазурированную бровь и явно хотел что-то сказать, но тут из зеркала раздалось знакомым голосом истеричной матушки лорда Эйна:

— Развратники! И он, болван, остопоп, недоумок, и ты, ш...

Я спокойно перевернула зеркало, прерывая связь, после чего засунула его в карман, и все это в процессе тщательного и в то же время осторожного долизывания с моего пальчика остатков крема, после чего посмотрела на шефа. Вопросительно посмотрела.

Он на меня.

Не выдержав моего молчаливого осуждения, мрачно спросил:

— Что?

— Вы знаете, — осторожно отбирая у начальства свою длань, — давно хочу пообщаться с вашей матушкой.

— Зачем? — удивленно спросил он.

Удивление выглядело крайне комично, если учесть наличие на начальственном лице ошметков торта.

— Обсудить детали коронации, — ядовито улыбнулась я.

И тут лорд Эйн произнес:

— Моя мама умерла, производя меня на свет. Я стал причиной ее гибели. Леди Эйн мне мачеха, но так как она вторая жена отца, я вынужден называть ее в соответствии с этикетом. Сожалею, Виэль, мне и самому хотелось бы познакомить тебя с матерью, но, как видишь, это невозможно.

Я так и застыла, с приоткрытым от удивления ртом. Поразило не сказанное, поразила фраза Эйна «Я стал причиной ее гибели»... Он что, до сих пор винит себя?!

И тут шеф одним движением с применением магии лишил себя тортовой маски на лице, после чего прошел к столу, сел, посидел так, барабая пальцами по скатерти, и грустно произнес:

— Видимо, для нормального диалога мне стоит тебя для начала уволить. Что ты там говорила о зарплате?

Заученно отчиталась:

— Замок, ежегодный доход, отпусkanie всех девушек из Зандарата обратно домой...

В этот момент над нашими голосами раздался истерический визг: «Это моя подвязка для чулок!», и мы оба синхронно скривились, но я все же нашла в себе силы бодро продолжить:

— Отпущение нашего короля на свободу.

Шеф встал, печально посмотрел на меня и тихо сказал:

— Иди ко мне.

И я пошла, как замороженная, пряча смущенный взгляд и порозовевшие щеки. Подошла, близко-близко, Эйн нежно обнял.

Завыл.

Не шеф, буран.

И мы улетели... в спальню.

Я в первый миг, осознав, где мы находимся, смутилась еще сильнее, но шеф, оставив меня посреди спальни, сходил в гардеробную, вернулся с моей белоснежной шубкой, галантно помог надеть, сам завязал завязки впереди, накинул капюшон на голову, поправил выбившиеся волосы, заправив мне за ушки, улыбнулся с нежностью, которой я в нем даже не подозревала, вновь обнял.

Завыла.

Не я, вьюга.

Закружила, ослепила мелкими холодными острыми, как крохотные иголочки, снежинками, и нас понесло куда-то далеко.

В полете было холодно, но шеф обнял меня одной рукой поверх шубы, второй под нею, и эта его вторая так согревала, а еще была возможность уткнуться лицом в его грудь, чтобы спрятаться от жалящих снежинок. Летели долго. Минут пять, не меньше, а потом мягко опустились куда-то.

Я открыла глаза, отстранилась от начальства, огляделась. «Куда-то» оказалось деревенькой у подножия гряды гор. Деревенька выглядела сказочной — маленькие круглые белые домики, покрытые снегом, яркий уютный свет из окошек, дымок из труб, аромат чего-то вкусного, смешанный с запахом мороза, десятка два мелких белых собачонок, похожих на белоснежные меховые шарики, с заливистым лаем бросились к нам навстречу.

Рассмотрев поселение и почти добежавших до нас собачонок, я уже собиралась поинтересоваться у шефа, что это мы тут вообще делаем. Но начальство опередило вопрос, величественно произнеся:

— Надеюсь, ты сможешь узнать своего короля?

Я посмотрела на него, на подбегающих животных, и уточнила:

— Среди собак?

Удостоив меня мрачным взглядом, шеф пробормотал: «Будь оно все

проклято», — и направился в деревушку, проигнорировав подбежавших и весело запрыгавших вокруг нас собачонок. Естественно я устремилась вслед за руководством, изумленно озираясь по сторонам и рассматривая поселение. Здесь оказалось потрясающе, вот просто потрясающе. Наверное, я бы захотела тут жить, вот.

На залиvistый собачий лай из домиков начали выглядывать жители, ими оказались люди, причем все розовые, в смысле как я, в смысле моей расы. Эти люди выглядели счастливыми, довольными жизнью, их лица явно были привычны к улыбкам, и они улыбались до тех пор, пока... ну, пока не замечали шефа. А вот стоило им узреть снежного лорда, как улыбки сменялись жутким испугом, все прятались обратно в домики и следили за нами уже испуганными глазенками, выглядывая из окошек.

А шеф решительно вывел меня в центр деревушки и грозно спросил:

— Как там твоего короля звали?

— Э-э-э... — Если честно, я не помнила.

Точно вот знаю, что его дед носил гордое имя Борунас Метатель Первый, а вот как нынешнего короля... Нет, ну серьезно, ну где король и где мы!

— Ну?! — еще грознее потребовал ответа шеф. Проблема в том, что королевские указы подписывал его первый министр, Эллонкар ТабГода, и подписывал он их просто «Именем короля». А собственно, каким именем-то...

— Виэль? — начиная подозревать грядущие неприятности, произнес шеф.

— У меня память девичья, — тихо призналась я.

— Насколько девичья? — спросило начальство. Осознавая, что сейчас выкручиваться не время и не место, я бодро отрапортовала:

— В общем, он такой коротышка, у него нос огромный, глазки мелкие за щеками толком не видно, живот — во, — продемонстрировала беременность предродового размера, — и такие тоненькие ручонки, что как-то всегда в моем представлении с излишним жирком не вязалось, и...

Лорд Эйн на меня так посмотрел. Ну, так, что на секунду даже нехорошо стало.

А затем, повысив голос, возвестил:

— Всем мужчинам построиться.

Собачки от одного такого тона врассыпную бросились к домикам и там попрятались. На месте людей я бы тоже не высывалась, но они почему-то вышли, в смысле одни мужчины вышли, построились в три ряда — низенькие впереди, ну и дальше по росту, так, чтобы все были видны.

Они и были видны — отчего-то загорелые, в черных брюках и белых меховых безрукавках, подчеркивающих рельефы загорелых мускулистых рук. Все коротко стриженные. Все подтянутые. Все вроде суровые, но какие-то довольные. И среди них не было ни одного толстяка... Ни единого. Даже пухленьких не имелось.

— Вот черт, — растерянно пробормотала я, переводя взгляд с одного рудокопа на другого.

Рудокопы тоже переводили взгляды с меня на шефа.

— Ну? — любопытствовало мое начальство. — Кто из них твой король? Учти, выкупать всех безумно дорого, но десятка два я потяну.

Ох... Еще раз осмотрела всех — да не было тут толстяков! Ни одного!

И я уверенно сообщила лорду Эйну:

— Нашего короля тут нет. Или вас обманули, или у вас информация неверная, но точно могу сказать — ни один из них не король.

Шеф посмотрел на меня раздраженно, я на него уверенно. Из-за колодца, обнесенного снежно-кирпичным срубом, который находился шагах в пяти от нас, раздалось вдруг неожиданное:

— Король Геллена имеется в виду? Есть. Я его лично у лорда Эйна за семь золотых выкупил.

Мы посмотрели на колодец, колодец на нас не смотрел и вообще сделал вид, что его тут не присутствует. После шеф подчеркнуто вопросительно взглянул на меня, я на выстроившуюся толпу. Толпа безмолвствовала.

Сглотнув, я позвала:

— Ваше величество?

В ответ тишина, Нет, серьезно, тишина. То есть никто даже не откликнулся.

— Вот видите, — обратилась я к колодцу, — его тут нет.

Колодец никак не отреагировал, но из-за него вышел представитель подгорного народа, подошел к нам, встал, сложив руки на груди, почесал бороду, оглядел строй мужиков, пожевал губами, видимо пересчитывая, и уверенно заявил:

— Все тут, никого не ubyло.

Я посмотрела на строй, строй безразлично смотрел на меня, а из переднего ряда донеслось меланхоличное:

— Разойтись-то можно? Я чай не допил, остынет же.

— Сейчас-сейчас, — засуетился представитель подгорного народа. — Лорд Эйн, что-нибудь еще?

Мой шеф не ответил, мрачно глядя на меня. Вспомнила его

незабвенное: «Мы не убиваем тех, кто способен держать кирку в руках... Если ты своего короля в лицо помнишь, есть шанс отыскать его в соляных шахтах». Получается, если не помню, то шанса нет?!

— В-в-ваше величество... — снова позвала я.

А в ответ тишина, он вчера не вернулся из шахты... Ну в смысле он вернулся, но почему молчит-то? Может, не понимает, для чего его вообще ищут, и боится обозначить себя.

В общем, я сделала шаг от шефа и начала решительно и бодро:

— Уважаемый король Геллена, я ваша верная подданная, и я гарантирую, что мы явились сюда ради вашего освобождения и триумфального возвращения на престол Геллена!

Звучало, конечно, пафосно, но, по-моему, очень даже воодушевляюще, и я была уверена, что король сейчас отзовется. Была просто убеждена в этом! И уже собиралась склониться в реверанс перед монархом...

Но из строя рудокопов раздалось шокирующее:

— Да, счас!

Складываящая ноги для реверанса, я поскользнулась, едва не рухнув на ледяную площадь, благо шеф поддержал железной рукой, и потрясенно переспросила:

— Что?!

В ответ тишина.

— П-простите, что? — слабеющим голосом еще раз переспросила я.

И тут один из тех, что был позади, то есть самый высокий, гордо заявил:

— Юная леди, его величество не скрываясь обозначил свою позицию в отношении восстановления прав династии на престол. Если вам она не понятна, обозначу проще — нам и тут хорошо.

Я потеряла дар речи, одновременно нахлынуло отчаяние, и вообще слезы на глаза набежали. Я... я... а он... точнее они... а я...

И тут шеф произнес:

— Вон тот король, — и указал на одного рудокопа с первого ряда, который торопливо замотал головой, мол, «не я». Но лорд Эйн добил: — «Да счас» произнес именно он. Все, успокойся, лицо я запомнил.

И так сразу легко стало, приятно, когда шеф берет все на себя.

А лорд Эйн, повернувшись к задумчивому представителю подгорного народа, сурово спросил:

— Сколько?

— Полторы тысячи золотых? — на восходящих вопросительных нотках произнес представитель подгорного народа.

От такой наглости даже я дар речи потеряла, шеф же, скрипя зубами, напомнил:

— Вы у меня его за семь золотых приобретали.

— Таки да, — согласился мужик, — но я у вас его приобретал как рудокопа, а вы-то у меня его как короля купить собираетесь. Согласитесь, пятнадцать тысяч за короля целого государства, это очень даже заниженная цена.

— Согласен, — мрачно произнес шеф, даже не взглянув на меня. — Сколько за весь остальной аппарат управления Геллена?

Что?! Он сейчас что сказал?

— Так... так... так... стоп! — возопила я.

На меня недовольно посмотрели и Эйн, и представитель подгорного народа. Последний премерзко ослабил и посоветовал:

— Вас, девушка, не спрашивают, обалдевайте от щедрости вашего любовника молча и почтительно.

Зря он так.

Круто развернувшись, решительно подошла к нему и протянула руку со словами:

— Визль Мастерс, почетный личный секретарь лорда Эйна. Заслуженный работник, незаменимый помощник и ценнейший кадр, которого вы только что самым гнусным образом имели несчастье оскорбить. За такие оскорбления обычно платят кровью, уважаемый... Уважаемый кто?

Основательно сдвнувшись, подгорный представился:

— Энгус Таматар Бородач Топорович.

— Очень приятно познакомиться, — кивнула я.

Ну а после уже продолжила в том же ключе:

— За такие оскорбления обычно платят кровью, уважаемый Энгус Таматар Бородач Топорович. Вы готовы сразиться на дуэли с лордом Эйном?

— Это шутка? — с надеждой уточнил подгорный.

— Нет, я совершенно серьезна, — с самым суровым выражением лица сообщила я.

— Слушайте, — занервничал Энгус Топорович, — о каком оскорблении вообще идет речь?

— О смертельном. — Мое выражение лица стало еще суровее.

Мужик с надеждой глянул на шефа, надеясь, что тот развеет недоразумение, но шеф молчал, только глаза почему-то были красные, а еще взирало начальство исключительно на меня.

— Девушка! — воскликнул Топорович.

— Почетный секретарь Виэль Мастерс, — поправила я.

— Хорошо, пусть будет так! — негодуя согласился подгорный. — Почетный секретарь Виэль Мастерс, а что я, по-вашему, должен был подумать, заметив, как вы оба, нежно обнимаясь, заявили к моим шахтам?

— Что у нас тесное деловое сотрудничество, — наставительно сообщила я.

— Так именно «тесное» я и предположил, — заметил Энгус Топорович, и в чем-то он был, несомненно, прав.

Но только в чем-то.

— Вы меня смертельно оскорбили, — отчеканила я.

— Чем?! — возопил подгорный. — Предположением интимной связи с самым достойным лордом Зандарата?

Кое-кто явно пытался вывернуться. Не на ту попал:

— Умалением моих профессиональных достоинств! В общем так, я оскорблена. Шеф, этот подгорный хочет смерти!

Повернулась, посмотрела на шефа. Судя по взгляду лорда Эйна, он тоже бы от смерти не отказался, причем от моей. О чем он мне и сообщил, прошипев сквозь зубы:

— С удовольствием, дорогая.

То есть я все поняла правильно. А вот Энгус не понял и испуганно завопил:

— Подождите! Стойте! Не надо! — После задумчиво добавил: — К слову, кажется, сегодня с утра было объявление по всеобщей зеркальной связи о безвременной кончине уважаемого лорда...

На нас с подозрением посмотрели.

— Можете гордиться собой, вас убьет труп, — съязвила я.

Энгус Топорович посерел.

Я же, обернувшись к шефу, спросила:

— На какое число данного месяца внести в ваше расписание дуэль со смертником из подгорного клана по имени Энгус Таматар Бородач Топорович?

Шеф не ответил. Я вообще сомневаюсь, что он ответил бы, но вот Энгус был убежден в своей скорой смерти, а потому правильно оценил обстановку и угрюмо спросил:

— Сколько?

Ну вот, совсем другой разговор.

Развернувшись к владельцу соляных шахт радостно сообщила:

— Тысяча.

— Что? — едва не рухнул он.

— Слишком мало за вашу жизнь? — язвительно поинтересовалась я. — Оцениваете себя дороже?

Плюнув на снег, Энгус яростно посмотрел на меня и начал безбожно торговаться:

— Сто!

Я пожала плечами, мило улыбнулась и сказала:

— Две тысячи.

— Что?! — не поверил подгорный. — Деву... леди Виэль, боюсь, вы не знакомы с основами науки о торгах. Так вот вам сейчас полагается, как минимум, сказать «девятьсот», а не повышать ставки. Кто вообще так торгуется, скажите на милость?

— Я, — сделала гордое признание. — Три тысячи.

— Что?! —

— А будете упорствовать дальше, дойдем до десяти, — мило улыбаясь и хлопая ресничками, сообщила я.

Почесав бороду, Энгус задумчиво произнес:

— Это какая-то неправильная техника торгов.

— Мы, почетные личные секретари, используем именно ее. — Я была крайне горда собой.

Подгорный, осознав, насколько вляпался, осторожно предложил:

— Король и его советники подойдут?

— Нет!!! — раздалось из обалдевшего строя.

— Думаю, я возьму всех, — обрадовала я присутствующих.

Присутствующие банально утратили дар речи все и сразу, ну кроме шефа, который прошипел раздраженно: «Виэль!» И кстати, напомнил мне этим, что есть индивиды, определенно нуждающиеся в трудовом перевоспитании.

— Не грустите, — поспешила я утешить расстроенного Энгуса Топоровича, — я так думаю, дней через семь мы вам задарма продадим Харниса и его приспешников.

— Что? — переспросил лорд Эйн.

— Шеф, не нервничайте, — поспешила я его успокоить. — В конце концов, вы же не хотите иметь оппозицию под боком, а они точно поспешат перехватить наш прогрессивный опыт. Так что трудовое перевоспитание самое то будет, я серьезно.

— Лорд Харнис... — протянул, уже прикидывая размер мышечной массы названного, Энгус Топорович, — все его сторонники... — Бородач

даже заулыбался.

Я думаю, я бы тоже заулыбалась, там столь мускулистые экземпляры, что на них только пахать и пахать, в смысле рудокопить и рудокопить.

— Ладно, забирайте, — не прекращая лыбиться, произнес Топорович и передал лорду Эйну облачко пара.

Нет, серьезно, выглядело как облачко, подлетело к шефу и растворилось у его плотно сомкнутых губ. А губы у начальства были не просто сомкнуты, они у него побелели от гнева, и взирало начальство на меня очень-очень так мраченько. Я слегка занервничала, но потом сразу не до этого стало — лорд Эйн повернулся к рудокопам и произнес:

— Собрать домочадцев и вещи, и к проходу в ртутные пути. Пять минут.

И все молча, без возражений, бегом помчались к своим уютным домикам. На миг мне их стало жаль, даже самой не хотелось покидать это место, но только на миг, потом я подумала про Геллен, долг перед отечеством и вообще — король он или как? Хотя учитывая недавнее поведение, тут скорее «или как». Поглядела вслед убегающим, повернулась к шефу с желанием спросить, что дальше и... слова в горле застряли. Откашлялась, укоризненно сообщила:

— Нельзя же так на меня смотреть.

— Как? — ледяным тоном поинтересовался шеф.

— Как будто вы меня сейчас прибьете, — пояснила начальству.

— Близок к этому, — ничуть не шутя, сообщил он.

Я сглотнула.

— Чаю? — предложил представитель подгорного племени.

— С удовольствием! — обрадовалась я.

— Нет времени, — отрезал шеф.

Энгус Топорович кивнул и исчез за колодезным срубом, оставляя меня наедине с шефом. Мне, если честно, оставаться сейчас с начальством не очень хотелось, но только до тех пор, пока Эйн не спросил:

— Что у нас дальше по списку?

— По какому списку? — не поняла я.

И тут вернулся Топорович с двумя бокалами вина в руках. Один протянул мне, вторым чокнулся и, хитро улыбаясь, произнес тост:

— За обновление моих шахтерских кадров!

— Поддерживаю, — собственно поддержала я.

Мы выпили под суровым и неодобрительным взглядом лорда Эйна.

Я вообще думала всего глоток выпить, но глянула на шефа, перепугалась и допила все. Топорович тут же извлек из-под тужурки

запотевшую бутылку явно древнего винца и предложил налить еще, я не отказалась, у меня от одного вида начальства такая жажда возникала, любой житель пустыни позавидует. Ну а потом появились печальные рудокопы с не менее печальными детьми и женами, кстати, королеву нашу я вот сразу узнала, у нее волосы очень примечательные — голубые. Так что в полненькой даме явно в положении и с малолетним принцем на руках королеву я узнала, да. Реверанс сделать попыталась, но жена бывшего рудокопа на меня так глянула, что я поспешила и второй бокал допить.

Но не вышло, лорд Эйн молча отобрал у меня бокал, в который Топорович уже намеревался подлить, сунул подгорному с таким видом, что даже тот проникся плохим настроением моего начальства. А затем меня, крепко ухватив под локоток, уволокли к луже, которая оказалась тут же на площади, и, скомандовав шахтерам «За мной», шагнули в пошедшую рябью ртуть.

Вышли мы в столице Геллена, на королевской площади, собственно перед дворцом. Здесь лениво прогуливался десяток живых сугробов, мгновенно растерявших и лень, и медлительность при нашем появлении.

Вслед за нами из лужи повыходили уже бывшие рудокопы, среди которых я потихоньку узнавала министров, советников, многочисленную королевскую родню, генералов. Все стояли насупившись и с тоской поглядывали на лужу, из которой только что прибыли. И все молчали, кроме короля, который неожиданно завыл:

— Не хочу, не хочу, не хочу, не...

— А я сказал — марш править этой треклятой страной! — прошипел лорд Эйн.

Король мгновенно умолк, расправил плечи и гордой походкой повелителя направился по ступеням вверх ко дворцу. По этим же ступеням вниз сошло несколько снежных, в полнейшем изумлении глядя то на меня, то на шефа.

— С этой минуты страной правит король Геллена, — мрачно сообщил им лорд Эйн. — Возражения есть?

Возражений у снежных не было, они благоговейно взирали на меня и, видимо, были в курсе того издевательства, которое провернул сегодня зандаратовский лед над моей персоной.

— Вот и славно, что возражений нет, — обрадовалась я.

Шеф, одарив меня хмурым взглядом, отдал еще один приказ:

— В восточном крыле дворца устроить реабилитационный центр.

Снежные молча кивнули, только один, на котором был белоснежно-алебастровый мундир, то есть мужик явно к высшей иерархии

принадлежал, уточнил:

— Для этих?

Кого «этих», всем было ясно, даже не требовалось указывать на нестройную толпу рудокопов с домочадцами, следовавших за своим королем. И, к слову, многие потырили собачонок из снежной деревушки и теперь шли, прижимая к груди белоснежные, радостно виляющие хвостиками комочки.

— Нет, на этих магия подчинения, а приказ они уже получили. Для других, — как-то устало сказал шеф.

И молча потащил меня к луже.

Я сделала снежикам на прощание ручкой и свалилась в лужу, потому что потянули меня слишком резко.

Вышли мы в каком-то странном городе. Город был белым, искрящимся в свете луны и звезд, весь покрытый инеем.

— Столица, — просветил меня лорд Эйн.

И стремительно направился к ближайшему внушительному зданию, пояснив на ходу:

— Банк.

Двери перед нами распахнулись, стоило только к ним приблизиться. Мы миновали совершенно пустой вестибюль, подошли к одной из странных полукруглых кабинок, куда шеф втолкнул меня. Едва я села на сиденье перед круглым же столиком, сел сам напротив, мрачно осведомился:

— Что там еще было в твоих нагло вытребованных крайне завышенных ставках по зарплате?

Какая-то фраза такая, вообще к диалогу не располагающая. Но я, скорее из-за благотворного влияния вина, нежели из природной решительности, напомнила:

— Девушки, замок, зарплата, годовое содержание.

— Суммы? — холодно спросил шеф.

Вот чтоб я помнила...

Точнее хорошо, что не помнит он, и я безбожно завысила свои прежние требования:

— Сто пятьдесят золотых вознаграждение, то есть зарплата, сто годовое содержание!

Скривился. Заметно скривился, но спорить не стал. Извлек какую-то заостренную ледышку, стремительно вывел что-то прямо на столе, там возникла запись от кого-то другого, ответил. Затем написал еще много чего, в итоге завизировал что-то внушительной размашистой витиеватой

подписью. Столик странно скрипнул, после чего в его середине открылась панелька, откуда шеф достал три белоснежных гербовых листка.

— Замок, — он протянул мне первый лист, — сто пятьдесят золотых на твоём личном счету, — протянул второй. — Пятьдесят тысяч на сберегательном счету, с возможностью для тебя ежегодно снимать любую сумму, но не менее ста золотых. Пошли.

Мне сунули третий листок и стремительно поднялись.

Откровенно потрясенная я позволила себя увести, бережно прижимая к груди все три листочка. У меня не было слов.

Выйдя из банка, мы вошли в ближайшую лужу и появились уже в замке Эйна, где нас ожидала преудивительная картина — целый отряд снежиков хватал возмущающихся и сопротивляющихся девиц и отправлял в одну из луж. Шеф, никак не прокомментировав происходящее, и меня подвел к этой самой луже, после чего решительно шагнул в нее — мы вышли во дворце Геллена, где девушек подхватывали сестры милосердия ближайшего монастыря и провожали в покои. Комнат в восточном дворцовом крыле было куда больше четырехсот, так что тут места всем точно хватит.

— Реабилитационный центр, — с нажимом и обращаясь ко мне, сообщил шеф.

— Да, я поняла, — кивнула рассеянно, все так же прижимая листочки к груди.

Интересно, а мой замок, он какой?

— Я рад, что ты это поняла, — как-то зловеще произнес лорд Эйн.

И снова увлек меня к луже.

Вышли мы в замок шефа, я бы постояла и еще посмотрела, как девушек из Зандарата отпускают, но лорд Эйн повел меня вверх. Причем очень решительно.

И вот такой решительный и злой шеф привел меня почему-то в свою спальню. Где отпустил мой локоток, встал напротив меня, сложив руки на груди, и, сдерживая глухое раздражение, вежливо осведомился:

— Все ли ваши требования я выполнил, Виэль Мастерс?

Честно говоря, я в этот момент все думала, какой же замок заполучила. В выданном мне сертификате собственности значилась запредельная жилая площадь, сто двенадцать слуг, огромные подсобные помещения, три наземных этажа и много чего еще. Это оказался такой шикарный замок, чьей единственной владелицей отныне являлась я. Прямо даже не верится!

— Виэль! — напомнил о своем вопросе шеф.

— А? — растерянно посмотрела на него.

— Все ли ваши требования я выполнил, Виэль Мастерс? — на повышенных тонах повторил он.

— А?.. Да. — Я просияла счастливой улыбкой.

— Замечательно, — отчеканил отчего-то взбешенный шеф. — А теперь я скажу то, о чем мечтал уже очень давно, — ты уволена!

Растерявшись от такой новости, я переспросила испуганным шепотом:

— Что?

Шеф, ядовито улыбнувшись, милостиво повторил:

— Ты. Уволена.

Наверное, следовало принять это как факт, но мне стало дико обидно и я воскликнула:

— Да за что?!

— За все хорошее, Виэль. — Шеф оставался все так же зол.

Хотя злиться вообще-то следовало мне. Но тут шеф взял и продолжил:

— И так как на этом наши рабочие отношения закончены, перейдем к личным — я...

Договорить ему не дал мой возмущенный вопль:

— За что вы меня уволили? Да меня вообще никогда не увольняли! Да я лучший специалист в своем деле! Да я... я... я вам нужна!

— Даже спорить не буду, очень нужна, — как-то нехорошо произнес лорд Эйн.

И шагнул ко мне.

— Безумно нужна.

Рывок — и листки с моим состоянием полетели на пол.

— Нужна настолько, что у меня темнеет в глазах при одной только мысли о тебе.

Шубу он сорвал одним движением и отшвырнул прочь.

— Нужна, — теплые ладони обхватили мое лицо, притягивая к его лицу, — бесконечно нужна, а у меня осталось всего семь дней на то, чтобы быть с тобой. И я не хочу терять ни минуты, ни мгновения, ни одного твоего стоны в моих объятиях, ни единого поцелуя.

И злую, а кто бы не был злой после несправедливого увольнения, растерянную от его действий и в целом потрясенную, меня поцеловали. И я попыталась вырваться, вернуть себе возможность говорить, в конце концов, и вообще заставить неменяемого шефа прекратить все это, но... Но ладони, упершиеся в грудь снежного лорда, почему-то скользнули вверх, обвивая его шею, дыхание потерялось, едва он оказался ближе, хотя куда уже ближе, и пальцы запутались в длинных белоснежных прядях, а губы

горели и сладко ныли от каждого прикосновения моего бывшего начальства. И разом, словно волной, нахлынуло воспоминание о том, вчерашнем поцелуе в моей разгромленной, засыпанной снегом и ошметками мебели тюрьме после...

Через мгновение Виэль Мастерс упала в обморок. Ну как упала — пасть к своим ногам лорд Эйн мне не позволил, подхватив сильными руками, но обморок в любом случае наличествовал, правда фальшивый. Мне нужно было подумать, имитация обморока самый верный способ выгадать толику времени.

— О льды, опять?! — простонал снежный лорд.

«Не опять, а снова», — мстительно подумал его бывший секретарь, несколько нервно размышляя на тему, а что будет дальше. Нервировала мысль, что лорд Эйн воспользуется моим состоянием и продолжит начатое, с другой стороны, я понадеялась на его благородство. И не зря.

Расстроенный шеф, уже бывший шеф, отнес меня на кровать, бережно уложил, затем осторожно начал разрывать шнуровку моего платья. И вот только я напряглась, собираясь закатить для начала пощечину, а для продолжения истерику, как лиф платья оставили в покое, видимо, его порвали, просто чтобы мне было проще дышать. Затем с меня аккуратно сняли сапожки, погладили ножки... с тяжелым вздохом, опустили юбку. А после шеф сел рядом, протянул руку, погладил по щеке, коснулся губ, скользнул пальцами по подбородку, шее, дошел до груди, притронулся едва-едва, убрал руки, простонав сквозь зубы.

А до меня вдруг неожиданно дошло!

И, распахнув ресницы, я посмотрела на вздрогнувшего от неожиданности лорда Эйна и требовательно спросила:

— Что значит «У меня осталось всего семь дней на то, чтобы быть с тобой»?

Приподнялась на локтях, прикинула, что мне известно из связанного с семью днями, поняла, что это точно замешано на объявлении льдами о явлении сэльда, и, прищурившись, переспросила:

— Всего семь дней? А что будет потом?

Лорд Эйн нехорошо так прищурился в ответ, видимо, сообразил про притворный обморок, но все же снизошел:

— Я не смогу более прикоснуться к тебе.

— Что? — Нет, я сейчас чего-то не понимаю или как?

Но шеф явно не имел никакого желания продолжать диалог на данную тему и перешел к той, которая, видимо, живо интересовала его:

— Я хочу тебя. Безумно. С того момента, как увидел.

Он резко выдохнул и, подавшись ко мне, продолжил срывающимся голосом:

— А ты бесишь, Виэль! Ты меня постоянно бесишь! То побег и невероятная по своему идиотизму попытка прикрыться сыночком градоправителя! То разгром моего дворца! А то шедевральный по своей запредельной наглости найм на работу и убийственное: «С начальством я не сплю!» Я думал, справлюсь. Пытался переключиться на других — не вышло. Старался, правда, старался не думать о тебе как о женщине... Ты прекрасный секретарь, твоя помощь бесценна, и то, что нам удалось сделать, невероятно по своей сути... Но ты... Ты! Я благодарен, Виэль, правда, но... Я хочу быть с тобой. Я так хочу быть с тобой! Не как шеф, работодатель или твой лорд. Как мужчина, как тот единственный, кто может прикасаться к твоим губам, срывая стоны наслаждения и упиваясь каждым из них.

Последнее слово вырвалось со стоном, и лорд Эйн замолчал, глядя куда-то в район разрыва на моем платье. В смысле беззастенчиво уставился на грудь бывшего секретаря. Секретарь в это время тяжело дышал и хотел сказать что-то... хоть что-то... хоть...

— Я вас не хочу, — сказала в итоге.

Получила грустное:

— Хочешь, Виэль. Ты очень успешно сопротивляешься собственным желаниям, и я уважаю тебя за железный самоконтроль, но будь откровенна хотя бы перед собой — хочешь.

Посмотрела на шефа большими честными глазами. Поняла, что нет, таки не хочу. Взгляд скользнул по его скулам, губам... Что-то такое шевельнулось внутри, затаилось сладким предчувствием, наполнилось томлением ожидания, разлилось по телу вязкой патокой тепла... Я прикусила нижнюю губу, посмотрела в глаза снежного лорда, сейчас медленно краснеющие, и решила, что его бездумный поступок с моим увольнением еще ничего не значит. Как уволил, так и примет обратно. Собственно об этом и сообщила:

— Вам придется взять меня обратно.

— Взять тебя я готов в любой момент, что касается найма на работу — нет, — зло сообщил лорд Эйн.

Негодующе посмотрев на него, раздраженно напомнила:

— Между прочим, вам даже некому поручить организацию коронации!

— К проклятым льдам коронацию, Виэль! — взбесился окончательно шеф. И навис надо мной, вынуждая улечься обратно на подушки, да и вообще вжаться в них. — Я не хочу коронацию, я хочу тебя. Я до безумия

хочу тебя! Хочу прижаться к твоим губам, разорвать к айсбергам это платье и вдохнуть аромат твоей кожи! У меня все мышцы сводит при одной мысли об этом! Я как безумный раз за разом представляю, как опрокину тебя на стол, вместо того чтобы смотреть, как ты занимаешься бумажной работой. Или на обеденный стол, смахнув к бурану всю посуду на пол. Или вот так, на собственной кровати... Но ты против, Виэль! А я слишком благодарен тебе, чтобы принуждать. Даже если безумно хочется наплевать на все твои дурацкие правила и последние оставшиеся дни упиваться каждым мгновением с тобой...

И тут я прервала его эмоциональный монолог, уточнив:

— Последние оставшиеся дни? А что будет потом?

Шеф убрал руки, сел и тихо сообщил:

— Для меня не будет потом.

И так как я несколько утратила дар речи, тихо продолжил:

— После того как льды пропоят мое имя, я стану опасен для тебя. И поэтому не хочу, чтобы ты присутствовала ни на моей коронации, ни в дальнейшей жизни... Слишком велика угроза, что однажды не сдержусь, дотронуся и... Не хочу даже думать об этом! О тебе я позаботился, у тебя остается замок, внушительное содержание. Сможешь выйти... 3-3-замуж... — Его кулаки с силой сжались так, что все вены проступили.

Так как я была в полном шоке, я решила, что:

— Мне срочно нужен тортик.

Шеф отреагировал взбешенным:

— Мне срочно нужна ты!

Он снова навис надо мной, удерживая собственное тело на напряженных вытянутых руках, в глазах пульсировал гнев, губы сжались и побелели, на скулах танец ярости вытанцовывали желваки, волосы, до того собранные в хвост, сейчас частично падали на его бледное лицо, придавая облику шефа нечто демоническое, а я...

Я хотела торта.

Мне за едой лучше всего думается, а сейчас следовало подумать, причем очень хорошо подумать. Во-первых, прежде начальство меня не домогалось, во-вторых...

— Почему нет, Виэль? — вдруг тихо спросил шеф, в смысле уже не шеф, он же меня уволил. — Я пытаюсь понять, действительно пытаюсь и не могу. Почему ты против? Да, я солдат, а не какой-нибудь дамский угодник вроде Харниса, и не умею запудривать мозги любовными посланиями и прочим бредом, но поверь, в постели со мной никто и никогда не оставался разочарованным...

— Кроме простыней, подушек и одеял, — почему-то буркнула я.

Нет, все понимаю, но представилась мне вереница баб-с разных видов и рас, и все крайне довольные утопывают от не менее довольного шефа!

— Что? — переспросил лорд Эйн.

— Вы продолжайте, продолжайте, — отчего-то зясь, произнесла я, — сколько их там в вашей постели перебивало, довольных вашей солдатской стойкостью? Ну же, мне даже интересно стало!

Снежный лорд опустил голову, тихо выругался, встал, развернулся и вышел.

— И куда это вы? — поинтересовалась я.

— За тортиком! — прошипел лорд Эйн — Раз уж ты его так хочешь!

Я бы поверила, но так он это сказал, что мороз по коже пробежался, и я дожидаться шефа не стала. Поднялась, зло на кровать глянула, в которой вот прямо-таки все никогда не оставались разочарованными, и пошла к себе, пиная по дороге все, что под ногу попадалось. Статуи там, которые после прошлого раза выжили, двери, что не желали сразу открываться.

Спустилась к себе, замерла прямо на лестнице — тут в общем ночевать не представлялось возможным, снег все так же лежал вперемешку со льдом, от моей кровати только обломки остались, трон ледяной сверкал издевательски и да — было зверски холодно. Вот что за гадство?!

Потопала обратно, вспомнив, что дарственную на замок, сведения о вкладах на мое имя и еще одну бумаженцию с моим годовым содержанием забыла в спальне у бывшего начальства.

Поднялась на второй этаж, обнаружила лорда Эйна, державшего на раскрытой ладони симпатичный торт и озирающегося явно в поиске моей персоны.

— Вопрос, — останавливаясь на лестнице, шагах в пятнадцати от снежного лорда, начала я, — а где мой замок, ну который вы мне презентовали в качестве выходного пособия?

Он молча и выразительно обвел рукой окружающее пространство.

— Что? — потрясенно переспросила я.

Раздраженно вздохнув, лорд Эйн пояснил ледяным тоном:

— Этот замок, Виэль. Я отдал тебе свой замок, все равно мне он больше не понадобится.

Вот так новости.

— Тортик, — с явным намеком произнес мой бывший шеф.

Но я оставалась стоять на лестничном пролете, держась рукой за перила, и, напряженно хмурясь, смотрела на шефа. Пусть и бывшего, но все равно же шефа. Мне в общем все это как-то не понравилось. Все эти

намеки на то, что случится через семь дней. И теперь вот замок.

— Тортик, Виэль, — повторил лорд Эйн.

— Шеф. — Да, уже не шеф, но что это меняет? — Шеф, я не поняла... Почему это вам замок больше не понадобится?

Вместо ответа лорд Эйн распахнул дверь в свои покои и сделал приглашающий жест.

— Это означает, что вы не будете мне ничего рассказывать? — спросила я.

— Это означает, что разговор предстоит долгий, — устало сказал он. — Идем, Виэль. Ночевать тебе все равно негде, от твоей тюрьмы мой оборот оставил одни клочки и щепки, а наверху помещений, пригодных для обустройства спальни, пусть даже временной, не осталось — спасенные тобой девы, не иначе как продемонстрировав свою искреннюю благодарность за спасение, разгромили все, до чего только добрались их шаловливые, но тоже явно желающие отблагодарить тебя пальчики.

Выслушав его тираду, я уточнила:

— Это вы сейчас надо мной издеваетесь?

— Скорее тонко иронизирую. Идем, Виэль.

— Предлагаете мне ночевать у вас в спальне?! — возмутилась я.

— У тебя не было причин для жалоб прошлой ночью, — философски заметил лорд Эйн. — Но если так настаиваешь, я прикажу постелить тебе на диване в гостиной. Идем, ты же хочешь узнать, почему я отдал тебе свой замок?

Узнать действительно хотелось, и я, отпустив перила, пошла в радушно распахнутые двери. В гостиной и оружейной шеф останавливаться не пожелал и, проведя меня обратно в свою спальню, скинув сапоги, уселся на кровать, скрестив ноги. Посмотрев на меня, похлопал по покрывалу, предлагая мне сесть. Пожав плечами, я разулась, подобрала юбки и устроилась на постели в той же позе, что и бывшее начальство. Лорд Эйн поставил торт прямо на покрывало, из кармана достал две ложечки, одну из которых вручил мне, и, сковырнув немного крема с МОЕГО тортика, внес неординарное предложение:

— Ответ за ответ, Виэль. Ты спрашиваешь — я отвечаю, затем я спрашиваю — следует твой ответ. Кто начинает?

Начал вообще-то он, покусившись на кремовую снежинку, — произведение вкусного искусства. Но это не отвлекло меня от сути разговора, и, сковырнув другую снежинку, я начала:

— Так почему вы отдаете мне этот замок?

Облизав свою ложечку, лорд Эйн вздохнул и сообщил:

— После того как льды пропоют мое имя, единственное место, где я смогу жить — ледяные чертоги. Теперь моя очередь.

Пришлось кивнуть.

Шеф, прищутив глаза и пристально глядя на меня, взял и выдал:

— Почему ты отказываешься от того удовольствия, что я недвусмысленно тебе предлагаю?

Вот так вопрос. Я, в этот момент как раз запихнувшая в рот ложку с очередной порцией тортика, едва не подавилась. Но, мужественно сглотив толком не прожеванный кусочек белкового коржа, переспросила:

— Что?

— Ответ за ответ, Виэль, — напомнил мне о правилах игры лорд Эйн.

Я... я...

— Так, я не поняла, вы чего сейчас добиваетесь? — грозно спросила я.

— Это вопрос, — едва заметно улыбнувшись, сказал шеф. — Я с удовольствием отвечу тебе на него, но лишь после того, как услышу твой ответ.

Идея вот так посидеть с ним тут и поесть тортика начала стремительно терять свою привлекательность.

— Ну? — прозвучало нетерпеливое.

Я подавила желание попросить его повторить вопрос и произнесла:

— Удовольствие, значит?

Шеф кивнул, причем кивнул совершенно серьезно, ни секунды не сомневаясь, что речь идет действительно об удовольствии и не более.

— Ну, — вопреки праведному гневу, который я точно испытывала, почему-то смутилась и добавила невнятно: — Я не считаю это таким уж удовольствием.

Шеф не поверил. Серьезно не поверил, смотрел на меня несколько изумленных мгновений, после чего кивнул, принимая мой ответ, и произнес:

— Твой вопрос.

Отломав ложечкой еще один кусочек тортика, постаралась собраться с мыслями и спросила:

— Что значит единственное место, где вы сможете жить? А в других местах вам будет не по чину, или я чего-то не поняла?

Лорд Эйн тяжело вздохнул и негромко сообщил:

— Сэльд — это не просто титул, Виэль, это нечто гораздо большее, дающее невероятную власть, но вместе с тем и превращающее носителя в стихию. В ледяную стихию. В первые годы держать ее под контролем достаточно сложно, поэтому рядом с сэльдом небезопасно находиться

живым существам, кроме ледяных драконов. Теперь мой вопрос.

Я, завороченно слушающая его слова, вздрогнула и неуверенно кивнула, все еще пытаюсь постигнуть масштаб предстоящих изменений для лорда Эйна.

И он спросил:

— И почему же ты не считаешь это удовольствием, Виэль? — На сей раз я уловила и хитрый прищур, и коварный блеск в глазах.

Закашлялась.

Попыталась было ответить...

Аппетит к торту пропал напрочь почему-то, и... и я не знала, что в целом сказать в ответ на такой вопрос.

— Дай руку, — внезапно требовательно приказал лорд Эйн.

Протянула без слов и задних мыслей, и зря! Потому что шеф, ну хорошо — бывший шеф, взял мою ладонь, развернул тыльной стороной вверх и, пристально глядя мне в глаза, медленно, очень медленно наклонился, чтобы прикоснуться к раскрытой и совершенно беззащитной ладошке губами. И не просто так прикоснулся, а чувственно, проникновенно поцеловал так, что у меня по всему телу дрожь прошла, дыхание перехватило и... замерла я под его испытующим взглядом.

— Приятно? — скрывая улыбку и снова касаясь губами моей ладони, спросил шеф.

Я невольно кивнула, как завороченная глядя на него.

— Вот видишь, — лорд Эйн скользнул губами выше, прикоснулся к тонкой коже на запястье, чувственно очень, так что я снова вздрогнула всем телом, — это удовольствие, причем лучшее из всех существующих удовольствий.

— А... а тортик? — слабеющим голосом спросила я.

— Даже близко не сравнится, — заверил меня шеф, прикрыв глаза и продолжая целовать мою руку. Медленно, завораживающе. Так, что я растеряла все слова и потрясенно следила за его действиями, даже не подумав о том, чтобы это прекратить.

Прекратил сам лорд Эйн, опустив, но не отпустив мою руку, и, вырисовывая незримый узор на моей безвольной раскрытой ладони, произнес:

— Твой вопрос.

Мой вопрос?.. Я как-то невероятным образом позабыла, о чем вообще был разговор, и, с трудом приводя мысли в порядок, попыталась вспомнить. Вспомнила. И задала вопрос:

— То есть, став сальдом, вы... вы...

— Уже не смогу прикоснуться к тебе, — глядя в мои глаза, тихо произнес лорд Эйн.

— И у всех сэльдов такой монашеский образ жизни? — поинтересовалась, млея от касаний его длинных пальцев.

Какой-то странный взгляд, словно лорд Эйн хотел что-то сказать и не решался, но вот на вопрос он ответил:

— Сэльд вступает в права власти в паре с супругой. Ее берегут льды.

— Ага, — я попыталась высвободить руку, но шеф удержал, — то есть нам нужно найти для вас жену в кратчайшие сроки, я правильно понимаю задачу?

Лорд Эйн разжал пальцы, выпуская мою ладонь из поистине упоительного плена, и, глядя в сторону, мрачно выдохнул:

— Ничего ты не понимаешь.

Он глянул на меня исподлобья, вздохнул, затем вдруг резким жестом сдвинул торт в сторону, придвинулся ко мне, отобрав ложку, взял обе мои руки в свои ладони и, глядя мне в глаза, произнес:

— Дай мне семь дней, это все, что у меня есть сейчас, Виэль. Дай мне эти семь дней и... ночей, чтобы я мог убедить тебя остаться в этом замке и подождать меня те несколько чудовищно долгих лет, пока я буду обязан держаться от тебя подальше.

— Что? — Я, кажется, уже ничего не соображала.

— Я должен доказать, что лучший, — взгляд шефа из снежного стал каким-то предгрозовым, — должен... Я не смогу уйти спокойно, осознавая, что ты с присущим тебе упорством возьмешься за очередное ничтожество, которое вознамеришься назвать своим мужем.

Неожиданно в двери постучали. Я вздрогнула, попыталась вырваться из плена его взгляда, его ауры, его... собственно его, лорд Эйн же просто спросил:

— Что?

Дверь приоткрылась, но никто так и не вошел, а затем Охард произнес:

— Лорд Эйн, к вам представители всех родов и...

— Пусть проваливаются.

Охард там помялся за дверью и несколько неуверенно произнес:

— Это по поводу сэльдины.

У меня сердце дрогнуло почему-то.

Но шеф, все так же не отводя от меня взгляда, ответил:

— Я не меняю своих решений. Главы рода уже были поставлены в известность по поводу того, что выбирать сэльдину я не намерен. Если они явились с надеждой переубедить меня — совершенно напрасно. Это все.

— Да, господин. — Охард закрыл дверь, так и не заглянув даже.

И бросив меня в плену не совсем вменяемого шефа. Да что там «не совсем» — невменяемого, и точка.

— То есть главы родов в курсе? — тихо спросила я.

— Со времени моего перерождения прошли сутки, час назад они получили письма с новой информацией, несколько минут назад на их символах рода появился знак подчинения мне. Да, они в курсе. Не отвлекайся, Виэль, это все сейчас совершенно не имеет значения.

Значение, судя по его взгляду, имела я. И только я. И чувствовала я себя от этого крайне неуютно. И да, решила спросить:

— А если я откажу, вы измените свое решение и возьмете сэльдину?

Взгляд шефа стал каким-то вконец предгрозовым, но он мне все равно ответил:

— Нет, Виэль. Если ты мне откажешь, я мучительно проживу годы становления силы, а затем вернусь и докажу, как ты была не права.

У меня замерло сердце. Замерло, а затем ускоренно забилося.

А лорд Эйн, склонился ко мне и выдохнул:

— Шесть.

— Что? — переспросила, не понимая.

— Ты задала шесть вопросов, я ответил. Твоя очередь отвечать, Виэль.

У меня внезапно появилось стойкое ощущение нахождения в ловушке, причем стойкость ощущению придавало чувство, что я сама себя сюда загнала. Даже сказать мне было нечего, просто кивнула.

Лорд Эйн улыбнулся, протянул руку, поправил прядь моих волос, заправив за ухо, и едва слышно спросил:

— Ты считаешь тортики лучшим из удовольствий?

— Да... — Голос дрожал.

— Почему?

Идиотский диалог, но я ответила, и даже честно:

— Они сладкие.

На губах лорда Эйна заиграла загадочная улыбка, и, подавшись ко мне, он произнес:

— Дай мне шанс, Виэль, и я докажу, насколько мало ты знаешь о том, как бывает сладко. Насколько может быть сладко. И как мизерно ощущение сладкого на языке в сравнении с ощущением сладости во всем теле.

И вот он же только сказал, а у меня внезапно сладко заныл почему-то живот. И если бы только он...

— Еще четыре, — произнес шеф.

— Что? — Я уже ничего не соображала.

— Вопросы. Осталось четыре, — поставил в известность лорд Эйн.

У меня было какое-то предобморочное состояние, даже кивнуть сил не осталось. Я едва дышала, глядя в его глаза, не в силах отвести взгляд, и не могла даже пошевелиться.

Шеф же вновь протянул ладонь, провел пальцами по моей щеке, спустился и коснулся приоткрытых губ, вновь посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

— Сколько мужчин прикасались к твоим губам?

Замерла, удивленно глядя на снежного лорда. Но честно ответила:

— Трое.

Его взгляд потемнел, но следующий вопрос прозвучал ровно:

— Тебе нравилось?

Внезапно захотела, чтобы все эти вопросы закончились! И все же ответила:

— Да. С одним из них.

В глазах лорда Эйна стало на порядок темнее, а вот вопрос он задал искушающе тихо:

— Опиши ощущения.

Гулко сглотнув, попыталась быть честной, и в первую очередь сама с собой. Закрыла глаза, ответственно пытаюсь вспомнить... Поцелуи были, но вот самым ярким из них для меня всегда оставался тот, после помолвки с Закари. Когда он провожал меня домой через городской парк, остановился возле кустов цветущих и дурманяще пахнувших роз, обнял, склонился к моим губам и... Ощущения?

— Счастья. Тихого, завораживающего счастья. Тепла в груди. Замирающего сердца. Словно стоишь на краю чего-то удивительного и неизведанного. Осознание правильности происходящего. Желания замереть и сохранить в памяти этот миг...

— Неправильные ощущения, — усмехнувшись, произнес лорд Эйн.

Распахнув ресницы, недовольно посмотрела на него и в сердцах спросила:

— И почему это неправильные?

Но вместо того, чтобы ответить, снежный лорд, подавшись ко мне, прошептал:

— Закрой глаза, Виэль.

Кто бы мне объяснил, почему я подчинилась без слов, возражений и даже возмущенных мыслей. Просто сомкнула ресницы и вздрогнула, едва ощутила прикосновение к своим губам. Осторожное, чарующе-нежное, мимолетное, сменившееся ощущением теплого дыхания на занывшей от

ожидания и предвкушения коже. И дрожь по телу, отзывавшаяся сладкой истомой, едва я почувствовала еще одно прикосновение его губ к моим... Осторожное лишь в первый краткий миг, а затем ставшее решительным, уверенным, лишенным сомнений и лишающим дыхания. Прикосновение, спугнувшее все мысли, заставившее сердце забиться в неистовом темпе, вырвавшее стон, и даже не один... и... вдруг ставшее вновь нежным, едва осязаемым.

— Как ощущения? — сквозь гулкое биение моего сердца донесся до меня голос лорда Эйна.

— К-к-какие ощущения? — тяжело дыша, спросила я и открыла глаза.

Он улыбнулся и, вновь склоняясь ко мне, прошептал:

— Правильные.

О, они были такие... правильные... но больше упоительные, дурманные, сводящие с ума, лишающие мыслей, ощущения пространства, реальности происходящего, лишающие всего... Лишь оглушающий грохот сердца, сильные руки на охваченном истомой теле, губы, отбирающие дыхание...

В двери не стучали — туда бились со всей силы, и этот грохот в какой-то момент стал громче биения моего сердца и срывающегося дыхания лорда Эйна, который целовал, целовал и целовал меня так, что я давно и как-то совершенно естественно перетекла к нему на колени и теперь таяла, сжатая такими сильными руками. И одного движения этих рук хватило для того, чтобы вновь, забыв обо всем на свете, я отдалась упоительным поцелуям снежного лорда. А он, задохнувшись от осознания моей готовности продолжать и неготовности останавливаться, резко выдохнул, стремительным движением уложил меня на постель, с нескрываемым восторгом взглянул в мои затуманенные происходящим глаза и вновь приник к губам... О, какой же это был поцелуй! Поцелуй, от которого стало так сладко, так нежно, так здорово, что хотелось бы петь, если бы не невероятная, страстная потребность продолжать, продолжать и продолжать... Таять от того, как он ласкает мои губы, возвращать в ответном поцелуе весь вихрь подаренной им нежности, выгибаться под шквалом неистовой страсти, самозабвенно целоваться и предвкушать продолжение, к которому шеф явно стремился, скользя по моему телу пальцами руки, свободной от обнимания меня же с целью прижать посильнее.

И в этот упоительный момент двери слетели с петель!

Мы оба, тяжело дыша, повернули головы и узрели явившуюся в гневе и ореоле сверкающих искорок Юалию, которая явно пребывала в ярости. И

вот эта яростная мегера открыла рот и...

— Третьей не берем! — слегка осипшим голосом произнес кто-то.

Лорд Эйн с удивлением посмотрел на меня, и стало ясно, что отрицать очевидное бессмысленно, в том смысле что да, это я сказала, и еще... еще...

— Ты самый красивый мужчина на свете... — прошептала я, откровенно утонув в его невероятных глазах цвета предгрозовых облаков.

— Правда? — с удивленной хрипотцой спросил он, теряя связь с окружающим миром.

— Правда... — ответила, тоже теряя мир и потянувшись к его губам, которые были неплохой заменой всем вселенным.

И он потянулся ко мне, наши губы встретились, наше дыхание вновь стало единым, моя рука вернулась к пропусканию прядей его волос между дрожащими пальчиками, его к ласканию моей щеки, и...

— Не смей! — завизжал кто-то, срываясь на фальцет.

А мы срывались в пропасть наслаждения, где не было, совершенно не было места посторонним. И лорд Эйн, вызвав мой протестующий прерыванием поглаживаний стон, протянул руку в сторону распахнутой двери... Завыл ледяной ветер, дверной проем начал стремительно обрастать льдом, закрывая нас от взбесившейся Юалии, которая опустилась до:

— Да как она смеет!

— Я твоя невеста, завещанная отцом...

— Ты клялся...

— Где мой Харнис?!

— Ты избил моего мужа!

— Ты должен жениться на мне, ты давал слово!

Она что-то явно еще кричала, но уже не было слышно, и видно тоже не было — на месте дверного проема находился выросший в стену айсберг, и снести его вряд ли кто-то вообще был способен, что меня в данный миг очень порадовало. Единственное, чего ну просто не могла не спросить:

— Шеф, вы избили Харниса?

Он, вернув на место руку, которой полагалось гладить меня, а не отвлекаться на всяких истеривших диаметрально противоположными требованиями, провел пальцами от моего виска, по щеке, контуру подбородка, шее и ниже, так что я затаила дыхание, коснулся моей груди, взглянул мне в глаза и произнес:

— Забудь.

— Забыла, — с готовностью согласилась я.

Лорд Эйн просиял совершенно довольной улыбкой, за которой пряталось восторженное счастье, и спросил:

— На чем мы остановились?

— Ты целовал, — прошептала я, — вот здесь... — и указала на губы.

Судорожно выдохнув, снежный лорд задал тихий вопрос:

— А я могу еще что-нибудь поцеловать?

— Оу... — Я почувствовала себя заинтригованной. — А что же еще ты хочешь поцеловать?

И получила дико соблазнительный ответ:

— Тебя. Всю...

Нет, ну вот что можно сказать на подобное? Махнув рукой, я расщедрилась на уверенное:

— Нет!

Пожав плечами, снежный лорд, приныкая к моим губам, прошептал:

— А я настойчивый, Виэль.

— А я... я... — порываясь сказать в перерывах между улетными поцелуями, — я такая вредная...

— Знаю, Виэль, — обрадовал он, заставляя забыть обо всей моей вредности одним своим поцелуем.

Одна проблема — он о своей настойчивости не забывал ни на миг, и в какой-то момент я обнаружила, что вновь сижу на коленях лорда Эйна, а платье давно расстегнуто и свисает где-то на уровне талии, и то заметила я это исключительно потому, что кто-то зацеловывал всю меня от шеи до груди и... и едва собственно дошел до груди, как осознание времени, пространства и того, что меня-то спросить забыли, канули куда-то в бушующий океан нежности, сметенные напористым шквалом страсти.

Проблесков сознания больше так и не случилось...

Понимание того, что меня соблазнили самым безжалостным образом, коварно заманив в спальню тортиком, длилось ровно минуту, пока Вальд расстилал постель, попросту стянув с нее покрывало с остатками раздавленной в порыве страсти сладости. Я покраснела, вспомнив, как с меня слизывали крем, и решительно собиралась предаться страданиям и стыду, но тут шеф, покончив с расстиланием постели, вернулся к креслу, где оставил меня совершенно обнаженную, подхватил меня на руки и уложил на белоснежные простыни.

Безумие страсти перешло на новый виток, еще более головокружительный...

Под утро места для стыда, страха и сомнений уже не оставалось. И именно в этот момент мой невообразимо настойчивый шеф хрипло

спросил:

— Можно?

На это, растерявшая весь голос от криков и стонов, которых тут за ночь прозвучало столько, что будь они каплями воды, мы бы с лихвой наполнили море как минимум, а может даже и целый океан, прошептала поистине потрясенно:

— А по-твоему, после всего, что здесь случилось, осталось еще хоть что-то, чего нельзя?!

Он улыбнулся самой невероятной улыбкой на свете и произнес:

— Я обожаю тебя, Виэль.

И перешел к самому интимному, оставив меня недоумевать по поводу, а что же тогда было все то, что он творил со мной эту ночь напролет. Недоумевание оказалось столь сильным, что я, проигнорировав мимолетную боль, коварно сопроводившую новый виток блаженства, все же спросила:

— А вот все эти часов шесть разврата... это что было?

Прервавшись, дабы наградить меня удивленным взглядом, лорд Эйн сообщил:

— Прелюдия.

То краткое мгновение, пока шеф нарочито медленно склонялся к моим губам, чтобы снова свести с ума, я напряженно думала, что ждет меня впереди, если все, что творилось до этого, являлось лишь аперитивом перед основной трапезой...

* * *

Утро мы как-то пропустили.

Говоря откровенно, если бы не окна, в которые сначала забрезжил рассвет, а потом и ярко засветило солнце, мы бы это утро вовсе не заметили, просто в какой-то момент, остановившись на миг, Вальд тихо прошептал:

— Как же ты прекрасна в ореоле солнечных лучей.

Я бы что-нибудь ответила... нет, я бы точно что-нибудь на это ответила, но не осталось сил даже говорить, не то что шевелиться. Увы, лорд Эйн отличался впечатляющей неутомимостью... Или не увы... Отдаваться во власть его сильных рук, уверенных движений и умопомрачительных поцелуев оказалось невероятно восхитительно. А потом в какой-то момент из состояния «о, как же мне хорошо», я

провалилась в блаженный и явно очень нужный сон, чем вызвала едва слышный стон сожаления шефа...

* * *

Утро началось с тортика в постель. Тортик был маленький, такой укуса на три, хрупкий, украшенный решеточкой из белого шоколада и алыми ягодками... Тортик был не один — рядом со смятой постелью находилось еще два столика на колесиках, заставленных пирожными, тортами, мороженым, фруктами... очень грустно посреди всего этого великолепия смотрелась одинокая маленькая чашечка чаю...

Эйна нигде не было.

Я подняла покрываю, там шефа не было. Подняла ближайшую ко мне огромную подушку — там тоже пусто.

— Окно, — раздалось собственно от окна.

Прищурившись, оттуда все же свет бил, посмотрела на окно и обнаружила лорда Эйна в одних брюках и с чашечкой чая в руках.

— И что это вы делаете, сидя на подоконнике? — поинтересовалась я.

— Любуюсь тобой, — последовал ответ.

И сказано было так, что я сразу поверила и засмущалась, и покрывалом прикрылась посильнее. Шеф улыбнулся, оторвался от окна, подошел, забрался с ногами на постель, сел, скрестив их, и вернулся к медленному испитию чая, в процессе которого не сводил с меня пристального, изучающе-восторженного взгляда.

Затем вдруг сообщил:

— Ужинать пришлось одному, ты спала и отказывалась просыпаться.

Это ж уже какой сегодня день? Это второе утро с момента, как... как меня безжалостно соблазнили, заманив в спальню! Хмуρο глянула на лорда Эйна, потом на тортики. Внезапно вспомнилось, что этот конкретный лорд предпочитает тощеньких. Не удержалась от язвительного:

— Учитывая ваши пристрастия, я думаю, не слишком благоразумно с вашей стороны закармливать меня сладким. Растолстею ведь.

Шеф, собирающийся сделать глоток, глянул на меня, приподняв брови, усмехнулся и спокойно произнес:

— Виэль, я люблю тебя. Всю тебя. Неужели ты полагаешь, что меня может не радовать мысль, что тебя станет больше?

Все, на этом моя вредность объявила капитуляцию, зато возник новый вопрос:

— А поцеловать?

Вальд отрицательно покачал головой, вздохнул и тихо признался:

— Одним поцелуем я не ограничусь. Я ждал тебя всю ночь, и есть опасения, что сорвусь, как только притронусь... Так что лучше поешь до поцелуя.

— Шеф, все поняла, — заверила я.

И выскользнула из постели. Одежды на мне не стало еще... да не помню уже когда, и надеть здесь было нечего.

— Никто не зайдет, — заверил меня лорд Эйн.

Это, конечно, радовало, но не успокаивало — его же я тоже стеснялась. Прикрываясь подушкой, сбежала в гардеробную, оттуда вернулась, уже завязывая пояс халата. Потом сбежала в ванную. К слову, выходить из нее у меня не было никакого желания. Я в принципе с удовольствием полежала бы в водичке подольше, в идеале до тех пор, пока кое-кто не уйдет вообще из спальни... Хотя наивно думать что он уйдет, да?

И тут я вспомнила коронацию Юалии... корону, которая оказалась в итоге на мне... Выбор льдов... Напрягла мозг по этому делу... Мозг взял и выдал парочку образов вчерашней ночи... Бесстыжими глазами посмотрела в зеркало на свое бесстыжее отражение. Улыбнулась. Даже не знаю почему.

— Виэль, — раздалось из спальни.

После чего дверь открылась, куда более бесстыжий, чем я, шеф вошел, подошел, остановился позади все так же обнаженной меня, рывком прижал к своей груди, ладонями провел от плеч вниз, улыбнулся и, глядя мне в глаза через отражение, хрипло произнес:

— Я передумал, Виэль.

— Берешь меня обратно на работу? — живо поинтересовалась я.

— Нет, — теплые ладони скользнули по талии и ниже, — не позволю ни одному мужчине прикоснуться к тебе.

— А-а-а... — почему-то мне совсем даже по поводу наготы стыдно не было... что не удивительно после всего произошедшего, — а как же «выйдешь 3-3-замуж»?

— Передумал, — зло повторил снежный лорд.

— Какой ты... непостоянный, — протянула я.

Размышляя о том, что раз меня льды избрали, по ходу льды вообще продуманные очень, значит, получается... получается... хм!

— В общем так, — я накрыла его ладони своими, — я согласна не выходить замуж в твое вынужденное отсутствие, но только при одном условии — ты берешь меня обратно на работу!

— Виэль! — раздраженно произнес шеф, ну пока что будущий шеф, потому что точно не отвертится.

— Иначе выскочу за Охарда, — пропела я, радостно улыбаясь.

— Я на клочки порву Охарда, — прошипел Вальд.

— Тогда за Докерса. — Почему-то я ощущала себя невероятно счастливой.

— Виэль, вы из разных биологических видов! — срываясь на рычание, напомнил он.

— Да ладно, Юалия как-то же справлялась. — Нет, я положительно ощущала себя абсолютно счастливой.

Шеф себя явно нет.

Глядя на меня вновь совершенно красными глазами, он холодно произнес:

— Я так понимаю, что в случае отказа ты назовешь еще с десяток персон на роль жениха, который, клянусь, гарантированно не доживет до свадьбы. Виэль, к тебе я прикоснуться и приблизиться не смогу, но к ним запросто!

Даже так. Я улыбнулась, поправила растрепанные волосы и перешла на новый уровень запредельной наглости:

— Вальд, возьми меня на работу.

Лорд Эйн нет чтобы согласиться, взял и тоже новый уровень вредности открыл для себя, заявив:

— Нет!

— Ты чего такой упрямый? — Вот серьезно, я лично не понимала причин. — Какая тебе разница, буду я на тебя работать или нет?

— Принципиальная, — мрачно ответил шеф.

— Выйду замуж!

— Не выйдешь!

Конфликт нарастал.

Конфликт нарастал ровно до того момента, как снежный лорд развернул меня к себе лицом, склонился к моим губам и я растаяла. Не знаю, как насчет снежности, но вот тепла в его прикосновениях было столько, что он мог растопить все льды Зандарата не глядя. Так что этот раунд остался за шефом.

Но я не собиралась сдаваться.

А лорд Эйн не собирался выпускать меня из постели, видимо, прекрасно отдавая себе отчет, что в этом месте я не в силах возразить ему ничем. В результате я для себя сделала несколько открытий:

1. Торт — ничто, в смысле действительно сладко становится совсем от

других вещей.

2. Сон — ничто, в смысле есть много гораздо более интересных занятий, нежели посапывать в подушку;

3. А поцелуи-то разные бывают...

4. Любовь — это когда лежишь в его объятиях, водишь пальчиком по его груди и думаешь, что ты совершенно, абсолютно и невероятно счастлива, настолько, что даже говорить ничего не хочется.

Нет, из постели мы все же выбирались — к примеру, чтобы позавтракать, сидя на берегу моря. Я, закутанная в белую шубу, под которой на мне вообще ничего не имелось, и он в одних брюках, потому что холодно ему не было и уже вряд ли когда будет. И я пила чай, обнимая теплую чашку ладонями, а он под шум набегающих на скалы волн рассказывал мне древние легенды Зандарата. Я готова была слушать Вальда часами. Пару раз мы ужинали на побережье какого-то тропического моря. Там, в горах, среди снежных вершин имелся выход ртутного пути, с горы мы спускались, используя воздушный поток, а потом, держась за руки, бродили по улочкам портового городка, Вальд скупал мне забавные украшения из ракушек и жемчужин, после мы выбирали ресторанчик у моря и ужинали, глядя больше друг на друга, чем на опускающееся за горизонт солнце.

Я совершенно потеряла счет времени, но в последнюю ночь как-то сразу поняла, что она последняя.

И за эти несколько пролетевших столь стремительно быстро дней я уже влюбилась настолько, что собиралась обо всем рассказать, но... не хватило ни сил, ни слов. Ни даже возможности такой не было.

На рассвете он долго целовал меня, мои волосы, мои ладони, вновь меня. Потом прижал к себе и прошептал срывающимся голосом:

— Я справлюсь за год, Виэль. Я смогу. И я всегда буду где-то рядом, любимая. Я буду ветром, стучащимся в твоё окно. Я буду изморозью, оплетающей замок. Я буду морозным холодом, мечтающим согреть тебя в объятиях. Я люблю тебя.

После чего встал и, не оборачиваясь, ушел одеваться.

А я лежала, глотая слезы, и пыталась хоть что-нибудь произнести. Хоть как-то.

Вальд вернулся через минуту — светящийся в полумраке в своем алебастрово-белом костюме, который ему даже не знаю когда успели пошить. Несколько секунд стоял и смотрел на меня так, словно хотел запомнить каждую черту лица, каждую деталь, сохранить мой образ. Потом наклонился, поцеловал, вложив в это прикосновение бездну нежности,

выпрямился, еще раз посмотрел на меня, развернулся и ушел.

Молча. Оглянувшись у раскрытой им двери, хотел было что-то сказать, сдержался и ушел уже окончательно.

Я полежала еще несколько секунд, глотая слезы, потом быстренько их вытерла, вскочила и решила — все, с меня хватит, догоню и расскажу обо всем! Накинула халат и, завязывая пояс, бросилась вслед за лордом Эйном.

Промчалась по спальне, выбежала в коридор и наткнулась на Охарда. Мой бывший жених стоял и явно ждал, причем явно меня. И еще у него был совершенно счастливый оскал на морде лица, и этот оскал говорил о том, что зеленомордый счастлив.

— Не сказала? — радостно спросил он у меня.

Из коридоров, комнат, с третьего этажа и даже с первого — отовсюду на меня заинтересованно глядела прислуга, учителя лорда Эйна и вообще все! Включая Докерса, который тихо угорал в бороду. И все ждали моих слов.

Скривившись, призналась:

— Нет.

— Я так и думал! — возликовал Охард. И заговорщицки добавил: — Это месть за коварное соблазнение тортиком, да?

— Охард, ты что, подглядывал? — возмутилась я.

— Шутишь? — притворно вознегодовал он. И тут же гордо добавил: — Мы все подглядывали. И за романтическим ужином, который ты позорно провалила, и за эпическим заманиванием Эйном тебя в спальню при помощи тортика. В спальне не подглядывали, увы, слишком уж Эйн в гневе страшен.

— Слов нет, — сказала я и попыталась обойти Охарда.

— Ты куда? — придержал меня зеленомордый.

— К нему, рассказывать, — ответила торопливо.

И поспешила к лестнице.

Остановил меня... ну да, Охард, кто же еще, начав отчитываться:

— Коронацию по твоему сценарию подготовил, собственно она уже началась. Платье для тебя готово. Жреца сменить не вышло — тот Ужас Льдов он по этим делам в принципе единственный. Это будет феерично, Виэль, ты явишься к нему в платье сэльдины, с короной на голове... Так что давай одеваться, явишься в самый разгар коронации и сразишь всех наповал!

Я замерла.

На миг, на какой-то такой соблазнительный миг, захотелось последовать плану Охарда, но... с любимыми так не поступают, а я

отчетливо поняла, что люблю...

Оглянулась, улыбнулась зеленой мордашке бывшего жениха и отрицательно покачала головой.

— Что? — не понял Охард.

Я не ответила, я помчалась вниз по ступеням, надеясь догнать любимого мужчину.

* * *

Сбежала, скользя по ступеням в домашних тапочках, пронесаясь менее чем за минуту по всем лестничным пролетам, вбежала в лужево-приемный зал и замерла, тяжело дыша.

Вальд был там. Статный, величественный, суровый, властный... Он стоял в окружении лордов, среди которых мне был известен лишь лорд Тай, и медленно уничтожал лужу за лужей, просто переводя взгляд с одного озерца на другое. И ртутные пути затягивались льдом под его взглядом. Он точно бы отсекал их, покидая замок. Его сопровождающие хранили торжественное молчание.

А затем, словно почувствовав меня, шеф стремительно, всем телом, повернулся к лестнице. У меня замерло сердце, он замер весь.

Но лишь на миг.

А затем, став снежным бураном, за долю секунды перенесся ко мне. Застыл, вновь став собой и вглядываясь в мои глаза, а затем... отступил на шаг.

— Тебе лучше уйти, — произнес едва слышно.

И только глаза, его глаза просили остаться, не уходить, быть рядом как минимум всегда.

— Вальд, я... — сделала шаг к нему и остановилась, увидев, как заledenел его взгляд.

— Остановись, — попросил он.

Сглотнул, глядя на меня совершенно несчастными, полными боли глазами, затем поднял руку и прикоснулся пальцами к стене... И в то же мгновение от того места, где касались его пальцы, по стене, словно побеги дивного растения, протянулись узоры изморози. Не просто протянулись — смертоносными побегами захватили всю стену и даже частично зацепили лестницу, заставив ее в секунду заиндеветь. Я отшатнулась, перепугавшись, лорд Эйн молча сделал еще шаг назад...

Отчего-то хотелось расплакаться. Наверное, от страха. Мне вдруг

вспомнился тот первый раз, когда он стал снежным бураном... жутковато тогда было. И да, в какой-то миг я действительно испугалась, но уже в следующий решительно шагнула к снежному лорду.

— Нет, Виэль, — он покачал головой, — уже нельзя, льды пропели мое имя, я с каждой минутой становлюсь опаснее. Уходи.

Я остановилась в шаге от него, на расстоянии вытянутой руки. Я ничего не знала о зандаратских завихрениях, ну в плане чего там льды решили и не получу ли я сейчас обморожение всех конечностей, если сильно ошибаюсь и коронка еще ничего не значит. В общем и целом было довольно страшно и переживательно, но...

Но я собралась с силами и попросила:

— Обними меня.

— Что? — переспросил лорд Эйн. — Виэль, посмотри еще раз на стену со следами моего прикосновения и подумай хорошенько, о чем просишь.

Я не хотела думать, я приблизилась к нему еще на один маленький шаг и попросила:

— Пожалуйста.

Вальд тяжело вздохнул, после чего нагнулся ко мне, с силой сцепив руки за спиной, и прошептал, глядя в мои глаза:

— Я люблю тебя. Безумно люблю, тем страшнее причинить тебе вред. Отпусти меня, Виэль, обещаю, я вернусь, как только смогу. Я вернусь и буду рядом всегда, клянусь. Но сейчас мне нужно уйти, пойми.

О, если бы я могла. Но лорд Эйн умел не только соблазнять, у него еще получилось влюбить меня в себя, да так, что я не готова ждать ни мгновения, ни секунды, ни...

— Я люблю тебя, — шагнула, глядя в его глаза, — люблю так сильно... я... Я не знаю, правильно ли поступаю... Я не уверена в том, что выбор льдов и коронка... Оно вообще все по-дурацки получилось, но... я люблю тебя...

Голос срывался.

А он смотрел на меня, затаив дыхание, и внимал каждому слову, каждому признанию, и в его взгляде было столько любви, столько нежности и в то же время холодные льды отчаяния. Он считал, что должен уйти, я... я...

Я начала почему-то нести бред:

— У меня есть коронка!

Вальд отреагировал слегка приподнятой бровью, но в целом он смотрел на меня так, что становилось совершенно ясно — ему совершенно

плевать, какой бред я несу, он просто готов слушать меня вечно.

— О, Вальд, я...

Невольно сделала еще шаг к нему — лорд Эйн тут же отпрянул. Замер, увидев мой полный страдания взгляд, остановился, тяжело вздохнул и прошептал:

— Не подходи, прошу тебя. Я не смогу жить, если с тобой что-то случится.

Я, честно говоря, плохо знала этого мужчину, и понимание данного факта пришло только сейчас. Поначалу откровенно полагала, что он надменный аристократ, высокомерный ублюдок, который ломает мне всю жизнь просто из прихоти, а вышло... Потом ведь думала, что мне в начальство достался благородный, но тупой совсем солдафон, который из-за благородства и недалекости и был задвинут Харнисом и Юалией на задворки политической жизни Зандарата. И лишь со временем поняла, что шеф потрясающе умный, с хорошим чувством юмора, ироничный и, главное, надежный очень... А сейчас? А сейчас я стою и смотрю на самого удивительного мужчину в мире — нежного, чуткого, умного, способного часами рассказывать, да так, что я готова его слушать, едва дыша... Мужчину, который, кажется, действительно любит меня...

— Вальд, — мой голос дрожал, — ты меня любишь?

Почему-то оказалось очень важным услышать его ответ.

Лорд Эйн вновь сделал шаг ко мне, посмотрел так, словно ласкал взглядом каждую черточку моего лица, и тихо ответил:

— Безумно. Настолько, что до сих пор не могу поверить, что оказался способен на такие чувства.

И в душе словно что-то распахнуло крылья!

Я набрала побольше воздуха, собиралась все взять и рассказать, но тут... тут по ступеням послышался грохот, я обернулась и увидела Охарда, который мчался с моей коронкой в руке.

— Нашел! — заорал он в процессе сбегания по ступеням. — Сразу нашел — вы, женщины, вечно все среди своего белья прячете! Вот!

С этими словами он домчался до меня и с размаху водрузил на меня коронку...

А в следующее мгновение случилось волшебство. Оно брызнуло тысячами сверкающих искорок, поднявшихся с пола, закружилось между мной и лордом Эйном вихрем искрящихся снежинок и опало на нас мириадами блестящих застывших бриллиантами капелек. В один миг мой — мужской кстати — банный халат и алебастровый костюм Вальда стали подобны произведениям искусства. И засияли, да.

А с лестницы донеслось потрясенное:

— Их обвенчали льды!

Я же в этот момент, задохнувшись от восторга, смотрела на лорда Эйна и как-то запоздало совсем поняла, что моим свадебным платьем на этом венчании оказался халат. Мужской!

— Ох! — потрясенно выдал Охард. — Нехорошо как-то вышло. Виэль, я... Прости, я не знал, что льды вас обвенчают, едва корона на тебе окажется... Я... Слушай, мы платье украсим, про халат вообще никто не узнает, поверь.

Я его не слушала, я его в этот момент была готова просто прибить, так чтобы долго не мучился. И вообще нехило так — обвенчаться, будучи в мужском халате, наброшенном на голое тело! Это... это...

И тут я посмотрела на Вальда. Лорд Эйн смотрел на меня так, что внезапно пришло четкое осознание — сейчас не Охарда, сейчас меня убивать будут!

— Так, тихо, — я осторожненько сделала шаг назад, — я сейчас все объясню, я...

Но взбешенный шеф, который теперь еще и селедка в довершение ко всему, с совершенно красными глазами, то есть взбешенный дальше некуда, прорычал:

— Виэль!

И так он это прорычал, что меня просто-таки пробрало, причем основательно, и я на всякий случай еще два шага назад сделала, в смысле — поднялась по лестнице вверх.

— Милый, ну все же хорошо, правда? — уже понимая, что грядет буря, пробормотала я.

— Хорошо? — делая шаг ко мне и поднимаясь на ступеньку следом за мной, прошипел невменяемый мой шеф. — Хорошо?! Я семь дней сходил с ума! Я...

— Да что ж ты так злишься-то, — «совсем незаметно» делая шагов десять назад, сказала я. — Ну забыла девушка рассказать, ну с кем не бывает. Может, у меня после твоего коварного соблазнения дар речи отнялся.

— Дар речи отнялся?! — прорычал злющий снежный лорд. — Ты успела мне пересказать всю свою жизнь, от рождения при монастыре до холодной войны с женой градоправителя, и заметь — исключительно используя дар речи!

— Ну не жестами же мне было изъясняться, — придерживая свой сверкающий венчальный халат, ответила я, продолжая восхождение спиной

вперед по лестнице.

— Не жестами, говоришь?! Виэль! — окончательно слетел с катушек мой шеф.

И ринулся ко мне. Я, исключительно с перепугу, развернулась и помчалась спасать бесконечно нужного, важного и бесценного почетного личного секретаря. Себя в смысле.

— А ну стоять! — раздалось позади.

— Вальд, давай поговорим как взрослые люди, — улепетывая со всех ног, предложила я.

— Ты! — неслось мне вслед. — Я изнывал от отчаяния! Я подыхал с каждой проклятой истекающей минутой этих проклятых семи суток! А ты?!

И главное, несясь вслед за мной! Нет, чтобы как настоящий лорд остановиться и дать леди, то есть мне, смотаться подальше! В итоге перепуганная я, осознавая, что сейчас и наступит мне конец, взбежала на третий этаж в надежде прикрыться чужими прелестями — и слишком поздно вспомнила, что, во-первых, на этом уровне замка уже никого нет, а во-вторых — отсюда бежать некуда. Так что в итоге я осталась посреди белоснежного коридора с золотисто-бежевым ковром на полу и напротив настигшего меня взбешенного снежного лорда.

— Вальд, — отступая и отчетливо осознавая, что еще немного и упрусь спиной в стену, — Вальд, я просто...

— Ты просто что, Виэль? — прорычал он, наступая.

Ох ты ж!

— Вальд, — я отступала, отступала и доотступалась, врезавшись в стену, — Вальд, ну чего ты так злишься?

— Я чего злюсь? — хрипло спросил он, не отрывая от меня взгляда кроваво-красных глаз и по-хищному плавно приближаясь. — А я не злюсь, Виэль.

Настигнув, щеп, то есть бывший шеф, уперся руками в стену по обе стороны от моей головы, нагнулся и прорычал:

— Я не злюсь, я в бешенстве!

Сжавшись, зажмурившись и вообще мечтая слиться со стеной, я выдохнула:

— Меня нельзя убивать, я почетный личный секретарь, я...

Снежный лорд на это ничего не ответил. Он вообще молчал.

Я опасливо приоткрыла один глаз — на меня уничтожающе смотрели. Открыла и второй, посмотрела на лорда Эйна и...

И тут он протянул руку и осторожно, затаив дыхание, одним пальцем

прикоснулся к моей руке... Ничего. Ничего не случилось, в то время как по стене, к которой он прикасался всей ладонью, уже давно змеились ледяные узоры изморози... А мне от его касания было даже тепло. И Вальд, не дышавший вовсе, пока проверял, облегченно выдохнул, схватил меня за руку... улыбнулся, осознавая то, во что явно все никак не мог поверить. Посмотрел мне в глаза, улыбка стала какая-то предвкушающая, коварный такой оскал, и сообщил:

— Ты будешь моей любовницей.

Я чуть не рухнула. Утрирую, конечно, падать тут не было ни возможности, ни пространства, зато имелся простор для оправданного гнева:

— Что?! Лорд Эйн, так, только на секундочку — между прочим, нас только что льды обвенчали.

— Плевать на льды, — склоняясь к моим губам, произнес он.

— Что? — Я попыталась вырваться. — И кстати, я теперь, похоже, сьльдина Зандарата!

— Плевать на Зандарат! — рыкнул он, прижимая к стене сильнее, так, чтобы лишить свободы движений и накрывая мои губы своими.

И только я хотела высказать все, что я по его поводу думаю, как Вальд, неистово целуя, прошептал:

— Ты моя... О, вечные льды, поверить не могу, ты моя!

Его ладони проникли под халат, сжали мое тело, прошлись по изгибам, вновь прижали к горячему телу снежного лорда, и он, прервавшись на миг, хрипло произнес:

— Моя, только моя! Самый лучший подарок в жизни! Виэль... — Он взглянул в мои глаза. — Какая же ты красивая, Виэль... моя Виэль, моя жизнь, мое счастье...

Я не знаю, кто в такой ситуации мог бы не потерять голову... я не смогла. И окончательно растаяв в его объятиях, тяжело дыша, отвечала на поцелуи, нежные, страстные, обжигающие, срывающие стон за стоном... Зашедшие так далеко, как только могут зайти поцелуи и в целом...

В целом мы как-то оба подзабыли об окружающей реальности.

А потому только к вечеру выбрались из заледеневшей спальни. Вообще-то почти половина замка заледенела, но нас это не особо смущало — мой снежный лорд стал совершенно нечувствителен к холоду, мне рядом с ним вообще постоянно было жарко. О том, что случилось на коронации, пришлось, конечно, рассказать, после чего я поняла, что Харниса снова «случайно» встретят и зубов он не оберется, но досталось в итоге мне:

— Как ты могла?! — в очередной раз простонал Вальд.

Ну как? Вот как-то так...

— Понимаешь, — осторожно начала я, водя пальчиком по ледяному столу рестораника, расположенного на вершине горы, откуда открывался невероятный вид на остальные горы, — я в целом как бы не планировала становиться для тебя кем-то большим, чем почетным личным секретарем... У нас же с тобой были исключительно деловые отношения, и я... подумать не могла, что... Ну, согласишься, ты не давал мне и повода подумать, что мы можем быть вместе.

У Вальда стало такое выражение лица, я даже как-то устыдилась немного.

— Я, — он подался ко мне, перегнувшись через стол, на котором пока что стояли только два бокала с ледяным вином, игнорируя официантов, принесших наш заказ и сейчас терпеливо ожидающих с подносами на вытянутых руках, — я каждую ночь на лестнице возле твоей тюремной комнаты ночевал. С момента нашей встречи я не притронулся ни к одной женщине! Я... я тебя даже на романтический ужин пригласил!

Дальнейшему выяснению отношений помешало осторожное от официанта:

— О великий благословенный льдами сэлд, о прекрасная избранная стихиями сэлдина, не соблаговолите ли вы...

— Молча поставил, развернулся и исчез, — прервал его речь мой суровый снежный лорд.

Официант тут же подчинился, остальные вообще беззвучно все разложили и испарились — ровно до стены, откуда за нами, как выяснилось, целая толпа наблюдала. Я удивленно посмотрела на толпу, мне ответили приветственными жестами, поклонами и даже воздушными поцелуями. Надо же...

— Как они узнали? — шепотом спросила я у Вальда.

— Льды выковали наши лица на Великой горе и в храме у озера Спящих Предков, — ответил он, приступив к обеду.

Да, мы слегка проголодались, но когда спустились вниз, откровенно поражаясь тому, насколько обледенел замок, оказалось, что в нем уже никого нет. Охард оставил записку на тему, как им всем жить хочется и что мы пропустили коронацию. Я было заикнулась о том, чтобы отправиться ко всем, но... получила собственническое «Моя, и делиться тобой я ни с кем в данный момент не собираюсь. Может быть, завтра... или послезавтра... или через дней десять». И мы пошли поесть, куда-нибудь в отдаленный и работающий в полночь рестораник. И вот мы в нем. Дико голодные оба.

— Мне предстоит многое узнать о Зандарате, — проговорила я,

набирая себе салат и приступая к еде. — И коронацию нужно провести по правилам, так что, как вернемся, я займусь этим вопросом.

Лорд Эйн почему-то вдруг перестал есть. Отодвинул от себя тарелку, положил на стол столовые приборы и как-то странно посмотрел на меня.

— Что? — спросила, прожевав.

Снежный лорд потянулся к вину, наполнил бокал, залпом выпил, посмотрел мне в глаза и произнес:

— Три первых года правления сэлд и его любимая не участвуют в политической жизни Зандарата. Сила льда требует перестройки организма, и в это время рядом с избранником снегов может находиться лишь... собственно ты. Именно поэтому я оставил тебе свой замок и собирался уйти. Что касается коронации — она могла произойти лишь сегодня, пока я еще не смертельно опасен для окружающих, так что... — Он улыбнулся, настолько довольной, широкой и радостной улыбкой, что я даже несколько опешила. А вот затем Вальд взял и добил: — Ты моя, Виэль. Ты безраздельно моя на целых три года! Вся, везде, полностью совершенно моя. До сих пор поверить не могу.

Я сидела с поднесенной ко рту вилкой, на которой болталась мелко наструганная морковь, и потрясенно смотрела на лорда Эйна. Вдруг как-то неожиданно осознала глубину и степень своих проблем...

Три года...

— В изоляции? — спросила отчего-то шепотом.

— Только ты и я, — подтвердил неимоверно довольный Вальд.

Мне стало как-то нехорошо. Нет, я совершенно точно могу сказать, что, кажется, влюбилась в этого мужчину, но во имя небес — ТРИ ГОДА???

— Вальд, — я вся вдруг стала очень несчастная, — ты же говорил, тебе потребуется всего год для перестройки...

— Знаешь, — со все той же безмерно счастливой улыбкой глядя на меня, произнес он, — что-то мне подсказывает, что может потребоваться и пять лет... а может, даже шесть...

Появилось вдруг странное желание вскочить и как тогда, в здании градоправления, — помчаться прочь с надеждой на спасение, глядишь, и есть шанс.

— Временным правителем я назначил лорда Тая, — сообщил, вернувшись к еде, Вальд. — Естественно, я буду контролировать.

Глянул на меня и с нажимом повторил:

— Я.

— А мне что делать в то время, пока ты будешь его проверять? — возмущенно спросила.

— Отсыпаться, Виэль, ты жуткая соня, — улыбнулся он.

Появилось желание чем-нибудь в некоторых снежных запустить, да так, чтобы размахнись рука, разомнись плечо...

— В целом новый сэлд обыкновенно или проводит время со своей любимой, или ведет военные действия на благо увеличения территорий Зандарата, — продолжил просвещать меня Вальд.

— Со мной побудешь! — тут же решила я, мигом передумав сбегать.

Шеф коварно улыбнулся.

И в это время за покрытым легким налетом сверкающего инея панорамным окном ресторана показались драконы. Около десятка белоснежных с синевой созданий направлялись явно к нам. Они подлетели к ресторану, закружили над ним, снижаясь по спирали, и в итоге приземлились на террасе десятью высокими мужчинами в сверкающей голубовато-белой броне.

И все они разом шагнули к стеклу, разом приложили к нему правые руки, всей закованной в перчатку ладонью, и... стекло пропустило их так, словно было лишь призрачной дымкой. Ледяные вошли. Прошли к нам и синхронно, одним движением опустили на правое колено. Вокруг нас установилась торжественная тишина.

Ну как торжественная — лорд Эйн продолжал есть. После чего вновь налил себе вина, выпил глоток и снова вернулся к еде. Ел он со впечатляющей скоростью и вообще никак на явление ледяных воинов не реагировал.

— Вальд, — тихо позвала я, — Вальд, а это...

— Слуги, — ответил он, прожевав, и снова начал есть.

— Чьи слуги? — потрясенно спросила.

— Наши. — Вальд посмотрел на меня поверх бокала, который вновь наполнил. — Исполняют все, что пожелаешь. Достанут и принесут любую вещь. Это ледяные драконы, Виэль, мощь, основа и поддержка Зандарата.

У меня нет слов. Редкое для меня состояние.

— Мы прибыли, — объявил самый внушительный из закованных в ледяные латы мужчин.

— Я заметил, — отозвался мой шеф.

— Приказывай, — произнес дракон.

Но вместо того, чтобы им что-либо приказывать, Вальд спросил у меня:

— Милая, желания, капризы, мечты — есть?

Такой вопрос... я даже растерялась.

— Им-м-меются, — пробормотала я.

— Драконы в твоём полном распоряжении, — сообщил Вальд и начал отрезать себе новый кусочек мяса. — Так как сэльд в первые годы не контролирует свою силу, до обретения контроля ему служит клан ледяных драконов, они же защищают Зандарат от моей мощи, пока я не возьму ее под контроль. В принципе, мы должны переехать к ним в Ледяные чертоги, но учитывая, что ты моя, — он не удержался и улыбнулся невероятно счастливой улыбкой, — мы можем продолжать жить в моем... уже твоём замке, пока он стоит. Как рухнет, тогда и переедем. Но если есть пожелания к интерьеру — высказывай сейчас.

— Мой замок рухнет? — переспросила я.

Лорд Эйн пожал плечами и невозмутимо ответил:

— Если мы там останемся — да. Но если он тебе дорог, после ужина перенесемся в Ледяные чертоги, там, насколько я помню, довольно неплохо. Но холодно, впрочем, обещаю согреть тебя очень, очень, очень часто.

Обобщив всю информацию, я поняла, что меня втянули вообще не пойми во что. Причем втянули, совершенно даже не спрашивая!

Посмотрев на шефа, я не выдержала и с чувством выдала:

— Знаешь, ты не мужчина, ты... ты... лавина горная!

После чего встала и ушла... в окно смотреть. На горы там заснеженные, долину, раскинувшуюся внизу, на...

— Виэль, — теплые ладони скользнули на мою талию, обжигающее дыхание коснулось кожи на шее, — мы провели с тобой семь восхитительных дней вместе, разве тебе было плохо со мной?

— Нет. — И это была правда.

— И эти несколько лет нам будет хорошо вместе, поверь.

Он прикоснулся к моим волосам, и захотелось закрыть глаза и просто раствориться в его нежности, но я все же решила спросить:

— Три года?

— Или пять, — Вальд увлекся целованием моей шеи, — а может, шесть... семь... восемь...

Мне прямо так как-то нехорошо стало.

И тут раздался звон — я шубку свою надела, а в ней в кармане оставалось одно зеркальце. Достала чисто автоматически, посмотрела и вздрогнула — у Кассиль такой оскал был, и глаза горящие, и... ну любопытство как всегда.

— И как он отреагировал? Охард сказал, что весь замок от его гнева заледенел! — начала она, ничуть не стесняясь стоящего за моей спиной лорда Эйна. — Вы уже у ледяных? Я завтра у тебя буду. И секретарь клана

Саякхол, и вообще все наши. Принесу с собой бочонок вина. Говорят, Охарда сэлд Эйн назначил секретарем лорда Тая, почему не твоим? Ты ведь править должна, пока он в силу входит. А почему у тебя такое удивленное лицо? Знаешь, у вас, у людей, по морде никогда толком эмоции не прочесть. Ты чему удивилась, если удивилась?

Я не удивилась — я в шоке. Особенно от фразы: «Ты ведь править должна, пока он в силу входит».

— Девичник устроим! — продолжала радостная драконица. — На рудники слетаем, ледяные драконы — знатные ювелиры! Платье из серебряных нитей с бриллиантами хочешь? Устроим! И потом у них, знаешь, у них самая вкусная подкопченная рыбка, они ее особым образом коптят. И я тебя к себе в клан морских на пару дней заберу, у нас тут такой жемчуг, закачаешься! И знаешь, я...

— Кассиль, один момент, — прервала я ее.

И медленно, проигнорировав вконец заинтригованную чешуйчатую мордашку Кассиль, повернулась к лорду Эйну. Вальд, старательно делая вид, что мне вообще ничего выдающегося только что не сказали, попытался выкрутиться:

— Я сказал — любовница, а не жена. Соответственно — дай сюда зеркальце.

Не дала, естественно. Сказала Кассиль, что с нетерпением ее жду, и вино жду тоже. И по ювелирам побегаем, и...

Зеркальце у меня отобрали.

К себе развернули, в глаза алыми своими посмотрели и:

— Я тебя тоже люблю, — заверила любимого. — Но согласись, изоляция — это очень плохой способ начинать отношения.

И радостная потянулась к его губам.

Впереди меня ждали Ледяные чертоги, клан ледяных драконов, правление Зандаратом и, может быть, даже... и скорее определенно даже, маленькие симпатичненькие снежные лордики и леди... и еще лордики и леди, не меньше десяти, определенно...